

БОЗРЕВАТЕЛЬ **BSERVER**

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

**Постсоветские государства:
поиски самоидентификации и издержки независимости**

Ю.ГРИГОРОВ

**Возмещение вреда
при проведении КТО**

А.МИХАЙЛЕНКО

**Разведка
в современном мире**

А.ВИНОГРАДОВА

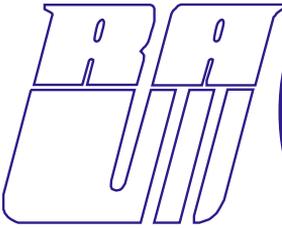
**МПИ: динамика
развития**

А.ЧЕРТИЩЕВ

**Можно ли остановить
революцию?**

**Глобальная система ПРО США и стратегическая
стабильность**

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Колонка редактора	5
Тринадцатый. (Стихотворение)	7

А.Цветков

Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России	8
--	---

А.Шатилов

Статья посвящена исследованию процессов идеологического обеспечения модернизационных проектов отечественной элиты в позднесоветский и постсоветский периоды. В работе выделяется несколько «идеологических» этапов, каждый из которых определялся лидерством той или иной группы в российском истеблишменте. Отечественная элита России сохраняет достаточно высокую степень консолидации и рассматривает свою деятельность как выполнение своего рода миссии в отношении общества и государства.

Правовое регулирование возмещения вреда, возникающего при проведении КТО	18
---	----

Ю.Григоров

В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования правоотношений в сфере компенсационных выплат физическим и юридическим лицам за вред, причиненный в результате совершенных террористических актов и при проведении контртеррористических операций.

Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости

29

В.Штоль

Автор рассматривает сложный процесс самоидентификации народов контактных зон на постсоветском пространстве; анализирует этнонациональную политику в Прибалтике, Средней Азии и Молдавии; вскрывает психолого-мобилизационную и психолого-компенсаторную функции национализма, приведшего к серьезным просчетам во внутренней политике новых независимых государств и возникновению на этой почве вооруженных и социально-политических конфликтов.

Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества

42

В.Егоров, О.Савина

В статье освещается проблема сохранения и развития культурно-цивилизационной идентичности «Русского мира», формировавшегося на протяжении столетий в результате активного культурного обмена между народами, населяющими современное постсоветское пространство. Внедрение в социально-экономический строй новых независимых государств западных культурных ценностей и их укоренение будет означать для России утрату возможности полноценной консолидации российской идентичности на постсоветском пространстве.

Глобальная система ПРО США в контексте стратегической стабильности

52

А.Кубышкин, В.Степанов

Статья посвящена исследованию технологического базиса и возможных перспектив развертывания глобальной системы ПРО США. Отмечается несоответствие хода и результатов этих работ декларируемым ракетным угрозам. Особо подчеркивается дестабилизирующее влияние концепции «быстрого глобального удара», реализация которой в условиях иллюзорно надежной противоракетной обороны может привести к катастрофическим последствиям.

Разведывательная деятельность в современном мире

61

А.Михайленко

В статье рассматривается современное состояние разведывательной деятельности, ее роль в международных делах и тенденции развития, а также возможности повышения эффективности деятельности российской разведки.

Межпарламентские институты: динамика развития

75

А.Виноградова

Проведя аналогию с известной концепцией волн демократизации, автор представляет хронологическую схему волн парламентаризации международных отношений в целом и международных организаций в частности. Анализ основных этапов эволюции исследу-

мого объекта приводит к выводу, что последняя четверть прошлого века стала бифуркационной точкой в динамике развития парламентских ассамблей.

Автор проводит сравнительный эволюционный анализ двух основных генотипов МПИ – международных парламентских организаций и парламентских органов международных организаций по количественным и качественным критериям, объясняющих причины различий в их росте и динамике развития.

События и люди

Можно ли остановить революцию? 93

А. Чертищев

Статья раскрывает проблему необходимости и вероятности остановки процесса углубления Великой Русской революции, когда деструктивные начала в ней стали абсолютно доминирующими. Реализация такой возможности связывается с успешностью революционного процесса.

«На зависть Европы я смотрю спокойно...» 106

С. Рыбаков

Среди значимых юбилейных дат российской истории есть дата, хотя и не привлекающая к себе большого внимания, но отнюдь не являющаяся ординарной: в 2012 г. исполняется 250 лет, как российской императрицей была провозглашена Екатерина II, за свои заслуги перед Россией названная Великой. Особо выделяются успехи во внешней политике за годы её правления. Проблемы во внешнеполитической сфере, стоявшие перед страной к началу царствования Екатерины, были фактически полностью разрешены. Екатерининская эпоха стала временем взлёта международного значения Российской империи.

Содержание журналов за 2012 год 122

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; ГУСЕВ А.А. – зам. гл. редактора, д.п.н.; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГЛАВАЧЕК И. – к.ю.н., ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, академик РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

6 ноября 2012 г. новым Президентом США, уже 45-м по счету стал демократ Барак Обама. В предвыборной борьбе с 27 кандидатами, нынешний глава Белого дома победил в ключевых штатах, что позволило ему заручиться поддержкой 332 выборщиков против 206 у основного претендента республиканца Митта Ромни. Так что победа Барака Обамы, что называется... за явным преимуществом.

Если говорить в целом о выборах, то исход противостояния решался в одиннадцати так называемых колеблющихся штатах: Невада, Колорадо, Айова, Висконсин, Огайо, Мичиган, Пенсильвания, Нью-Гемпшир, Вирджиния, Северная Каролина и Флорида, где явного преимущества в ходе избирательной кампании не удалось добиться ни одному из претендентов. В этих штатах разыгрывались голоса 146 выборщиков, большинство из которых достались Барак Обама.

Действующий президент США победил в девяти из одиннадцати «колеблющихся» штатов: во Флориде, Огайо, Айове, Висконсине, Вирджинии, Колорадо, Мичигане, Неваде и Нью-Гемпшире, а Митт Ромни – в Северной Каролине и Пенсильвании,

Согласно закону США кандидат, получивший большинство голосов в штате, получает и голоса всех местных выборщиков, т.к. количество последних зависит от численности населения штата. Для победы на выборах необходимо было заручиться поддержкой 270 выборщиков из 538. Барак Обама, в частности, получил в штате Огайо 50% голосов против 48% у Митта Ромни. Без победы в этом штате еще ни одному кандидату-республиканцу не удавалось занять Белый дом.

Кстати, действующий Президент США одержал победу в штате Мичиган, в родном штате Митта Ромни. Однако была ли она предсказуемой. Вряд ли...

На протяжении нескольких последних месяцев перед выборами ситуация довольно часто менялась и рейтинги претендентов то падали, то поднимались, Практически до последнего дня перед голосованием не было ясно, то ли демократ удержит власть, то ли в Белый дом войдут республиканцы.

Таким образом, Барак Обама доказал, что его победа в 2008 году не была случайной. И тем не менее победа была завоевана им не без потерь. Более 10 млн американцев, голосовавших

четыре года назад, отказали действующему Президенту США в своей поддержке.

Вполне очевидно, что изменились американцы, изменилась сама США, да и мир изменился за эти четыре года.

И все-таки в большинстве стран, несмотря на разочарование в реальных делах Барака Обамы, значительное большинство населения болели за демократа. Барака Обаму сегодня, как и четыре года назад, воспринимают как человека, который понимает, насколько изменился современный мир, однако, правда, не знает, что и как делать.

И что теперь? Что предпримет новый-старый Президент США?

Нас, конечно, больше волнуют отношения с Россией. А посему будет ли осуществлена «перезагрузка», о которой так долго говорили и у нас, и в Штатах?

Произойдет ли окончательный вывод американских войск из Афганистана?

Изменяли ли американцы свои позиции в отношении российско-американского договора СНВ-3?

Будет ли достраиваться система ЕвроПРО у наших границ и дадут ли американцы письменное подтверждение тому, что строящаяся система ЕвроПРО не направлена против России?

Да, вопросов больше, чем ответов...

Конечно, нас будут интересовать и внутривнутриполитические проблемы в США, так как расстановка политических сил в стране безусловно оказывает влияние и на внешнеполитический курс Белого дома.

То, что в администрации Барака Обамы грядут масштабные перестановки, очевидно уже сегодня.

Например, о желании оставить государственную службу уже заявили госсекретарь США Хиллари Клинтон и министр финансов Тимоти Гайтнер. Покинуть администрацию также намерены министр обороны Леон Панетта, министры энергетики Стивен Чу и внутренних дел Кен Салазар.

Кстати, в Белом доме уже создана специальная комиссия, которая займется отбором кандидатов на освобождающиеся посты.

Подождем...

Тринадцатый

Анатолий Цветков

Новый год на пороге,
Тринадцатый год,
И что, кроме дороги,
Он с собой принесет?

Может, сказ бесконечный
О подъеме страны,
Как огонь горит вечный
У Кремлевской стены.

Там забота людская
Воплотила в гранит
Всю Отчизну без края,
Где никто не забыт.

Не забыта держава,
Которой уж нет,
Будет жить ее слава
Еще тысячи лет.

Есть надежда, что скоро
Русь поднимится вновь,
Скажет нам без укора,
Что бессмертна любовь.

Она всех вдохновляет
На великий аврал,
Каждый рос поднимает
За нее свой бокал.

Новогодний, искристый,
Как декабрьский мороз,
Облик Родины чистый
И любимый до слез.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – член Союза писателей России. *E-mail:*
anatoly2010@gmail.com

Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России

Александр Шатилов

Уже в 70-х – 80-х годах наблюдалось идеологическое «обмирщение» отечественной элиты, которая лишь формально придерживалась коммунистической стилистики и риторики, а на деле проводила вполне прагматичный политический и социально-экономический курс. Уже тогда правила игры внутри советского истеблишмента предполагали надмировоззренческую корпоративную солидарность правящего класса и его покровительственно-надменное отношение к верящим в идеалы народным массам. Нужно отметить, что такого рода «игра в идеологию» могла продолжаться достаточно долго (как это происходит до сих пор в КНДР), однако моральный износ коммунистического проекта оказался настолько глубоким, что советский истеблишмент был вынужден форсировать модернизацию режима (в том числе политическую и идеологическую).

Встав с середины 80-х годов на путь перестройки, а затем и радикальных реформ, элита СССР отставала в том числе и свои вполне корыстные интересы. Советским партийным, хозяйственным и силовым бонзам требовалась конвертация своего условного управленческого капитала во вполне реальные финансово-экономические активы, «частное» использование которых в условиях сохранения коммунистической системы было просто невозможно.

ШАТИЛОВ Александр Борисович – кандидат политических наук (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), заместитель генерального директора Центра политической конъюнктуры России. *E-mail:* absh71@yandex.ru

Ключевые слова: элита, модернизация, идеология, «суверенная демократия», «глобальное акционерное общество», стабильность.

Для столь существенных преобразований требовалась соответствующая массовая поддержка и новая идеологическая база, способная дать морально-этическое обоснование слову устаревшего режима и ниспровержению ранее незыблемых догм.

И здесь у российской (тогда еще советской) элиты было два пути: национально-патриотический и либеральный. При этом каждый из них имел и свои «группы поддержки», и свой потенциал мобилизации населения на некоммунистической основе.

Так, *национально-патриотический проект* предусматривал резкое повышение статуса русской нации до государствообразующей и титульной, возврат от светского государства к религиозному (в диапазоне от умеренного клерикализма до православного фундаментализма), активную игру на патриотических чувствах граждан и их «генетической» нелюбви к Западу, «осторожный антисемитизм». Этот путь вел к установлению «национальной диктатуры» и наведению порядка железной рукой. При этом в социально-экономической сфере допускалась возможность введения элементов «ограниченного капитализма», «дирижизма» и «функциональной частной собственности».

Однако такой путь развития страны представлялся советской элите весьма рискованным.

Во-первых, национально-патриотический проект вызвал бы жесткое противодействие со стороны США и их союзников, которые боролись с коммунистической «империей зла»

явно не для того, чтобы на ее месте возник «Третий Рим».

Во-вторых, «великодержавная» модернизация была чревата междоусобицей внутри самой элиты, которая изначально формировалась как «межнациональная».

В-третьих, неизбежное введение диктаторского правления пугало истеблишмент, который после «сталинских чисток» и «андроповского закручивания гаек» зарекся «играть в вождя».

Что же касается *проекта либерализации и демократизации*, то он казался более компромиссным, поскольку практически не ущемлял интересы ведущих властных групп и позволял им провести передел собственности и сфер влияния без масштабной внутриэлитной войны.

Так российские элиты обеспечивали себе контроль над политическим и экономическим потенциалом наиболее ресурсоемкой части СССР, а элиты в национальных республиках повышали свой статус до уровня «суверенности» и получали право единоличного распоряжения собственными ресурсами.

В итоге, отмечает А. Аринин, как ни парадоксально, «сговор правящих элит во многом predetermined мирный характер распада СССР. Между тем определённые международные силы в целях захвата природных ресурсов и территорий России готовили сценарий распада Советского Союза по югославскому варианту – с гражданской войной и большими человеческими жертвами. Конечно, в ряде регионов кровь всё-таки пролилась, но масштабной гражданской войны удалось избежать»¹.

Для реализации либерального проекта модернизации понадобилась соответствующая идеологиче-

ская обработка населения, которая осуществлялась по двум направлениям. С одной стороны, проводилась целенаправленная политика по дезавуации советского наследия и преодолению «нерыночных» стереотипов граждан СССР, а с другой – на контрасте с деградирующей социалистической системой пропагандировались в качестве «современных» и «успешных» идеи политической демократии, свободного рынка, парламентаризма, многопартийности и пр. И опять же – «ничего личного»: представители элиты (за редким исключением) не являлись искренними адептами либерализма, они исходили из вполне рационально понимаемой выгоды, которую сулил им этот идеологический проект.

Всю относительность «либерально-демократического настроения» правящего постсоветского российского истеблишмента продемонстрировали события сентября-октября 1993 г. и первая чеченская война, которые сопровождались вопиющими отклонениями от базовых принципов либеральной идеологии и многочисленными нарушениями прав и свобод человека. При этом стоит отметить, что отечественная элита в этом плане мало чем отличалась от своих западных «коллег», которые откровенно пренебрегают либеральной догматикой в случае угрозы своим корпоративным интересам (вспомнить хотя бы маккартизм, войну во Вьетнаме, уничтожение общины «Храма народов» в Гайане, «принудительную демократизацию» Югославии, Ирака, Ливии и др.).

Как пишет в своей статье М. Белоусова, «с точки зрения политических элит, жалобы на

нарушения прав человека – удел слабых и неспособных. В отличие от рядовых граждан они не апеллируют к абстрактному “государству” как источнику или нарушителю их прав. Находясь “внутри” государственной системы, они располагают дополнительными эффективными ресурсами (административный, клановый, финансовый) для защиты и реализации своих прав. Таким образом, они отделяют себя от «остальных», воспринимая реализацию прав человека как нечто зависящее (производное) от борьбы за власть»².

При этом идеологический заряд либерализма с точки зрения воздействия на массы оказался достаточно слабым: его хватило на то, чтобы сломать прежнюю Систему и перекантоваться на этапе становления новой российской государственности, но не более. Уже в 1995–1996 г. либеральный проект стал терять актуальность и привлекательность, что продемонстрировали, в частности, выборы в Госдуму второго созыва, а также «проблемная» президентская кампания Б.Н. Ельцина.

Несмотря на «вымученную» победу правящего истеблишмента в президентской гонке 1996 г., стало ясно, что этот успех является последним, если не будет кардинальным образом пересмотрен идеологический антураж российского постсоветского режима. Либерализм уже откровенно враждебно воспринимался массами, и появлялось все больше политиков (системных и несистемных), стремившихся на волне идеологического недовольства прийти к власти.

Так, на оппонировании либеральному проекту в конце 90-х годов сделали себе имя сперва руководитель Движения в поддержку армии генерал Л.Я.Рохлин, а затем лидеры блока «Отечество – вся Россия» Ю.М.Лужков и Е.М.Примаков.

О кризисе идеологии либерализма в России тех лет можно найти свидетельства многих очевидцев, но примечательно, что это признают не только противники демократов, но и сами представители либерального лагеря «ельцинской» эпохи.

В частности, экс-губернатор Ярославской области А.И.Лисицын, один из адептов либеральных реформ 90-х годов, в своих воспоминаниях признает, что в конце правления первого президента России «демократические, рыночные и прозападные взгляды политиков разделялись обществом все меньше: призывы к достижению личной свободы и правового государства не подкреплялись экономическими благами и практическими государственными действиями, а потому выглядели голословными и демагогическими»³.

Поэтому правящей элите понадобился новый идеологический поворот, способный, с одной стороны, консолидировать элиту, а с другой – удовлетворить запросы населения страны.

Ставка была сделана на идеологию неоконсерватизма, получившую свое российское воплощение в начале 2000-х годов в концепте «суверенной демократии». Данный интеллектуальный замысел, несмотря на жесткую критику со стороны оппозиции за «абстрактность» и «эклектичность», нес в себе ряд важных смыслов⁴.

Прежде всего впервые после 1991 г. страна получила вариант национальной идеи, которая в целом на тот момент отвечала настроениям общества.

Так, при всем своем негативном отношении к Б.Н.Ельцину и его курсу большинство граждан России не были готовы «вернуться в прошлое»

и отказаться от пусть и вполне условных, но «демократических» и «рыночных» реалий. Но при этом на рубеже 90-х – 2000-х годов отчетливо ощущался социальный запрос на державность и патриотизм, а населению требовалась компенсация за национальное унижение, связанное с крушением Советского Союза. В этом плане «суверенность» фактически становится умеренным ответом на имперские, а где-то даже националистические устремления россиян.

Кроме того, концепт «суверенной демократии» позволил власти в начале 2000-х годов снизить градус социального противостояния в обществе и мобилизовать массы на основе «социального компромисса». И это притом что в конце 90-х годов, особенно после финансово-экономического обвала 1998 г., социальное размежевание в России достигло своего апогея, едва не дойдя до классовой борьбы.

Об этом пишет, например, К.Клеман: «На период с 1997 по 1999 годов пришелся пик коллективных действий, отмеченный такими явлениями, как “рельсовая война”, продолжительные эксперименты рабочего контроля над производством (например, на целлюлозно-бумажном комбинате Выборга, на Ясногорском машиностроительном заводе), или “палаточные городки” (например, в Ярославле или Астрахани). В то же время кризис легитимности власти достиг своего апогея. Стачки и демонстранты требовали отставки Ельцина и жестко противостояли новым собственникам, купившим заводы с целью перепродажи или спекуляции. Недовольство политической властью и олигархами нарастало»⁵.

Но особое значение «суверенной демократии» стоит отметить с точки зрения примирения российской элиты, которая в последние годы правления Б.Н.Ельцина находилась в со-

стоянии перманентных конфликтов и информационных войн.

С приходом к власти В.В.Путина отечественный истеблишмент приобретает отчетливую двуличность: одну его часть составили так называемые «питерские либералы-прагматики», работавшие с новым президентом России в мэрии Санкт-Петербурга, другую – «силовики», выходцы из спецслужб. При этом если первые были сторонниками «умеренной демократии» и рыночной экономики, то вторые придерживались скорее авторитарных и державно-патриотических позиций.

Соответственно, концепт «суверенной демократии» позволил примирить эти два сообщества, дав каждому из них необходимую идеологическую надстройку для проведения в жизнь собственной политической и социально-экономической линии.

Позже концепция «суверенной демократии» органично (с точки зрения приоритетов российских элитных групп) была дополнена идеей участия России в «глобальном акционерном обществе».

Эта идея зарождается после прихода к власти В.В.Путина, однако ее активная практическая реализация начинается как раз при Д.А.Медведеве.

В течение первых лет XXI в. страна была вынуждена заниматься внутренним обустройством. Именно на этот период приходится перестройка политической системы и федеративных отношений, активные социальные и экономические реформы, формирование новой повестки дня для России как современного, демократического и в то же время сильного государства. При этом в

2000–2006 гг. руководство страны еще не могло позволить себе проводить активную внешнюю политику: были слишком велики внутриполитические и внутриэкономические риски и «перегрузки». А потребность в таковой явно ощущалась: на постсоветском пространстве одна за одной свершались «цветные революции», НАТО все ближе придвигалось к границам России, одновременно появилась угроза развертывания системы ПРО в Европе.

Кроме того, несмотря на объективно возникшую потребность в преодолении униполярности (в связи с появлением де-факто политических и экономических альтернатив новому мировому порядку США), никто из ведущих государств мира (даже КНР) не осмеливался напрямую заявить Вашингтону о необходимости поделиться глобальным «контрольным пакетом акций». Эту миссию взял на себя В.В.Путин во время своей мюнхенской речи 10 февраля 2007 г., в которой он заявил о недопустимости сохранения мировой монополии Вашингтона в современных условиях.

«Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение. Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. ...И это, конечно, крайне опасно»⁶.

Одновременно была заявлена главная идея новой российской внешней политики: отныне окрепшая Российская Федерация станет претендовать на свою долю в мировом глобальном «акционерном обществе» и будет жестко отстаивать свои интересы, исходя из величины своего «пакета».

Можно выделить основополагающие принципы стратегии участия России в «глобальном АО».

Прежде всего это прагматичное и жесткое отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

Так, например, в этой связи нельзя не отметить жесткую, но в рамках международной процедурной практики, реакцию Москвы при ее проверке на «уступчивость» в войне «08.08.08», когда с подачи США режим Михаила Саакашвили поставил под сомнение авторитет России не только в Закавказье, но и на Кавказе в целом.

В этой ситуации поддержка Южной Осетии и Абхазии со стороны Москвы стала фактически вынужденной, поскольку их «сдача» угрожала стабильности ситуации в регионе и была чревата вытеснением оттуда России. При этом стоит отметить, что сила, использованная в данном конфликте, в целом была дозированной. Несмотря на призывы российских «ястребов» «жестоко покарать агрессора», «взять Тбилиси» и пр., данные боевые действия не превратились в войну с грузинским народом, а стали лишь демонстрацией готовности России взять на себя ответ-

ственность за стабильность ситуации на постсоветском пространстве.

Тесно была взаимосвязана с вышеуказанными событиями и активизация России в рамках ОДКБ, который она стремилась (и стремится) превратить в мощный военно-политический блок, в оплот защиты постсоветского пространства от «рейдерства» со стороны США и Евросоюза. При этом также прагматично учитывается, что большинство постсоветских государств заинтересовано в материальной поддержке со стороны России, обеспечиваемой в том числе и по линии евразийского экономического партнерства.

Кроме того, с учетом объективного роста протестных настроений руководство стран «пророссийского пула» держит в уме возможность силовой поддержки со стороны ОДКБ в случае внутренних вызовов стабильности (массовых беспорядков, путчей, «цветных революций»).

Еще один принципиальный момент связан с последовательным отстаиванием Россией (например, в период «газовой войны» с Киевом в январе 2009 г.) приоритетов своей энергетической политики. Так, с одной стороны, отечественная элита стремилась избавиться от «посреднических фирм» в лице Украины и Белоруссии, которые своими регулярными демаршами лишь затрудняли энергодиалог с ЕС, а с другой – приглашала к широкому сотрудничеству европейский бизнес через реализацию проектов «Северного» и «Южного» потоков. Другое дело, что контрагенты не всегда желали учитывать отечественные интересы и вместо укрепления партнерских связей зачастую старались навязать

Российской Федерации либо заведомо невыгодную Энергетическую хартию, либо «диверсификацию поставок сырья» в обход России. Отсюда и жесткость позиции Москвы в защите своих нефтегазовых приоритетов.

Характерной чертой стратегии участия в «глобальном акционерном обществе» является и отказ руководства России в 2000-х годах от эмоциональности и иррациональности в своих внешнеполитических действиях. Оно старалось придерживаться общепринятых правил игры, апеллировать в своих внешнеполитических маневрах к международной практике и международному праву, не стремилось в отличие, например, от ряда инициатив Уго Чавеса или Ким Чен Ира шантажировать своих «соакционеров». Определяющим здесь стал принцип возможностей: если есть возможность перехватить «по закону» у конкурентов какой-либо бизнес-актив, Россия это делала.

Это же касалось и взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств. В 2000-е годы Россией был взят курс на достижение прагматизма в отношениях с внешнеполитическими партнерами, в том числе и в СНГ.

С одной стороны, такой курс выглядел вполне оправданным: методы «задабривания» и «покупки лояльности», используемые в 90-х годах, принесли весьма плачевные результаты. Выработав у партнеров «хватательный рефлекс» и спровоцировав с их стороны паразитическое отношение к себе, Россия не только не сумела закрепиться в этих государствах, но и допустила их постепенный дрейф в сторону Запада. С другой стороны, российская элита учитывала, что

если страна претендует на статус великой державы, то ей в любом случае нельзя отказываться от контроля над зоной своих национальных интересов, которой, без сомнения, является постсоветское пространство. При этом страна должна быть готова и к определенным «тратам», только уже в качестве компенсации не за абстрактную «любовь», а за вполне конкретные взаимные уступки.

Соответственно, «геополитические амбиции не должны игнорировать экономические интересы и политические реалии. Российская Федерация стремится... обрести новое равновесие и занять более высокое место на ставшей уже глобальной арене. Из сказанного следует необходимость поддержания баланса между амбициями и ресурсами, вложениями и приобретениями. Критерием при этом могут служить лишь национальные интересы самой Российской Федерации»⁷.

Прагматизм России предполагает и ее обязательное встраивание в систему международных институтов, чтобы не отдавать их на откуп своим конкурентам, через глобальные структуры отстаивать свои интересы и доносить свою позицию до международного сообщества. Поэтому наша страна принимает участие не только в работе таких «нейтральных» организаций, как ООН, но и активно сотрудничает со своими традиционными критиками вроде ОБСЕ, Еврокомиссии и пр.

Еще одной, и, пожалуй, главной, чертой стратегии участия в «акционерном обществе» является борьба за признание России равноправным партнером со стороны мировых стран-лидеров. И хотя на Западе зачастую преобладает негативный подход к этому вопросу, обусловленный, с одной стороны, исторически-

ми комплексами (вроде «Русские идут!» или «О чем можно договариваться с варварской Россией?»), а с другой – скепсисом относительно современного состояния нашей страны (она-де «не является больше сверхдержавой»). Но у нас все же имеется масса «конкурентных преимуществ» – начиная от наличия мощного арсенала ядерных вооружений и заканчивая огромной ресурсной базой.

Несмотря на критику со стороны оппозиции, идеологические тренды «суверенной демократии» (соединение «патриотических» и «либеральных» ценностей) и «участия в глобальном акционерном обществе» (примирил «западников» и «автаркистов») были в целом позитивно восприняты и гражданами, которые нуждались на тот момент в утверждении стабильности под контролем сильной, ответственной и консолидированной власти. Одновременно населению импонировал стиль «драйва», являвшийся составной частью идеологического проекта «суверенной демократии». Именно с этим был связан рост стихийно-патриотических настроений, наблюдавшийся в российском обществе вплоть до конца 2008 г.

Этот вид патриотизма имела мало общего с традиционными патриотическими воззрениями с их «любовью к родному пепелищу и отеческим гробам». «Стихийный патриотизм» базировался на совершенно иных основаниях. В частности, он был современным (предполагал движение вперед с учетом достижений технического прогресса), агрессивным (хотя такая его энергия была на-

правлена в основном «вовне»), иррациональным (по принципу «главное ввязаться в драку, а дальше порвем всех»).

Подобный общественный энтузиазм подпитывался соответствующим информационным и культурно-творческим «креативом», начиная от фильма «Брат-2» и кончая песней Глюк'оЗы «Танцуй, Россия и плачь, Европа». Также подобный настрой пронизывал практически все форумы на Селигере, которые с середины первого десятилетия 2000-х годов стали проводить прокремлевские молодежные движения.

Одновременно режим «иллюстрировал» эффективность «суверенно-демократической» политики громкими достижениями и масштабными победами.

Так, наивысшей точкой «стихийного патриотизма» граждан России стал период 2007–2008 гг. Именно тогда Россия как в былые годы громит статусных противников на спортивных аренах (чемпионат мира по хоккею, чемпионат Европы по футболу и баскетболу и пр.), в стране скачкообразно растет уровень материального благосостояния, иницируются и реализуются мегапроекты (Олимпиада в Сочи, форум АТЭС, чемпионат мира по футболу, «Северный» и «Южный» потоки и пр.).

Но пиком популярности власти и постулируемой ею идеологической конструкции становится война с Грузией в августе 2008 г.: российское общество с неподдельным восторгом восприняло «легкий» разгром войск Саакашвили и признание Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств.

Не исключено, что именно под влиянием такой эйфории в развитие концепта «суверенной демократии» властью был выдвинут проект «инновационного развития России», который предполагал не просто восстановление страны в качестве великой

державы, но делал заявку на ее утверждение в качестве одного из глобальных лидеров.

Как свидетельствует один из «креативщиков» Администрации президента Д.Бадковский, «переход к модернизационной политике планировался на базе постепенно и, скорее всего, достаточно компромиссного, растянутаго во времени перерастания в модернизационный план прежней стратегии максимальной капитализации конъюнктурного благополучия «нулевых годов».

Два события – пятидневная война на Кавказе (август 2008 г.) и... экономический кризис – существенно повлияли и сделали невозможным дальнейшее существование этой базовой логики «медленного старта» модернизационного курса»⁸.

Однако разразившийся мировой финансово-экономический кризис поставил российскую элиту перед нелегким выбором. Начинается борьба идеологических проектов выживания и развития государства и общества в условиях негативной политической и экономической конъюнктуры. Все это провоцирует внутреннее размежевание в отечественном истеблишменте, дифференциацию его на адептов «мобилизационного сценария» и сторонников «либерализации режима».

Первые, группировавшиеся в основном вокруг В.В.Путина, предлагали «жесткий путь», связанный с ужесточением внутренней политики и выстраиванием относительно авторитарной «Крепости-Россия» во внешней среде.

Вторые же (центром притяжения для них стал Д.А.Медведев) полагали, что руководство России не должно отказываться от участия в «глобальном акционерном обществе», а внутри страны целесообразнее всего проводить гибкий курс «маневра и ком-

промисса», предусматривающий «дозированную демократизацию».

С учетом относительного равенства сил противоборствующих сторон и неопределенности позиции бюрократии и бизнеса после возвращения на президентский пост В.В.Путина выбор был сделан в пользу аппаратного компромисса – сочетания элементов двух вышеуказанных проектов, а идеологический профиль режима, ранее и так весьма размытый, теперь вовсе утратил какие-либо мировоззренческие очертания.

Не исключено, что тактически такая позиция руководства страны была мотивирована – в условиях нарастающего «морального износа» власти и обострения политического противостояния в обществе – целесообразностью сохранения хотя бы относительного единства рядов правящего класса, чтобы не допустить перехода отдельных элитных групп в лагерь оппозиции. Тем не менее такой «эkleктичный» подход в современных условиях (в отличие от «нулевых») является для власти весьма рискованным.

Во-первых, он не учитывает внешний фактор, а проводимая США кампания по демонтажу «авторитарных режимов» делает вполне вероятным вмешательство Запада во внутренние дела России на стороне «несогласных». И в этой ситуации идеологическая «рыхлость» режима будет играть лишь против него.

Во-вторых, в российском обществе имеется запрос на «концептуальность» проводимого властью политического и социально-экономического курса. Опросы общественного мнения показывают, что большая часть населения

России ждет от руководства страны активной позиции и формулирования четких и понятных идеологических приоритетов.

В этом плане «тренд стабильности» фактически исчерпал себя, и в настоящий момент ощущается за-

прос на перемены, правда, пока еще под эгидой власти⁹. Если же на этот запрос руководство страны не сможет или не захочет ответить, то такая ситуация чревата переходом идеологической инициативы к неприемлемой оппозиции.

Примечания

- ¹ Аринин А. Причины и итоги распада СССР // URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/33031>
- ² Белоусова М. Права человека как зона разногласий и консенсуса элит и населения РФ // Российский бюллетень по правам человека. 2010. № 28. С. 35 // URL: <http://www.hrightrights.ru/text/b28/bul28.htm>
- ³ Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009. С. 201.
- ⁴ Сурков В.Ю. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию. М., 2008. С. 43–57.
- ⁵ Клеман К. Институциональный контекст коллективных действий // Институциональная среда, структуры и факторы коллективных действий в России. М., 2005. С. 169.
- ⁶ Цит. по: URL: <http://dokumentika.org/ru/tv-video/vistuplenie-v-putina-na-miunchenskoj-konferentsii-2007-g>
- ⁷ Тренин Д. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=84
- ⁸ Демократия: перезагрузка смыслов. М., 2010. С. 125.
- ⁹ Итоги 2011 года: Россия накануне нового этапа модернизации. Тематический аналитический доклад ЦПКР. М., 2011. С. 5.

Правовое регулирование возмещения вреда, возникающего при проведении КТО

Юрий Григоров

Согласно действующему федеральному законодательству, контртеррористическая операция (КТО), проводимая Федеральным оперативным штабом (оперативным штабом в субъекте Российской Федерации) под руководством аппарата Национального антитеррористического комитета (органа исполнительной власти в субъекте Федерации, являющегося головным в сфере обеспечения безопасности) рассматривается как одно из важнейших правовых средств противодействия терроризму¹. Однако при этом КТО любого уровня, к проведению которой вынуждены прибегать органы государственной власти, как правило, сопровождается причинением вреда физическим и юридическим лицам, не имеющим отношения к участникам бандформирований, организаторам и исполнителям террористических актов, а также военнослужащим и иным должностным лицам, участвующим по долгу службы в осуществляемой КТО.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» одним из основных принципов противодействия государства данному чрезвычайно опасному общественно-политическому явлению выступает обеспечение и защита основных прав и свобод че-

---

ГРИГОРОВ Юрий Михайлович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой. *E-mail*: i.m.grigorov@yandex.ru

Ключевые слова: возмещение вреда, контртеррористические операции (КТО), гражданско-правовая ответственность, специальный деликт

ловека и гражданина, поэтому в настоящее время особую актуальность приобретает совершенствование правового регулирования правоотношений в сфере компенсационных выплат физическим и юридическим лицам за причиненный в результате совершенных террористических актов и при проведении КТО вред.

Исходя из этого, целесообразно привести результаты анализа и оценки современного состояния правовой защищенности граждан и юридических лиц, здоровью и имущественным интересам которых причиняется вред в результате правомерных действий органов государственной власти при проведении КТО, а также предложить пути совершенствования общегосударственной системы противодействия экстремизму и терроризму применительно к данной проблеме.

Рассмотрение обязательств государства по возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, предполагает прежде всего выявление правовой природы данного обязательства. Именно это позволяет раскрыть его специфику, место и функции в системе правоотношений гражданско-правовой ответственности. При этом под гражданско-правовой ответственностью понимается одна из форм государственного принуждения, состоящая во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций.

По общему правилу ответственность за имущественные правонарушения в гражданском праве подразделяется на договорную и внедоговорную², причем последняя возникает в результате причинения личности или имуществу потерпевшего вреда, не связанного с неисполнением или ненадлежащим исполнением нарушителем обязанностей, лежащих на нем в силу договора с потерпевшей стороной.

Внедоговорные обязательства, как известно, отличаются от договорных по основаниям их возникновения: они возникают не по воле, а преимущественно вопреки воле их участников, в силу юридических фактов*, указанных в законе. Чаще всего они возникают в результате неправомерных действий, но основанием их возникновения могут быть и действия правомерные, к которым следует отнести, в частности, действия и мероприятия по пресечению террористического акта в процессе проведения КТО

Внедоговорные обязательства, связанные с причинением вреда, чаще именуются деликтными обязательствами, содержанием которых является ответственность, возлагаемая на причинителя вреда. В силу этого в российском законодательстве, а также в юридической литературе понятия «*деликтное обязательство*» и «*ответственность за вред*» («*деликтная ответственность*») употребляются чаще всего как тождественные³.

---

* Юридическим фактам, с которыми закон связывает возникновение обязательства вследствие причинения вреда, является сам факт причинения вреда, именуемый в гражданском праве деликтом.

Внедоговорные обязательства и внедоговорная ответственность несут, в свою очередь, важные правовые функции:

– *охранительная функция* заключается в обеспечении прав и интересов субъектов гражданского права от различных нарушений, т.е. она непосредственно связана с охраной нарушенных прав лиц;

– *компенсационная (восстановительная) функция* направлена на эквивалентное возмещение потерпевшему причиненного вреда или убытков. Указанная функция также является мерой охраны нарушенных прав лиц;

– *предупредительно-воспитательная (превентивная) функция* заключается в воздействии на участников имущественных отношений в целях принуждения их к сокращению гражданских правонарушений, приводящих к причинению вреда, т.е. она непосредственно связана с мерами ответственности для нарушителя⁴.

Определения деликтного обязательства закон не дает. Вместе с тем основное содержание данного определения достаточно полно раскрывает п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Определение основных функций деликтных обязательств как обязательств по возмещению вреда, возникающего в процессе проведения КТО, создает основания и возмож-

ность для выявления особенностей правового регулирования возмещения такого вреда.

Наряду с так называемым генеральным деликтом, определяющим общие условия ответственности за причиненный вред, закон предусматривает ряд особых случаев, к каждому из которых применяются специальные правила, образующие специальные деликты. Как представляется, к специальным деликтам относится и возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, в том числе при проведении КТО.

По смыслу п. 2 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон о противодействии терроризму) представляется логичным следующий вывод: специальные правила такого деликта, как возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, включают два основных положения:

– возмещению подлежит вред, причиненный правомерными действиями;

– вред возмещается во внесудебном порядке, т.е. в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Таким образом, возмещение вреда, возникающего при проведении КТО, может рассматриваться в качестве развития закрепленного в п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму специального деликта и, следовательно, подчиняется специальным правилам указанного деликта.

Размещение в Федеральном законе о противодействии терроризму обязательств по возмещению вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, в одной статье с обязательствами по возмещению вреда, причиненного в результате террористического акта, представляется вполне обоснованным. На этом основании можно сделать вывод о том, что законодатель, связывая проведение КТО с необходимостью пресечения и раскрытия террористического акта, обезвреживанием террористов, обеспечением безопасности физических лиц, организаций и учреждений, минимизацией последствий террористического акта, закрепил возможность применения боевой техники, оружия и специальных средств, и, соответственно, саму возможность причинения вреда.

Как показывает правоприменительная практика, подавление сопротивления террористов при проведении КТО (при признанном Конституционным Судом Российской Федерации соответствующим Конституции Российской Федерации 5 п. 2 ст. 16 Федерального закона о противодействии терроризму, накладывающего запрет на рассмотрение при переговорах с террористами выдвигаемых ими политических требований) с высокой степенью вероятности связано с причинением вреда (в том или ином объеме) физическим и юридическим лицам. Более того, в большинстве случаев достаточно сложно определить, какую часть в общем объеме причиненного в ходе пресечения террористического акта вреда составили действия террори-

стов и субъектов контртеррористической деятельности.

Учитывая существование объективной необходимости проведения КТОБ, закрепленную в законе обязанность уполномоченных органов государственной власти пресекать и раскрывать готовящиеся, совершающиеся и совершенные террористические акты⁷, высокую вероятность причинения вреда при проведении КТО, правоотношения по возмещению такого вреда являются не ответственностью причинителя вреда, а мерой защиты прав потерпевших в результате таких действий.

Так, например, достаточно сложно предположить, что действия правоохранительных органов по нейтрализации террористов, удерживающих заложников, дальнейшие переговоры с которыми невозможны из-за их непримиримой позиции, уже причинивших вред тем же заложникам и иным лицам, является правонарушением, за которое должна наступить ответственность. Признание обществом таких действий правонарушением привело бы к невозможности создания и функционирования общегосударственной системы по противодействию экстремизму и терроризму. Именно в связи с этими обстоятельствами в п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму, закрепляющей правила рассматриваемого специального деликта, отсутствует указание на правоотношения ответственности в случае возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями.

На этом основании можно считать вполне обоснованным вывод о

том, что правоотношения по возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, являются урегулированные нормами гражданского права отношения по обеспечению государством прав и законных интересов лиц за счет возмещения им вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями.

Представляется целесообразным более подробно рассмотреть основание и специальные условия возмещения вреда, возникающего при проведении КТО, в соотношении с общими условиями ответственности за причиненный вред.

Прежде всего именно вред (наличие вреда) является неперенным, обязательным основанием деликтной ответственности. При отсутствии вреда вопрос о деликтной ответственности возникнуть не может². В данном случае согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ под вредом как основанием деликтной ответственности понимаются неблагоприятные для субъекта гражданского права имущественные или неимущественные последствия, возникшие в результате повреждения или уничтожения принадлежащего ему имущества, а также в результате причинения увечья или смерти гражданину (физическому лицу). Кроме того, в случаях, предусмотренных законом, также допускается компенсация морального вреда (п. 1 ст. 151, п. 2 ст. 1099 ГК РФ).

Учитывая, что в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта пра-

вомерными действиями, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что возмещению подлежат все виды вреда, установленные в федеральных законах. В связи с этим постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»⁸, на которое указывает п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму может лишь устанавливать порядок (совокупность процедур и их последовательность) возмещения вреда, но никак не виды подлежащего возмещению вреда.

Представляется существенным обстоятельством, что деликтное обязательство и, соответственно, деликтная ответственность за причинение вреда возникают только при наличии противоправности поведения лица, причинившего вред.

Однако противоправным может быть не только волевое действие, но и бездействие, как, например, когда при наличии предусмотренных в ст. 12 Федерального закона о противодействии терроризму условий для пресечения террористического акта, не было принято решение о проведении КТО. Таким образом, бездействие может быть признано противоправным, если «оно допущено лицом, которое должно и могло действовать»⁹. Это еще раз подтверждает вывод о том, что соблюдение правоохранительными органами требования п. 1 ст. 12 Федерального закона

о противодействии терроризму о необходимости проведения КТО, при невозможности пресечения террористического акта иными силами или способами, является правомерным. Следовательно, презумпция противоправности генерального деликта, применительно к специальному деликту – возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, заменяется презумпцией правомерности.

Еще одним элементом состава гражданского правонарушения является наличие причинной связи между поведением причинителя и вредом, нанесенным потерпевшему.

Применительно к возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, причинно-следственная связь состоит в том, что в случае возникновения угрозы или совершения террористического акта в качестве ответной меры будет являться проведение КТО, результатом которой может быть не только ликвидация угрозы совершения (пресечение) террористического акта, но и причинение имущественного, физического и морального вреда гражданину или имущественного вреда юридическому лицу.

В случае неустановления причинной связи между действиями правоохранительных органов и специальных служб, проводящих КТО, и гибелью, причинением вреда здоровью иным лицам, уничтожением их имущества, подлежит применению п. 1 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму, который предполагает применение компенсационных выплат лицам, пострадавшим именно от террористического акта, а не в результате проведения КТО.

На основании изложенного автор считает вполне обоснованным вывод о том, что правоотношения по возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, являются специальным деликтом, основанием которого является вред личности или имуществу, причиненный лицам, не отнесенным к лицам, участвующим в борьбе с терроризмом, за исключением лиц, участвующих в подготовке и осуществлении террористического акта. Его специальными условиями являются:

- правомерность проведения КТО;
- наличие причинной связи между действиями террористов и органов федеральной службы безопасности, а также других государственных органов, участвующих в проведении КТО по пресечению террористических проявлений, и вредом, причиненным гражданину или юридическому лицу.

Непосредственным причинителем вреда априори может быть только физическое лицо. Действия непосредственного причинителя вреда, при наличии предусмотренных законом условий, создают обязанность возмещения вреда либо для него самого, либо для другого лица. В рассматриваемых правоотношениях правомерные действия непосредственного причинителя вреда в соответствии с законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ и ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму) создают обязанность для государства возместить такой вред потерпевшему, как ответственному за причинение вреда при проведении КТО.

Статья 18 Федерального закона о противодействии терроризму («Воз-

мещение вреда, причиненного в результате террористического акта») одновременно регулирует вопросы возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта (п. 2), т.е. возмещение вреда, причиненного при проведении КТО.

В данной норме не обозначаются субъекты причинения вреда, но, как представляется, такое указание на то, правомерными действиями кого именно может причиняться вред, обязательно должно быть. Это необходимо хотя бы для того, чтобы ограничить возмещение вреда, причиненного правомерными действиями управомоченных представителей государства, от вреда, причиненного действиями террористов, оказывавших сопротивление при осуществлении КТО.

В этой связи п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму следовало бы сформулировать таким образом: «Возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Такая формулировка закона позволит четко и недвусмысленно определить, что государство как лицо, не являющееся непосредственным причинителем, но в силу закона отвечающее перед управомоченным на возмещение вреда, обязано возместить вред (им самим не причинявшимся) за третьих лиц.

Результаты анализа ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму», закрепляющей рассматриваемый специальный деликт, позволяют говорить о наличии в ней следующих противоречий.

1. Определяя то, что возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодатель предусматривает прежде всего применение к данным отношениям положений гл. 59 ГЛ РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» с учетом установленных законом специальных правил об условиях возникновения таких правоотношений.

Это означает, что все специальные правила об условиях возникновения таких правоотношений должны быть предусмотрены законом. Так, в отличие от общих условий деликтной ответственности (противоправность поведения лица, причинившего вред и вина лица, причинившего вред) возмещение вреда, в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму, осуществляется при причинении вреда правомерными действиями и без учета вины причинителя вреда. В то же время в указанном пункте возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. При этом в вышеуказанном постановлении Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750, на которое ссылается закон, предусмотрен не

только порядок возмещения вреда (совокупность действий, которые должны совершить стороны данных правонарушений), но и конкретный размер возмещения вреда. Данное положение приводит к противоречию указанного Постановления федерального законодательства, в соответствии с которым Правительство Российской Федерации само наделяет себя полномочием определять размер возмещения вреда.

По мнению автора, указанное противоречие может быть устранено внесением в ст. 5 Федерального закона о противодействии терроризму указания на то, что «...государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен вред при пресечении террористического акта правомерными действиями лиц, участвующих в борьбе с терроризмом».

2. Основная цель, характеризующая любое деликтное обязательство (общий или специальный деликт), содержится в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Главное, что заложено в данной норме, заключается в установлении обязанности лица, причинившего вред, возместить его в полном объеме. Указанный базовый принцип гражданского права означает то, что потерпевший имеет право на возмещение всех причиненных ему видов вероятного вреда¹⁰.

Даже краткий анализ положений о возмещении вреда, установленных в гл. 59 ГК РФ, указывает на то, что они направлены на предоставление возможности потерпевшим наиболее полно возместить причиненный им вред, восстановить имущественное положение лица, существовавшее до причинения вреда.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, предполагает:

а) выплату единовременного пособия: членам семей (супруге (супругу), детям, родителям и лицам, находившимся на иждивении) граждан, погибших (умерших) в результате террористического акта и(или) при пресечении террористического акта правомерными действиями, в размере 1 млн руб. на каждого погибшего (умершего) в равных долях каждому члену семьи; семьям граждан, погибших (умерших) в результате террористического акта и(или) при пресечении террористического акта правомерными действиями, в размере, равном стоимости услуг, предоставляемых согласно гарантированному перечню услуг по погребению, установленному законодательством Российской Федерации; гражданам, получившим в результате террористического акта и(или) при пресечении террористического акта правомерными действиями, вред здоровью, с учетом степени тяжести вреда здоровью из расчета степени тяжести вреда (тяжкий вред или средней тяжести вред – в размере 400 тыс. руб. на человека, легкий вред – 200 тыс. руб. на человека); гражданам из числа

заложенных, в результате террористического акта и(или) при пресечении террористического акта правомерными действиями, не получившим вреда здоровью, – в размере 100 тыс. руб. на человека;

д) оказание финансовой помощи в связи с утратой имущества: гражданам (из расчета за частично утраченное имущество – до 50 тыс. руб. на семью, за полностью утраченное имущество – до 100 тыс. руб. на семью); юридическим лицам (из расчета за частично утраченное имущество – до 100 тыс. руб. на одно юридическое лицо, за полностью утраченное имущество – до 200 тыс. руб. на одно юридическое лицо)⁸.

Гражданам Российской Федерации, лишившимся жилья при пресечении террористического акта правомерными действиями, выдаются государственные жилищные сертификаты из расчета предоставления гражданам общей площади по социальной норме в размере 33 кв. м для одиноких граждан, 42 кв. м на семью из двух человек и по 18 кв. м на каждого члена семьи при составе семьи три и более человек¹¹.

Указанные в постановлении размеры сумм пособий и право на приобретение жилых помещений взамен разрушенного жилья за счет государственных жилищных сертификатов значительно облегчают имущественное положение пострадавших лиц. Порядок выплаты указанных компенсаций значительно упрощен и не требует обращения в суд. К тому же правовой режим таких компенсационных выплат очень удобен для тех пострадавших, которые в случае применения общих положений о возмещении причиненного вреда не смогли бы потре-

бовать, например, компенсации утраченного в связи с повреждением здоровья заработка или иного дохода по той причине, что их у них не было. Однако, как видно из приведенного перечня пособий и выплат, они имеют скорее компенсационный (в смысле уменьшающий, снижающий остроту, негативные последствия), а не восстановительный (возместительный) характер, который должен быть присущ правоотношениям по возмещению вреда в полном объеме, урегулированным гл. 59 ГК РФ.

По мнению автора, осуществление государством только ограниченных компенсационных выплат может иметь место лишь в отношении лиц, которым был причинен ущерб в результате совершенного террористического акта. Это обусловлено тем, что не государство в данных отношениях является причинителем вреда.

В правоотношениях, связанных с возмещением вреда, причиненным при пресечении террористического акта правомерными действиями, причинителем которого является государство, оно, как причинитель вреда, в соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ обязано возместить его в полном объеме.

Таким образом, проведенный анализ норм гражданского законодательства позволяет сделать вывод о наличии в Российской Федерации правового механизма возмещения вреда, возникающего в процессе проведения КТО.

Его основными особенностями являются:

– определение в законе способов возмещения вреда (выплаты единовременных пособий в связи с гиб-

лью или причинением вреда здоровью; оказание финансовой помощи в связи с утратой имущества; предоставление жилищных сертификатов гражданам, лишившимся жилья; проведение неотложных аварийно-восстановительных работ), предполагающих, за исключением последнего способа, предоставление фиксированного размера возмещения;

– упрощенный административный порядок принятия решения о возмещении вреда, позволяющий максимально быстро предоставить пострадавшим установленные выплаты и материальную помощь.

Как представляется, совершенствование законодательства о возмещении вреда, возникающего при проведении КТО, может осуществляться путём внесения изменений в ст. 18 Федерального закона о противодействии терроризму, направленных на закрепление компенсационного характера выплат пострадавшим лицам.

Для этого указанную статью предлагается сформулировать следующим образом:

«...Статья 18. Возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта или при пресечении террористического акта правомерными действиями лиц, участвующих в борьбе с терроризмом.

1. Государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен вред в результате террори-

стического акта. Компенсация морального вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется за счет лиц, его совершивших.

2. Государство осуществляет в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен вред при пресечении террористического акта правомерными действиями лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. Возмещение вреда сверх указанных компенсационных выплат осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации. Возмещению подлежит только реальный ущерб.

3. Вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит».

Такая формулировка поможет не только оперативно, с помощью упрощенного порядка выплаты компенсаций поддержать всех потерпевших, но и дать возможность тем лицам, имущественные потери которых при пресечении террористического акта вышли за рамки предусмотренных в законе компенсационных выплат, при наличии оснований и доказательств полностью восстановить свое имущественное положение, существовавшее до причинения им вреда.

В заключение необходимо отметить, что поиск справедливого подхода к возмещению вреда, возникающего при проведении КТО, имеет место практически во всех развитых государствах.

Многие страны в связи с этим приняли специальные законы, в которых по-разному решается вопрос, связанный с возмещением вреда, причиненного в результате пресечения террористического акта (от пожизненной денежной компенсации до лишь частичного возмещения вреда): Великобритания – «О предупреждении терроризма» (1976 г.); Германия – «О борьбе с терроризмом» (1986 г.); Франция – «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» (1986 г.); США – «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» (1996 г.); Израиль – «О гражданском вреде» (1952 г.) и др.¹²

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». М.: Омега-Л, 2012.
- ² *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика): дис. ... доктора юридических наук. М., 1987. С. 34, 19.
- ³ *Флейшиц Е.А.* Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 7.
- ⁴ *Суханов Е.А.* Превентивная функция имущественной ответственности // Советское государство и право. 1982. № 6.
- ⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2009 г. № 137-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Э.Д.Бзаровой, Э.Л.Кесаевой, В.А.Назарова и Э.Л.Тагаевой на нарушение их конституционных прав положением п. 2 ст. 14 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // «КонсультантПлюс». Версия 4000.00.20.
- ⁶ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму. М.: Омега-Л, 2012. Ст. 12, п. 1.
- ⁷ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». М.: Омега-Л, 2011. Ст. 12, п. «д».
- ⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий» // РГ. 2008. № 220.
- ⁹ *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 109.
- ¹⁰ *Трунов И.Л.* Возмещение вреда от терроризма // Человек: преступление и наказание. 2004. № 3. С. 76.
- ¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 1995 г. № 561 «О государственных жилищных сертификатах, выдаваемых гражданам Российской Федерации, лишившимся жилого помещения в результате чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, террористических актов или при пресечении террористических актов правомерными действиями» // РГ. 1995. № 113.
- ¹² Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / отв. ред. И.С.Власов. М.: Центрполиграф, 2002. С. 111, 114.

Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости

Владимир Штоль

Постсоветские новые независимые государства занимают территории, входящие в понятие периферийно-контактная зона, которая сформировалась в результате борьбы более сильных держав за мировое

лидерство, за ресурсы и жизненное пространство. Эти сопредельные территории оказались в составе Российской империи в процессе исторического развития по различным причинам.

Краткий экскурс в историю.

На русской земле первое устойчивое государственное образование сложилось к 882 г. Именно вокруг этого древнерусского государства, созданного восточными славянами, объединялись тесно связанные с ними экономическим и культурным развитием народы Поволжья, а затем тюркские народы южных степей.

Древнерусское государство к XII в. стало одним из крупнейших в Европе и на Ближнем Востоке. Во второй половине XV в. усилилась централизация Русского государства, расширились его владения между Днепром и Днестром, была окончательно ликвидирована зависимость от Золотой Орды. При Иване IV Московская Русь вышла к Каспийскому

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор Центрально-Европейского Университета в Скалице (Словакия). E-mail: observer@gu.ru

Ключевые слова: ННГ, самоидентификация, национализм, этнокультурная доминанта, Средняя Азия, Молдавия, Прибалтика, Приднестровье.

морю, завоевав Казанское и Астраханское ханства и сделав Волгу русской рекой.

После добровольного вхождения в состав Русского государства большей части территории башкир, за исключением зауральских, его границы дошли до Урала, затем к нему была присоединена Сибирь. Страна к концу XVI в. стала многонациональной. В XVII в. Переяславская рада (1654 г.) приняла решение о воссоединении Украины с Россией. В 1792 г. Крым был включен в Таврическую губернию Российской империи.

В 1801 г. Восточная Грузия добровольно вошла в состав империи на основании Георгиевского трактата (1783 г.), определившим переход Грузии под покровительство России. В 1828 г. были присоединены Азербайджан и Восточная Армения, а в 1829 г. – Западная Грузия и Западная Армения.

Во второй половине XIX в. (1860 г.) в состав России были включены территории современного Хабаровского и Дальневосточного краев, а также остров Сахалин*.

В конце XIX в. составной частью Российской империи стали огромные районы Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения), причем многие добровольно.

Стоит подчеркнуть, что империи западного типа складывались исключительно насильственным путем, сопровождаемым расизмом и физическим уничтожением коренного населения. Включение же в состав России сопредельных территорий шло в основном мирным путем до естественных географических границ (горные цепи, океан и т.д.) способствовало образованию единого государства, ускоренному преобразованию существовавших на присоединенных территориях различных кланов, племен и племенных объединений в народности, а затем и нации.

Просторы Сибири, Урала, Кавказа и Средней Азии превратили Российское государство в великую евра-

зийскую державу, в которой все её народы могли жить и развиваться независимо от национальности и конфессиональной принадлежности. В этом заключалась особенность Российского многонационального государства. И империей оно стало по социально-экономическому потенциалу, а не по агрессивности внешней политики.

Выдающийся русский философ и политический мыслитель И.А.Ильин писал: «Россия есть единый живой организм. Глупо и невежественно сводить её исторический рост к “скопидомству Мономаховичей”, к “империализму царей”...»

Тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать

---

* В состав Российской империи входил и полуостров Аляска, где еще в XVIII в. был основан ряд поселений, а в 1799 г. была создана Российско-американская компания. В 1867 г. Аляска была продана правительством России США.

“скрижали” русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путём, хотя ни один из этих других народов, наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом...

Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей... а в органическое целое»¹.

Советского Союза 20 лет тому назад не стало и обострились проблемы контактных территорий на постсоветском пространстве. Нахождение народов в контактной зоне формирует особую психологию, некие комплексы, которые составляют подсознательный уровень их коллективного сознания.

В целом постсоветский период для бывших граждан СССР характеризовался сменой самоидентификации, что является типичным при распаде полиэтнических государств. Это проявляется в уходе от прежней надэтнической ценностной системы ориентации и в попытках возвращения к своим историческим корням, национальной культуре и традициям, обострением противоречий в культурной сфере и их политизацией. Как следствие – создание суверенной государственности проектировалось исключительно на этнонациональной основе. Поэтому этнокультурная доминанта являлась опреде-

ляющей в предоставлении гражданства, и как результат – вело к выдавливанию нетитульных народов.

И если возвращение к национальным корням и традициям носит часто исключительно показной характер, то очистка территории от нетитульного населения проводится планомерно и жестко. В какой-то степени это связано с тем, что нетитульное население имело более высокий культурно-образовательный уровень и как следствие – большой материальный достаток (что было в СССР) по сравнению с местной элитой, т.е. вопрос упирался в человеческую жадность и зависть, но в постсоветский период под это была подведена политическая основа.

Таким образом, складывается ситуация, когда первостепенное право на территорию государства и гражданство прямо или косвенно претендовала титульная этническая группа или этническое на данный исторический момент большинство. Такое происходит не только в результате навязанной господствующей элитой националистической идеологии и(или) определенной политики государства, но и естественного выражения своего самосознания через язык, культуру и этнонациональные мифы. В любом случае этнокультурная и языковая доминанта, а также историческая память, на чем спекулирует местная элита, объективно придает гражданским и государственным институтам националистический характер. Создается некая иерархия культур и этнических групп населения. При этом не обязательно речь идет о численности той или иной эт-

нокультурной группы. Элиты, представляющие меньшинства, могут опираться на мощь государственных институтов и использовать их для распространения своей культуры и(или) ассимиляции и натурализации представителей других этнокультур, а то и переселения на другие территории, в том числе и за пределы нового государства.

Однако приобретение той или иной этнической группой своей государственности не гарантирует создания условий для наиболее полного культурного развития. Тем более сомнителен путь национального возрождения за счет снижения социального статуса другой культуры и сужения сферы ее функционирования.

Поэтому параллельно с процессом, связанным с конфликтом ценностей, развивается социальный конфликт. Так, определенная либерализация общественных отношений на всех уровнях новых независимых государств вскрыла «интересы национальных, региональных и местных элит, соответственно обострив проблему централизации и децентрализации власти»², и «востребовала многообразия в сфере управления»². Подобное имело место на всем пространстве Евразии, но именно на ее перифериях – в контактных зонах – борьба элитных групп разного уровня и характера привела к вооруженным конфликтам. Здесь органы власти, еще не готовые к функционированию в период становления демократических институтов самоорганизации общества и не обладающей соответствующей культурой управления, столкнулись со сложной ситуацией, утратив контроль над ее развитием.

В современном мире национализм имеет две основные функции – психолого-мобилизационную и психолого-компенсаторную. Что касается его легитимационной функции, то она отодвинута на второй план из-за экспансии либерально-демократического дискурса, с одной стороны, и религиозных, конфессиональных систем легитимации – с другой. К национализму прибегают либо для мобилизации масс на борьбу с внешним или внутренним врагом (независимо от того, действительный он или мнимый), либо для компенсации некоторой коллективной травмы.

В настоящее время *компенсаторная функция национализма* вышла на первый план по сравнению с мобилизационной. Опыт двух мировых войн, разочарование людей во всеобщих целях, недоверие к собственным политическим лидерам – все эти факторы явно не способствуют коллективной мобилизации на основе общей национально-государственной принадлежности. В то же время использование националистической риторики для улучшения психологического самочувствия наиболее фрустрированной части общества оказалось весьма эффективным.

В контексте компенсаторного национализма можно рассмотреть и так называемый *религиозный фундаментализм*, получивший широкое распространение в исламском мире, в частности в странах *постсоветской Центральной Азии и республиках России* с преобладающим мусульманским населением. Некоторые исследователи сходятся во мнении, что в случае с новыми независимыми государствами Центральной Азии это

не что иное, как форма выражения уязвленного национального чувства.

Казалось бы, сам термин «религиозный национализм» содержит противоречие двух понятий. Религия, религиозная вера обращена к Богу, а не к государству и этнонации. Однако в реальной политической жизни это не так.

Например, для иранцев и сирийцев защита государственной независимости неотделима от отстаивания национального достоинства, а последнее артикулируется именно в религиозных терминах. Исламская идентичность в данном случае не противоречит национальной, а дополняет ее.

Национализм в Прибалтике имеет чисто этническое лицо.

Политическими элитами *Эстонии и Латвии* был выбран проект (этно)-национального светского государства. В этом проявилось нечто бессознательное, что копилось десятилетиями и столетиями – неудовлетворенное этнонациональное чувство прибалтийских народов. В настоящее время наблюдаются попытки реванша за все явные и мнимые обиды прошлого как такового.

Восточная Прибалтика исторически имела важное стратегическое значение и являлась объектом соперничества различных государств в течение столетий. Территории современных государств Эстонии, Латвии, Литвы в свое время входили в состав разных государств (Речь Посполита, Швеция, Ливония* и Российская

империя/СССР), что являлось частью сложного процесса формирования различных социально-политических общностей в Восточной Европе, их последующего развития и взаимодействия. Это не могло не сказаться на культурной специфике региона и особенностях национальной психологии.

Культура именно этих стран и оказала решающее влияние на этногенез восточноприбалтийских народов. Они сформировались как часть европейской культурной системы. В то же время соседство с евразийскими континентальными народами и пребывание Восточной Прибалтики в составе Российской империи в течение двух с лишним веков также определило зависимость ее развития от процессов, протекавших в евразийском пространстве, сказалось на ее культуре. Однако, несмотря на то что прибалтийские народы в целом сохранили самобытность, а после окончания Первой мировой войны и распада Российской империи создали свои государства, процесс образования наций у них оказался незавершенным, психологически неудовлетворенным и ущербным из-за начавшейся Второй мировой войны, когда они сначала вошли в состав СССР и нацистской Германии, а после её окончания – опять в СССР.

Отсутствие государственности как одного из важнейших идентификационных ориентиров национальной безопасности, а также периферийное положение в европейской

---

* Ливония – это территория современных Латвии и Эстонии, во второй четверти XIII в. завоеванная немецкими рыцарями; конфедерация пяти государств, включавшая Ливонский орден, Рижское архиепископство, Курляндское, Дерптское и Эзельское епископства.

культурной системе сформировало у прибалтийских народов ряд комплексов. Особенно это проявляется у представителей эстонской и латышской этнокультур.

Представители литовской культуры, имеющие длительную традицию собственной государственности, значительно увереннее чувствуют себя в процессах этнической самоидентификации.

Прибалтийские территории в политике Российской империи и СССР всегда занимали особое место не только из-за их стратегического положения, но и как территории, население которых наиболее отчетливо проявляло свою близость к западно-европейской культуре.

Постсоветский период развития и становления независимых прибалтийских государств начался под знаком восстановления их идентичности по отношению к независимым государствам Прибалтики, существовавшим в 1918–1940 гг. Причем речь шла не только о правовых аспектах этой преемственности, но и выражалось в стремлении реванша и попыток восстановить буквально досоветскую идентичность в ее прежнем этнодемографическом качестве. Иначе говоря, вопрос стоял об этнической чистоте постсоветской государственности и отрицании любых связей и аналогий с советским периодом. Последний, как известно, оценивается носителями прибалтийской культуры как режим оккупации и однозначно негативно. Конечно, было очевидно, что реально восстановить досоветскую идентичность невозможно, так как не только изменились сами представители

прибалтийских этнических групп, но и внешний мир, в частности Европа, к которой они себя причисляют.

Таким образом, налицо был кризис идентичности. Выход из него прибалтийцы в чем-то на подсознательном уровне и на уровне внутриполитической конъюнктуры видели в ужесточении психологической дихотомической оппозиции «мы – они», в реанимации тех мобилизующих факторов, которые в прошлом способствовали их этнической консолидации.

Первоначально основой национального самоутверждения стала критика советского прошлого. Она началась еще в 80-е годы. Основания для критики, претензий и просто обиды обывателей действительно могли существовать. В постсоветский период представители прибалтийских общин не могли удержаться от проявлений русофобии, характерной для западной культуры в целом³, особенно для стран, соприкасающихся с Россией и русскими. Более того, причисляя себя к европейскому сообществу, прибалтийцы учитывали и упущенные возможности⁴, которые на фоне послевоенных достижений ряда европейских стран Балтийского бассейна выглядели весьма значительными.

Но главным было не это, а то, что элиты Прибалтики стремились создать себе моральное оправдание для принятия фактически репрессивных мер по отношению к русскому и русскоязычному населению и осуществить исторический реванш за советское прошлое.

При этом прибалтийская сторона добровольно взяла на себя миссию «защиты» западной демократии от

современной России. Последнее необходимо было странам Прибалтики как для собственного самоутверждения, так и для демонстрации возвращения себе европейской идентичности.

Юго-Западная, или Приднестровско-Прикарпатская, контактная зона является территорией взаимодействия евразийской, балкано-карпатской и европейской культур и сопряжения соответствующих менталитетов и психологий. А в геополитическом отношении – это результат взаимодействия политических систем: Российской, Оттоманской и Австро-Венгерской империй, а позднее СССР и Румынии.

В целом эта зона, представленная территориями современной Республики Молдова, западными районами Одесской области и южными прикарпатскими районами Украины, в момент распада СССР ориентировалась внутрь Евразии (исключая украинское Прикарпатье), что определялось политическими и экономическими особенностями организации евразийского пространства в советский период и исторической спецификой его формирования. Хотя исторические и культурные связи молдавских территорий с Балканами (Румынией) и Европой сохранялись.

Приднестровско-Прикарпатская контактная зона по своим характеристикам представляет культуру четко выраженного синтезированного типа⁵, так как преобладающие

здесь романские этнические группы имеют в своей культуре значительный славянский элемент⁶. Представители романской группы и другие проживающие здесь этнические группы пользуются русским языком как средством межэтнического общения⁷ и средством выхода в мировое информационное пространство.

Население современного молдавского государства состоит из двух основных компонентов: романо-молдавского и славянского, каждый из которых делится на группы. В молдавско-романской группе выделяют население, которое в различное историческое время входило в состав Румынского государства и, соответственно, более романизировано. Другая часть, непосредственно относящаяся к молдавской этнической группе, имеет в своей культуре элементы, являющиеся результатом контакта с русской культурой.

Славянский компонент представлен русской, украинской и болгарской этническими группами. Кроме того, в Молдавии проживает компактно тюркоязычная этногруппа гагаузов.

Смешанный состав населения говорит о различных исторических путях развития данных территорий. В лингвистическом плане доминируют два языка: русский и романо-молдавский. Территориально славянское и русскоязычное население сосредоточено в восточной части контактной зоны и геополитически ориентировано на Евразию, ибо эти террито-

---

* В XIV в. на данной территории существовали феодальные государства – Валахия и Молдавия, находившиеся под игом Османской империи (с XVI в.); в первой трети XIX в. эти княжества добились автономии и объединились в единое государство: с 1862 г. – Румынское княжество, а в 1881 г. – Королевство Румыния.

рии формировались непосредственно под эгидой Российской империи/СССР⁸.

Молдавско-романская этнокультурная идентичность контактной зоны старше славянской и формировалась на протяжении значительно более длительного периода. Ее истоки уходят во времена взаимодействия фракийских древних этнических групп Балкан с культурой Рима. В лингвистическом отношении у молдаван доминирует романский элемент, хотя можно отметить и славянские заимствования как результат раннесредневековой экспансии славянских племен на Балканы, так и более позднего контакта.

Важным культурным ориентиром молдавской идентичности является исторический факт существования на этих землях Молдавского княжества*, т.е. наличия в прошлом своей молдавской государственности. Другая группа романоговорящего населения идентифицирует себя с Румынией. Одновременно для этих двух групп населения важное значение имеет факт существования объединенного Румынского государства с конца XIX в., когда в результате действия внешних сил (европейских держав, в том числе и России), молдаванами была «утрачена самостоятельная роль в историческом процессе, роль творца своей собственной национальной судьбы»⁹.

Особо отмечается, что образовавшееся в XIX в. единое государство – Румыния – шло по пути создания классического европейского «государства-нации на основе интеграции в одном государственном образовании близких по языку и культуре этносов»⁹. Тем самым подчерки-

вается, что население, которое позднее было включено в состав России оказалось «вне процессов формирования румынской нации»⁹.

У романоговорящей части населения, проживающего в настоящее время в Молдавском государстве, преобладает идентификация по отношению именно к Молдавскому княжеству и, соответственно, к территориям, вполне исторически и культурно самоопределившимся. В Румынии также выделяют северороманское население, т.е. несмотря на бытующее мнение о существовании единого румынского этноса, сами романоговорящие выделяют особую культурную молдавскую этническую группу.

Возникновение самостоятельного Румынского государства на Балканах в XIX в. создало определенную иерархию в отношениях двух романских групп. Румыны заняли по иерархии высшее место, так как имели свое государство. Молдавская группа, включенная в состав Российской империи, еще более закрепила за собой статус периферии романской лингвистической общности. Более того, территории проживания молдаван оказались и периферией евразийского геосоциального пространства: в составе Российской империи Молдавия была глухой провинцией. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. можно говорить уже о двойной периферийности.

Внешняя политическая воля и международные процессы сыграли свою роль в формировании культур романоязычных этнических групп, проживающих ныне в Молдавии и Румынии. Но не только их. Под их воздействие подпали также нероманоязычные группы, оказавшиеся в

составе соответственно России и Румынии. В частности, русскоязычному населению России/СССР в какой-то степени была отведена роль проводника государственной идеологии и политики.

Оформление романо-молдавской этнической культуры шло особенно интенсивно в советский период.

Появление в 1940 г. в Советском Союзе Молдавской ССР «благоотворно сказалось на укреплении молдавской этнонациональной идентичности»⁹. В состав союзной республики вошли территории молдавской автономии, выведенные из состава УССР, и части Бессарабии, перешедшие к СССР от Румынии. «Количественный рост массоносителя молдавского языка, государственность союзного уровня создавали благоприятные условия для национальной социализации молдаван»⁹, укрепляли их внутреннюю уверенность и повышали статус в молдавско-румынской иерархии отношений.

На утверждение молдавской этнокультурной идентичности позитивно повлияла общая политика советского государства на развитие «национальных окраин». Для своего времени это была во многом прогрессивная политика.

Но были и издержки, явившиеся следствием несовершенства методологической базы как национальной политики, так и самой государственной системы¹⁰, хотя сводить их только к «советизации» и «русификации» молдавской культуры было бы упрощением в понимании процессов, происходивших в евразийском регионе в советский период.

Важное значение для существования молдавской этнической группы

имело и то, что индустриализация территорий её постоянного проживания и повышающаяся интенсивность социальных и культурных процессов в мире способствовали интеграции молдавской этнической культуры в мировую, пусть даже и через посредничество российской культуры и русского языка. Потери части этнической самобытности были неизбежны при адаптации к постоянно изменяющейся реальности. Поэтому советизация и русификация молдавского этноса лишь частное проявление общемирового процесса контакта отдельных традиционных культур с нивелированной культурой индустриального и постиндустриального общества. Культура контактных зон объективно наиболее подвержена разрушительным процессам ассимиляции.

Образование в Приднестровско-Прикарпатской контактной зоне в постсоветское время нового государства с опорой на романо-молдавское культурное историческое пространство вступило в противоречие с существующей реальностью – полиэтничным составом населения и привело к новой структуризации интересов по этническому и лингвистическому признаку. Вполне закономерно, что в новой системе ориентации преобладали ценности этнического порядка как более близкие и понятные на данный период, чем еще незнакомые ценности общества демократического типа. Обращение к своему прошлому было первичным открытым протестом, проявлением долго сдерживаемого внутреннего несогласия с некоторыми ценностями советского периода.

Особенностью политических процессов в Приднестровско-Прикарпатской контактной зоне явилось то, что конфликтная ситуация начала вызревать в период «перестройки», когда в Молдавской ССР принимается решение о переходе с одной системы молдавской письменности на другую – с кириллицы на латиницу. Это вывело из равновесия этнополитическую ситуацию, существовавшую в советский период. Проявились противоположные и даже непримиримые позиции: у каждой была своя логика, вытекающая из своей системы идентификации¹¹.

Впоследствии, когда элиты, провозгласившие независимость Молдавии, начали осуществлять строительство нациогосударства с молдавско-романской культурной доминантой, конфликт идентичностей обострился, так как данный курс противоречил этнодемографической структуре Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны и психологии ее населения.

«Открытое противостояние больших масс людей» выявилось при принятии парламентом уже суверенной Молдавии законов в национально-языковой сфере². Причем линия противостояния четко обозначилась по территориальному признаку, подтверждая определенную полноту контактной зоны, т.е. отмеченную выше различную геополитическую ориентацию ее территорий.

Так, в районе левого берега Днестра большинство населения выступало за сохранение прежнего официального двуязычия и кириллицы в молдавской письменности¹¹.

Кроме того, действовал фактор разнонаправленной социально-по-

литической ценностной ориентации населения, который можно с определенной степенью условности обозначить как поддержка или неподдержка молдавской независимости. Опять же здесь проявились и особенности территориальной структуры контактной зоны. Население Приднестровья в своей основной массе ориентировалось на Россию и надеялось на ее поддержку в отстаивании своих интересов и ценностей, выступало за сохранение Союза его республик.

Наряду с полярными позициями наблюдалась и значительная «естественная инертность, консерватизм, боязнь неизвестного»¹². Соотношение крайней политической активности и пассивности населения способствовало обострению противоречий в обществе и переходу существующего конфликта из его латентного состояния в открытую форму.

Анализ этнодемографической структуры Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны говорил о необходимости применения гибких форм управления с обязательным участием в этом всех этнических групп, т.е. речь могла идти о федеративной концепции организации данного пространства. Но Кишинев не был готов так сразу отказаться от своей унитарной доктрины и идеологии возрождения молдавской нации. Вся административная практика нацстроительства осуществлялась с ориентацией на утверждение элит романо-молдавской культуры как монополистов в формировании внутренней и внешней политики Молдавии.

Основанием для этого служил титул государства, численное превос-

ходство молдаван и претензии называться коренным населением. Соответственно представители других групп административно переводились в разряд этнических меньшинств. Хотя историческая традиция формирования государственности диктовала такую логику поведения, но современная реальность, практика и политическая культура предполагали совершенно иной подход.

Во-первых, численное превосходство представителей романо-молдавской части населения было не столь значительным, чтобы односторонне решать вопросы развития независимой Молдавии.

Во-вторых, численный состав русского населения давал ему основания претендовать на участие в решении его статуса и вопросов развития его культуры.

В результате и возникли противоречия этнического характера. То, что в Молдавии существовали значительные территории с компактно проживающим русскоязычным населением, способствовало тому, что указанные противоречия локализовались пространственно.

Вследствие указанных причин на территориях Приднестровско-Прикарпатской контактной зоны оформилось несколько этнополитических центров.

Одним стал Кишинев, представляющий интересы романо-молдавских элитных групп и претендующий на легитимность власти и одновременно на монополию в государственном строительстве независимой Молдавии.

Другим центром стал Тирасполь, который представлял интересы

элитных групп индустриальных районов Приднестровья и считал себя защитником интересов русскоязычной части населения. Первоначально речь шла о его особом автономном статусе. Но так как элиты Кишинева, находясь на самом начальном этапе своего самоутверждения, настаивали на унитарной доктрине молдавского независимого государства и не шли на переговоры по вопросу об автономии, а также экстремистские действия румыноориентированных радикалов привели к тому, что Тирасполь поставил вопрос о своей государственной независимости.

Был и третий центр. Это район Комрата, который сделал заявку на представление интересов компактно проживающих здесь гагаузов. Степень накала конфликта с Кишиневом была значительно меньше, чем с Тирасполем, так как на последнем концентрировалось все внимание центральной власти. При этом Комрат ограничивал свои требования лишь правом на автономию. В конечном итоге он добился своего. И, таким образом, практически речь зашла о реализации федеративной концепции государственного строительства.

Опыт разрешения кишиневско-комратских противоречий мог бы быть примером для разрешения противоречий Кишинева и Тирасполя. Но медлительность и националистическая ортодоксальность Кишинева способствовали утверждению района Приднестровья как фактически независимого политического образования.

В результате в Прикарпатско-Приднестровской зоне сложилась совершенно особая ситуация в евра-

зийском пространстве: компактно проживающее русскоязычное население сохранило контроль над политическим процессом на своей территории и создало достаточно авторитетные структуры самоорганизации. Расположенные здесь части Российской армии поддерживались населением не только из-за соображений безопасности, но и в силу совпадения культурно-ценностных ориентаций.

В контактной зоне особенно ощутимо проявлялось действие внешнего фактора. В данном случае – политических процессов, происходящих в соседней Румынии. Антироссийские настроения в Румынии «зачастую принимали открытые и резкие формы», причем «тональность задавали организации, единственной целью которых является “воссоединение” румынских земель, т.е. присоединение Молдовы к Румынии»¹³.

Итак, особенности контактных зон проявляются по всей западной периферии постсоветского пространства.

На западной периферии Евразии изначально в постсоветский период происходит процесс обособления Украины, Молдавии и государств Восточной Прибалтики от России.

Для народов, проживающих в периферийно-контактных зонах, актуализируется архетипическая дихотомия «мы – не мы», «мы лучше, чем они».

Современная политика новых государств осуществляется под знаком национального возрождения и имеет в определенной степени контрроссийскую психологию с элементами культурного и геополитического реваншизма. В ряде случаев ставится вопрос и о несоответствии русской этнокультуры местным обычаям.

Изменение статуса представителей русской этнокультуры в евразийском пространстве – это новая реальность.

Кризис евразийских идентичностей и нарастающие между ними противоречия ведут к тому, что культурная идентичность становится причиной конфликтов. В постсоветское время вопросы безопасности и образования наций рассматриваются народами контактных зон прежде всего через призму сохранения своей идентичности, но никак не в контексте демократизации и формирования на этой основе гражданского общества.

В Молдавии эти настроения находили поддержку у определенных кругов, в основном выходцев из тех районов, которые после Первой мировой войны входили в состав Румынии. Разделяла эти настроения и часть романоговорящей интеллигенции Молдавии.

Наиболее активно выступал за идею «присоединения» Народный фронт Молдовы. Его действия по пропаганде этой идеи, а также языковая политика Молдавского государства стимулировали территориальное размежевание молдавского общества.

Учитывая взятый курс на создание собственного государства приднестровской элитой, а радикалов из Народного фронта – на решение проблемы целостности молдавского государства силой, создаются условия для возникновения приднестровского вооруженного конфликта.

Примечания

- ¹ Ильин И.А. Россия есть живой организм // Сборник «Русская идея». М.: Республика. 1992.
- ² Мошняга В. Вооруженный конфликт в Республике Молдова и проблема перемещенных лиц // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. С. 86.
- ³ Люкс Л. О возникновении русофобии на Западе // Полис. 1993. № 1. С. 173–178.
- ⁴ Эстония. 1992. 15 января.
- ⁵ Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- ⁶ Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 43–47.
- ⁷ Белоусов В.Н. Функционирование русского языка как средства межнационального общения в иноязычной среде // Славянские культуры в иноязычной среде. Кишинев, 1995. С. 136–138.
- ⁸ Негру О.И. Социально-экономическое развитие Левобережного Приднестровья в конце XVIII – первой половины XIX в. Кишинев, 1994. С. 78–81.
- ⁹ Мошняга В. Язык, этнонациональная идентичность и упрочение независимой государственности // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. С. 52, 53.
- ¹⁰ Бинюк В., Мошняга В. Восстановление тоталитарно-коммунистического режима в Молдавии: силовые структуры и нарушение прав человека (начальный период) // Проблемы политического анализа. Кишинев, 1995. Ч. V.
- ¹¹ Бабилунга Н.В., Самоний О.Г. У истоков националистического движения в МССР // Вестник Приднестровского университета. 1993. № 1. С. 17–18.
- ¹² Илацук Д., Спинеи Ф., Завтрук А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитического анализа. Кишинев, 1992. С. 10–11.
- ¹³ Мокин В.Г. Развитие политической ситуации в Румынии в переходный период: автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1996. С. 17.

Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества

Владимир Егоров
Ольга Савина

Экономические, политические, военные катаклизмы, переживаемые человечеством с учащающейся периодичностью, свидетельствуют о том, что мир стоит накануне системных трансформаций. Нет оснований для уверенности в безболезненном протекании грядущей метаморфозы¹, по крайней мере ни у кого не вызывает сомнений, что мировое сообщество будет вынуждено пересмотреть многие, казалось бы незыблемые, установки и ценности.

В этих условиях для России, потерявшей в последние два десятилетия ориентиры социальной перспективы, было бы наименее продуктивным стремиться воспроизвести на национальной почве привлеченный из вне проект общественного

развития. Тем более бесперспективно обращение нашей страны в ряды трансляторов «прогрессивных» ценностей в сообщество постсоветских стран, культурно-исторически связанных с Россией, претендующей на роль нового интеграционного цент-

---

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ), первый заместитель директора Института стран СНГ. *E-mail: korrka@mail.ru*

САВИНА Ольга Вячеславовна – научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ. *E-mail: olga_polnikova@mail.ru*

Ключевые слова: культурная идентичность, мультикультурализм, реинтеграция, западная система ценностей, постсоветское пространство.

ра. Хотя именно такая роль России наиболее приемлема для Запада, переживающему не лучшие времена.

Кризис либеральной демократии, обусловленный сигнатурой осязаемых границ эффективности капитализма абберацией буржуазной инициативы в финансовую сферу, где деньги, минуя общественное производство, порождают себе подобные вымыванием ее социальной основы «среднего класса»², инициирует попытку обрести импульс жизненного потенциала за счет культурно-политической и экономической экспансии в пространства ранее «неосвоенных» территорий.

Так было не раз в истории, когда стагнирующая система, стремясь к регенерации, прибегала к факторам экстенсивного роста. Россиянам, как никому другому, известно влияние расширяющегося пространства («деспотии пространства») на устойчивость политического режима.

Необходимость продвижения идей «Большого Запада» с целью роста «привлекательности главных ценностей» «для других культур» и постепенного возникновения «всеобщей демократической культуры» очевидна не только с точки зрения геополитической, но и в связи с поиском механизмов обретения внутренней устойчивости странами «золотого миллиарда»³. В предложенном проекте «Большого Запада» «вовлеченная демократизирующаяся Россия» должна занять место периферии западного сообщества. При этом Евразийский союз, в оценке авторов перспективы «всеобщей культуры», «является новой эксцентричной идеей премьер-министра Владимира Путина»³.

«Будущее истории, по мнению западных аналитиков, безальтернативно связано с либерально-демократическими ценностями (кстати заметить, понимаемыми однобоко, «по-вашингтонски», так же, как в свое время социализм в иной, не-большевистской, интерпретации был неприемлем для советской партаменклатуры⁴). Китайская или индийская системы культурных ценностей в качестве, по крайней мере, равноправных парадигм культурно-цивилизационного развития не рассматриваются. В лучшем случае им отводится место сегментарного «очага» культуры, представляющей интерес для узких территориальных или национальных локализаций. Такая позиция далеко не беспорна⁵.

Главное, что следует отметить, какой бы отчетливой ни была идеологическая альтернатива культурного плюрализма, она не будет признана Западом, так как цивилизационный модус, основанный на традиции укорененной многовековой историей того же Китая или Индии, для либерального рационализма всего лишь рудимент, формируемый в дихотомии: отсталый – прогрессивный, анахронизм – современный. Исторически сложилось так, что главным рудиментом проекта «Большого Запада» является страна, по воле судьбы не генерировавшая собственных традиционных ценностей.

Ф ормат статьи не позволяет подробно остановиться на сюжете, раскрывающем значение традиции в планетарной цивилизации. Заметим только, что в общественное сознание человечества приходит понимание «самоценности» традиции,

продолжающей развиваться в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Находясь в состоянии интеграции с модерном, традиция создает синергетический потенциал, позволяющий обществу достигать кумулятивного эффекта развития с положительной флуктуацией результата. Именно сохранение традиции и опора на нее в модернизации позволили Японии во второй половине XX в. совершить «экономическое чудо»⁶. Указание на органическую встроенность традиции в «проект» советской цивилизации как основной ресурс устойчивости и высокой эффективности системы содержится во многих работах современных авторов⁷.

В указанном смысле капитализм, лишенный опоры на традицию, не является самодостаточным в морально-этическом и культурном отношении⁸. Взяв когда-то на вооружение в качестве главного идеологического постулата сентенцию Т.Гоббса *Bellum omnium contra omnem* (война каждого против всех), капитализм нуждается в компенсации, доведенной до совершенства правовой системы и традиционного нравственного базиса. Однако в таком случае неразрешимое противоречие между центральной фигурой, олицетворяющей всю систему буржуазных отношений – *Homo economicus* и *Homo sapiens*, человеком разумным, а следовательно, нравственным, лежит в основе непреодолимого препятствия на пути выхода западной цивилизации из системного кризиса.

В контексте современных западных ценностей любое социальное агрегирование, в том числе формирование государственной культурной,

этнической идентичности, должно основываться на принципах рационально устроенных сетей, выполняющих функции коммуникатора взаимовыгодного обмена информационными, материальными, политическими (если это касается государственных образований) ресурсами. Любые другие мотивы интеграционных процессов выходят за рамки целесообразности, диктуемой западным образом мироустройства. Доказательством сказанного являются события, происходящие в Европейском союзе. В связи с кризисом в дилемме: укрепления национальных интересов или прагматических соображений при определении мер его преодоления, верх всегда берут последние⁹.

Не выдержала испытание общественной практикой идеология мультикультурализма, направленная на формирование «особого вида толерантности», в связи с притоком жителей мировой периферии в крупные европейские города. При этом «обратная глобализация» (именно так определяют это явление) стала следствием «подавления культурной уникальности через экономическую модернизацию», активно насаждаемую Западом начиная с 60-х годов в странах третьего мира¹⁰.

Безусловно, рекомендации использовать накопленный в Европе процессуальный опыт и технологии адаптации эмигрантов¹¹ при реализации программ интеграции в российский социум приезжающих на работу в Россию представителей ближнего зарубежья могут быть реализованы только в плане заимствования технических наработок организации комплементарных условий

для гастарбайтеров, но только не по существу, разделившемуся по смысловым ориентирам: мультикультурализм как средства ассимиляции «культурного модерна» или мультикультурализм как основа «общежития».

Принципы рационализма, положенные в основу российской политики в отношении бывших союзных республик, не принесли релевантного интеграционного эффекта. Мало того, по мере утверждения на постсоветском пространстве западных культурных ценностей постепенно убывает социальная основа центростремительных тенденций.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение, надо обратиться к данным, характеризующим динамику деструктивного отношения населения Казахстана и Белоруссии к интеграции с Россией в региональные структуры, что характеризуется замерах общественного мнения, опубликованными главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований М.Лаумулиным¹² и белорусским журналистом Ю.Дракохрустом¹³.

Мнение населения Казахстана относительно Таможенного союза (Белоруссии, Казахстана и России) разделилось: 52% опрошенных поддерживают этот интеграционный проект, 48% высказались «против» или не определились в своем отношении.

В апреле-мае 2012 г. Институт стран СНГ (г. Москва) провел дополнительный опрос казахстанских респондентов, когда выявлялась принадлежность к социальным категориям тех, кто отрицательно относится к объединению в интеграционные структуры.

Результаты дополнительного опроса показали, что 78,7% считающих нецелесообразной постсоветскую интеграцию являются предста-

вителями крупного и среднего бизнеса, менеджерами финансовых учреждений, работниками силовых структур и правоохранительных организаций и государственные служащие.

В случае с Белоруссией картина выглядит совершенно иначе. Социальный спектр отрицательно ответивших на вопрос «Если бы сегодня проходил референдум об объединении Белоруссии и России, как бы Вы проголосовали?» репрезентативно отражает все категории населения.

Однако мотивом негативного отношения к интеграции является боязнь либерализации уклада жизни по российскому образцу.

Удельный вес тех, кто положительно высказался за объединение с Россией, с 2003 г. по 2011 г. сократился с 58% до 32%.

При выборочном опросе белорусских граждан, отрицательно оценивающих перспективу объединения с Россией, 64,2% указали в качестве главной причины своего выбора боязнь утраты социальных гарантий, обеспечиваемых гражданам Белоруссии.

Таким образом, результаты дополнительных исследований, предпринятых Институтом стран СНГ, хотя и в противоположных контекстах, показали, что **«либеральные ценности»*, активно внедряемые в социально-экономический строй новых независимых государств, работают в противоположном направлении региональному интеграционному вектору.**

С прагматической точки зрения такое положение дел вполне объяснимо. Если руководствоваться исключительно соображениями выгоды, то ориентация на западные центры мировой силы выглядит значительно более привлекательной,

---

* Мы намеренно взяли этот термин в кавычки, чтобы указать на разницу в представлении между подлинными либеральными и современными либеральными ценностями.

чем объединение с Россией, которая пока не обрела устойчивой тенденции экономического роста. Однако в основе евразийской интеграции лежит нечто большее, чем голый прагматизм, – культурно-цивилизационная общность, формировавшаяся веками в интеграции многоэтнических традиций, генерировавших некую идентичность, постичь которую рациональным сознанием невозможно.

Интересно в этой связи высказывание М.Лаумулина: «После падения железного занавеса и контактов с дальним зарубежьем казахстанцы убедились, что не похожи на соседей из исламского мира, несмотря на некий мусульманский ренессанс в республике. В Советском Союзе жители Средней Азии считались «азиатами», но после более тесного знакомства с китайцами и другими дальневосточными народами стало очевидно, что и на настоящих азиатов они не очень похожи. Гораздо больше общего у них с другими гражданами стран СНГ, здесь и пригодилось понятие “евразийцы”»¹².

В своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Самюэль Хантингтон справедливо заметил, что интеграционные и дезинтеграционные границы современного мира проходят вдоль культурных линий. По его мнению, «культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом высоком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта»¹⁴.

Не «либеральные ценности» и не попытка навсегда искоренить возможность возникновения войны в этой части света являются главным основанием европейской интеграции (эти факторы перфектны), а культурно-цивилизационная общ-

ность, фундируемая исторической традицией Старого Света.

Исторически сложилось так, что Россия не только как государство, но прежде всего как культурный, цивилизационный архетип формировалась, вбирая в свой растущий организм традиции и социентальные ценности многих народов.

Даже тогда, когда народы приграничных территорий не испытывали интегративных позывов со стороны Великой империи, они активно включались в культурный обмен с российским социумом. Укоренившийся модус культурного взаимодействия стал определяющим качеством внутреннего российского миропорядка, каждая культурная составляющая которого представляла собой самоценность, функционирующую как неотъемлемая часть целого. В этом смысле трудно представить, даже в условиях государственной независимости, культурную автаркию россиян, казахов, украинцев, киргизов.

Обычно когда говорится об общности судеб и социальных перспектив, принято апеллировать к славянскому единству. Однако нити генетической «самости» россиян с народами Кавказа и Азии нисколько не менее судьбоносны с точки зрения культурно-цивилизационного значения.

Сохранение и развитие рожденного на протяжении столетий многоликого «Русского мира» представляется проблемой не менее, а может быть, более важной, чем экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Утрата этого «эксклюзивного продукта» означала бы прежде всего рецессию национальных культурных оснований,

а для России, сохраняющей многоэтническую и многоконфессиональную матрицу, – утрату возможности полноценной консолидации российской идентичности и реинтеграции (как носителя культурного генотипа) в полноценный центр развития регионального сообщества.

Н а протяжении веков Россия, аккумулируя культурный потенциал народов, объединяемых в одном цивилизационном пространстве, выполняла роль генератора собственной творческой активности, являясь, говоря словами Р.Коллинза, «зоной престижа», которая «есть источник излучения, распространяющегося за ее пределы и с большей или меньшей силой притягивающего к ней людей, находящихся на различных расстояниях от нее. Эти расстояния, далее, суть нечто большее, чем расстояния в физическом пространстве; они являются сетями разного рода, ... в которых по особым каналам, способным проникать в чужие цивилизационные зоны, распространяются престижность и притягательность данной цивилизации»¹⁵.

Выполняя на протяжении длительного исторического периода функцию «зоны престижа», Россия не могла не стать центром интеллектуальной рефлексии культурно-цивилизационной идентичности, сформировавшейся в результате активного культурного обмена народов, входящих в ее пространство.

Первым, кто обратился к проблеме российской идентичности в модернизационном контексте, стал П.Я. Чаадаев.

Творчество этого мыслителя и сегодня оценивается не однозначно. «Почвенники»

критикуют его за негативное отношение к российской «самости» и европеизм.

Для нас важно подчеркнуть рациональное зерно, которое, безусловно, присутствует в рассуждениях П.Я. Чаадаева о том, что российская цивилизация консолидировалась как феномен, не повторяющий в своем содержании ни классическую парадигму Востока, ни европейскую цивилизационную матрицу.

Отмечая эту сторону взглядов П.Я. Чаадаева на российскую идентичность, можно с полным основанием говорить о том, что они способствовали более поздней артикуляции евразийской теории.

«Одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации, – отмечал он, – заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; **мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку**, и у нас нет традиции ни того ни другого»¹⁶.

Кризис российской идентичности, о которой говорил П.Я. Чаадаев в XIX в., ссылаясь на неевропейский путь развития России, обернулся в настоящий момент историческим шансом.

Другому русскому мыслителю, Н.Я. Данилевскому, принадлежит заслуга плюрализации в определении культурно-исторических типов социальной реальности. Утверждение Данилевского о том, что европейская цивилизация «не является универсальной, а только одной из не-

скольких великих цивилизаций, которые когда-то процветали в человеческой истории», проторило путь к определению места собственно российской идентичности в иерархии мировых цивилизаций.

«Соображение, что европейская цивилизация идентична универсальной цивилизации, основано на ошибочном допущении, что только она является прогрессивной и творческой в противоположность всем другим культурам, которые при этом объявляются статичными и нетворческими»¹⁷, – писал он.

В целом скептически оценивая концепцию Данилевского, П.Н.Миллюков, сам того не желая, значительно обогатил научное представление, фундамент которого заложил его предшественник. Указывая на социальную обусловленность культурно-цивилизационной идентичности, П.Н.Миллюков имел в виду постепенное наполнение ее содержания «современным», «прогрессивным» (европейским) качеством. Европейский универсализм взглядов П.Н.Миллюкова был скорее шагом назад в понимании существа российской цивилизации, однако его мысль об интегративной динамике культурной традиции является, безусловно, еще одним шагом в научном осмыслении реалий евразийского процесса.

Важный вклад в исследование российских культурных и цивилизационных оснований внес И.А.Ильин. Базисом интегративной «самости», рожденной как продукт российской цивилизации, он считал не материальные символы: государство, пространство и т. д., а духовные: «Родина – есть духовная реальность»¹⁸ – писал он.

Пройденный путь интеллектуального поиска нашел логическое завершение в концепции отечественных евразийцев: П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого, Л.Н.Гумилева. Они впервые отчетливо заявили о российском культурно-цивилизационном типе как евразийском¹⁹. Евразийская концепция вобрала в себя представление о подвижности, недостаточности российской идентичности, имманентном освоении мультикультурных ценностей, отказ от «европоцентризма», от универсальности прогресса, воинствующего экономизма Запада.

Важным является замечание евразийцев относительно вектора взаимодействия России с другими народами: от патернализма к культурному равноправию. «В постимперский период, – писал Н.С.Трубецкой, – национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, её территорию – Евразией, её национализм – евразийством»¹⁹.

Идентичность, о которой говорили евразийцы, стала реальностью, значительно укрепившейся в советское время. «Полиэтническое пространство, – пишет И.А.Исаев, – приобрело большую стабильность, поскольку из властной иерархии исключалась одна господствующая нация. А новое наименование объединенных территорий – СССР – уже не содержало никакого намека на этническую, пространственную или наци-

ональную доминанту этого союза. Оно выражало лишь его политическую и социальную характеристики»²⁰.

Верность евразийской концепции подтвердила и постсоветская политическая реальность. Сразу после развала СССР государства и этносы, не интегрированные в евразийскую культурно-цивилизационную общность (европейские страны «социалистического лагеря» и республики Прибалтики), сразу сориентировались на объединение с Европейским союзом. Испытывая деструктивное влияние центростремительных факторов, в постсоветский период евразийская идентичность долгое время была в состоянии депривации, но тем не менее остается реальностью, фундирующей интеграционный процесс.

Доказательством сказанного могут служить данные социологического опроса, проведенного Институтом стран СНГ (октябрь 2011 г.)²¹.

На вопрос «Как Вы воспринимаете события в другой стране СНГ?», 47,2% респондентов в Казахстане, 61,3% в Белоруссии, 44,3% на Украине ответили, что воспринимают события так, как если бы они происходили в собственной стране.

Идеи евразийства становятся методологической основой активизирующихся в последнее время процессов на постсоветском пространстве.

В частности, важное положение о культурном плюрализме и «самоценности» каждой составляющей культурно-цивилизационного сообщества реализовано в организационном принципе СНГ «подвижной геометрии», утвердившемся после принятия в 2007 г. Концепции дальнейшего развития СНГ.

Концепция содержит инициированное российской стороной видение будущего Содружества как многопрофильной региональной организации, обеспечивающей максимальный интеграционный потенциал, в то же время предоставляющей возможность каждой стране-участнице определять формат и сферы сотрудничества. «Материальной сцепкой» сохранения евразийской культурно-цивилизационной ценности остается русский язык как средство коммуникации, культурного обмена, функционирования наднациональных структур.

Однако главное значение русского языка заключается все же не в этой, бесспорно, важной стороне интеграционного процесса. Русский язык остается единственным инструментом продвижения идентификационных символов и практик до экзистенциальной глубины, когда каждый индивид становится субъектом объединительных тенденций.

В 2006 г. сотрудники Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН провели в Бишкеке этносоциологический опрос по анкете, включающей блок языковых вопросов. Его итоги подтвердили факт довольно широкого распространения русского языка среди столичных жителей, в том числе киргизов и татар.

Русский язык используется представителями титульного этноса как самостоятельно, так и совместно с киргизским языком от 56 до 81% случаев.

Позитивным фактором, в известной мере определяющим перспективы русского языка в Киргизии, является сравнительно высокая ориентация киргизской молодежи на русский язык.

По мнению почти 60% киргизов Бишкека, принявших участие в опросе, людям нерусской национальности Киргизии в той или иной мере необходимо знание русского языка.

Среди молодых людей 18–29 лет 35% отметили, что русский язык, безусловно, нужен, и 29% – скорее нужен. Лишь 19% дали отрицательный ответ.

Все это свидетельствует о том, что в настоящее время в *Киргизии* имеются сравнительно благоприятные условия для функционирования и развития русского языка²².

Несмотря на усиленную политику дерусификации западно-ориентированных администраций, остается прочным положение русского языка на *Украине*. Согласно данным мониторинга ИС НАНУ (2007 г.), если исключительно

по-украински думают 34% граждан старше 55 лет, 30% в возрасте 30–35 лет, то среди тех, кто сформировался как языковая личность в годы независимости (возрастная группа до 30 лет), думают исключительно по-украински 22%.

Среди тех, кто думает исключительно по-русски, наблюдается противоположная тенденция: возрастная группа старше 55 лет – 30%, 30–35 лет – 36%, до 30 лет – 40%, т.е. число русскоязычных молодых людей в возрасте до 30 лет не уменьшается, как можно было бы предположить, а растет²³.

Таким образом, активизация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, свидетелями которой сегодня мы являемся, обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимоотношений народов и государств, объединяемых евразийской идентичностью.

Уже сказано, что формирование полноценного регионального объединения процесс *нелинейный* и может подвергаться влиянию разного рода (в том числе внешних) факторов.

Однако выстраивание стратегии долгосрочной политики в этом направлении должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции.

Примечания

- ¹ Гальтунг И. Десять тенденций, меняющих мир. Неотвратимые потрясения и революционные обновления // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. С. 8–19.
- ² Фукуяма Ф. Будущее истории // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 8–22.
- ³ Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 35, 37.
- ⁴ Косолапов Н.А. 1917–1991: попытка ретроспективы // *Мир и политика*. 2011. № 12 (63). С. 15–32.
- ⁵ Ту Вэйтмин. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // *Полис*. 2012. № 1. С. 7–26; Степанян М.Т. Социокультурные основания модернизации Индии // *Полис*. 2012. № 1. С. 26–43.
- ⁶ Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. М.: Восточная литература, 2000.
- ⁷ Кара-Мурза С., Осипов Г. СССР – цивилизация будущего. М.: Яуза; Эксмо, 2010.
- ⁸ Мартыанов В.С., Фшман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // *Полис*. 2012. № 1. С. 63–75.
- ⁹ Хазин М. Евросоюз ждут перемены // URL: <http://worldcrisis.ru>
- ¹⁰ Грановская М. Кризис идеологии мультикультурализма и судьбы европейской цивилизации // *Международная жизнь*. 2012. Май. С. 149–155.
- ¹¹ Паин Э. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 2. С. 8–38.
- ¹² Лаумулин М. Возвращение в место, которого нет // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 1. С. 88–99, 89.

- ¹³ Дракохруст Ю. Спираль независимости // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 100–112.
- ¹⁴ Хардингтон С. Столкновение цивилизации. М., 2005. С. 15.
- ¹⁵ Коллинз Р. Цивилизации как зоны престижа и социального контакта // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2003. № 1. С. 94.
- ¹⁶ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 41.
- ¹⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 90.
- ¹⁸ Ильин И.А. Основы христианской культуры. СПб, 2004. С. 227.
- ¹⁹ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Русская идея. Сб. произведений русских мыслителей. С. 352.
- ²⁰ Исаев И.А. Геополитические традиции России как евразийской державы // Проблемы реинтеграции постсоветского пространства: экономические и политические аспекты. М., 2007. С. 70.
- ²¹ Текущий архив Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ). 2011 г.
- ²² Асанканов А.А., Остапенко Л.В. Языковой фактор в процессе адаптации населения постсоветских стран к новым реалиям: русский язык в Кыргызстане // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М., 2008. С. 379–382.
- ²³ Кудрявцева Л. О языковой самоидентификации граждан Украины и государственной языковой политике // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2012. № 3(76). С. 29.

Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Глобальная система ПРО США в контексте стратегической стабильности

**Александр Кубышкин
Владимир Степанов**

В современных условиях поразительны твердость и упорство, с которыми меняющиеся в США администрации поддерживают идею создания глобальной системы ПРО, способной защитить территорию страны и зарубежных союзников в удаленных регионах от ракетных ударов всех возможных типов и масштабов¹.

Ни экономический кризис, ни возможные контрмеры гипотетического противника² не в силах оказать сколь-нибудь заметное влияние на «священную корову» американской военно-технической политики, унаследованную от Рональда Рейгана в контексте его непримиримой борьбы с «империей зла».

Анализируя ход и текущие результаты противоракетной программы³, можно сделать вывод о том, что разработка и развертывание глобальной системы обороны осуществляются в США на основе эволюционного подхода. Такой подход предпо-

лагает построение системы «снизу вверх», с постепенным наращиванием ее боевых возможностей.

Эволюционный подход в сочетании с открытостью архитектуры системы ПРО создают предпосылки для многовариантности ее развития, в

КУБЫШКИН Александр Владимирович – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института стратегической стабильности Госкорпорации «Росатом». *E-mail:* akubyshkin@yandex.ru

СТЕПАНОВ Владимир Михайлович – доктор технических наук, профессор, начальник отдела Института стратегической стабильности Госкорпорации «Росатом». *E-mail:* mikhailov@iss-atom.ru

Ключевые слова: стратегическая стабильность, военно-техническая политика, глобальная система ПРО, сетцентрическая архитектура боевого управления, быстрый глобальный удар.

том числе адаптации не только к ракетным угрозам, но и к гипотетическим контрмерам. Это дает также благоприятные возможности для направленной дезинформации о характере и масштабах ведущихся работ, существенно усложняя оценки и прогнозы не только зарубежных (по отношению к США), но и собственных аналитиков^{4, 5}.

Приоритетность различных проектов внутри программы ПРО варьируется с течением времени под действием целого ряда факторов, но основные тенденции остаются неизменными.

За последние 10 лет Соединенными Штатами накоплен значительный опыт интеграции разнотипных информационных и огневых подсистем. Технологии их объединения практически отрабатываются в рамках наиболее передовых военно-технических концепций, таких как создание «единого защищенного информационного пространства» для всех взаимодействующих подсистем. Эта концепция базируется на так называемой «**сетевцентрической архитектуре** боевого управления и связи.

Несмотря на определенные сомнения в том, что до конца нынешнего десятилетия такая архитектура будет реализована в полном объеме для всех вооруженных сил США, как это декларирует руководство страны, преимущества применения данного подхода очевидны.

Если в качестве вычислительной платформы используется вся пространственно-распределенная сеть ПРО, то это позволяет оптимизировать загрузку вычислительных мощностей каждого узла сети, реализо-

вать общий доступ к информации от всех датчиков, а также использовать для достижения цели любые из имеющихся средств перехвата. Кроме того, сетевцентрическая архитектура повышает степень боевой устойчивости системы ПРО в целом при поражении ее отдельных компонентов.

Основной выигрыш от использования сетевцентрической архитектуры состоит в принципиальной возможности реализации концепции «раннего перехвата», т.е. перехвата ракет и боеголовок, максимально приближенного к местам пусков баллистических ракет. Именно с этим видом перехвата связаны основные опасения относительно подрыва стратегической стабильности в Европе, да и во всем мире.

С точки зрения оценки реализуемости этой концепции принципиальное значение имеет выяснение возможностей комплексной, в том числе совместной, обработки несинхронизированной информации от разнородных и разноточных датчиков в сети ПРО. Синергетический эффект от совместной обработки воздушных (космических) оптико-электронных средств и наземных (морских) радиолокационных станций (РЛС) очевидно значителен, но есть и определенные технологические трудности⁶.

П о состоянию на середину 2012 г. американцами развернуты следующие системы и средства ПРО^{3, 7}.

Противоракетные системы и комплексы:

– наземная система противоракетной обороны для перехвата баллистических целей на внеатмосферном участке траектории полета в составе 34 шахтных пусковых уста-

новок (ШПУ) для трехступенчатых противоракет (ПР) ГБИ в Форт-Грили (шт. Аляска), и четырех ШПУ того же типа на авиабазе (АвБ) Ванденберг (шт. Калифорния). Всего изготовлено более 40 ПР ГБИ, 30 из которых находятся на боевом дежурстве;

– корабельная интегрированная система ПРО/ПВО «Иджис-ПРО» на 29* кораблях (24 базовой версии 3.6.1, четыре экспериментальной версии 4.0.1 и одна новейшей версии 5.0). Они оснащены в общей сложности 113 ПР «Стандарт-3» мод. 1А, 16 экспериментальными ПР «Стандарт-3» мод. 1В и 72 зенитными управляемыми ракетами (ЗУР) «Стандарт-2» мод. 4А;

– мобильные противоракетные комплексы (ПРК) ТХААД в составе двух батарей полного состава (по 48 ПР, 6 пусковых установок (ПУ), два пункта управления и одна РЛС AN/SPY-2 в каждой), размещенные в Форт-Блисс (шт. Техас) и имеющие возможность оперативной переброски военно-транспортной авиацией в любой регион мира. Начато формирование еще двух батарей;

– мобильные зенитные ракетные комплексы (ЗРК) типа «Патриот» в составе 58 батарей с примерно 1000 ПР модификации ПАК-3.

Система информационного обеспечения ПРО:

– орбитальная группировка системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе (СПРЯУ) в составе пяти космических аппаратов (КА) типа DSP на геостационарных, двух КА с оптико-электронной аппаратурой SBIRS-HEO на высокоэллиптических орбитах и одного КА SBIRS-GEO;

– модернизированные для решения задач ПРО радиолокационные станции UEWR раннего предупреждения на радиолокационных постах Бил (шт. Калифорния), Файлингдейлз-Мур (Великобритания) и Туле (о. Гренландия, Дания), а также модернизированная РЛС *Cobra Dane* (о. Шемия, шт. Аляска);

– РЛС X-диапазона морского базирования SBX-1 (приписана к порту о. Адак, Алеутские о-ва, с возможностью перемещения по всей Тихоокеанской зоне);

– транспортируемые РЛС передового базирования AN/TPY-2 – 9 ед., которые могут использоваться в качестве специализированных РЛС ПРО передового базирования (в настоящее время – семь) или многофункциональных РЛС в составе ПРК ТХААД (две);

– корабельные РЛС типа AN/SPY-1 на крейсерах и эсминцах, оснащенных противоракетными системами (ПРС) «Иджис-ПРО» – 29 ед.

Система боевого управления и связи:

– центр управления противоракетными операциями (АвБ Шривер, шт. Колорадо), развернутый на базе объединенного центра интеграции ПРО;

– оперативный центр ПРО (Колорадо-Спрингс, шт. Колорадо);

– пункты управления пусками ПР ГБИ в Форт-Грили, шт. Аляска и на АвБ Шривер, шт. Колорадо;

– командные пункты ПРО объединенных и региональных командований США, оборудованные аппаратурой и программным обеспечением

* Из них шесть кораблей пока не сертифицированы ВМС США.

автоматизированной системы управления (АСУ) ПРО;

– многоканальная сеть передачи данных, включающая глобальную наземную сеть (GSN), космические системы связи (DSCS, VGS, Milstar, в перспективе – AEHF), а также сеть передачи данных JTIDS для обмена информацией между элементами зональных систем ПРО. Она построена на основе сетецентрического подхода («концепция единого информационного пространства») к управлению ПРК (ПРС) и сопряжена с глобальной сетью МО США;

– параллельная вспомогательная сеть PSN между объединенным стратегическим командованием США (USSTRATCOM), объединенными командованиями ВС США в зонах Северной Америки и Тихого океана (USNORTHCOM и USPACOM) и пунктом управления пусками ПР в Форт-Грили, дающая возможность развития и испытаний системы без потери управления развернутыми системами и средствами противоракетной обороны.

Развернутые компоненты ПРО уже в настоящее время способны защитить территорию США от одиночных ракетно-ядерных ударов баллистических ракет большой дальности, не оснащенных средствами противодействия ПРО, а также отдельные регионы на территории США и за ее пределами от ударов ракет малой и средней дальности.

Приоритетные направления наращивания боевых возможностей системы ПРО США на ближайшую и среднесрочную перспективу ориентированы на создание системы, способной обеспечить своевре-

менное обнаружение и непрерывное сопровождение множества ракет, динамичное регулирование своих ресурсов с целью интегрирования и синхронизации действий при проведении противоракетных операций (перехват баллистических ракет различной дальности и их боеголовок на всех участках траектории их полета). Ключевым компонентом этой системы является совокупность систем информационного обеспечения, отражающих глобальную фоноцелевую воздушно-космическую обстановку в режиме реального времени.

Существующими планами предполагается поэтапное наращивание созданной структуры системы ПРО все более эффективными огневыми и информационными средствами по мере их технической готовности, а также интеграцию и комплексирование с другими системами (ПВО, контроля космического пространства и противоспутниковой борьбы, различных видов технической разведки).

В обобщенном виде прогноз развертывания глобальной системы ПРО США до 2030 г. представлен в табл.

Данный прогноз выполнен, исходя из следующих базовых соотношений:

– конечной целью Соединенных Штатов является создание оборонительной системы, способной парировать угрозы ракетного нападения со стороны любого из государств мира, в первую очередь – стран с развитыми военными технологиями³;

– развертывание системы ПРО осуществляется в условиях отсутствия острого противоборства, спонно-ядерного оружия;

Прогноз развертывания системы ПРО США

Компоненты системы	По периодам:			
	2015	2020	2025	2030
Система информационного обеспечения ПРО				
КА высокоорбитального эшелона СПРЯУ	3–4 DSP, 2–3 SBIRS–GEO, 2 SBIRS–HEO	2–3 DSP, 3–4 SBIRS–GEO, 2–3 SBIRS–HEO	6–7 SBIRS–GEO, 3–4 SBIRS–HEO	6–7 SBIRS–GEO, 3–4 SBIRS–HEO
Многоцелевые КА низкоорбитального эшелона с ОЭС ¹ высокоточного сопровождения БЦ ²	2 STSS (демонстрационных), 1–2 SBSS (СККИ ³)	2–3 типа STSS либо PTSS (экспериментальных), 2–3 типа SBSS	10–12 типа STSS либо PTSS, 5–6 типа SBSS	до 24 типа STSS либо PTSS, до 12 типа SBSS
РЛС дальнего обнаружения (стационарные)	4 UEWR и 1 модернизированная Cobra Dane СККИ	4 UEWR, 1 Cobra Dane и 1 модернизированная AN/FPS–85 СККИ	5 UEWR, модернизированные Cobra Dane, PAR и AN/FPS–85	5 UEWR, модернизированные Cobra Dane, PAR и AN/FPS–85, а также ESA европейской СККИ
Большеапертурные РЛС X–диапазона	1 SBX (на морской платформе)	до 2 станций с ФАР ⁴ типа SBX или EMR	до 5 станций	5–7 станций
Транспортируемые РЛС X–диапазона	до 11 станций AN/TPY–2	до 15 станций типа AN/TPY–2	до 20 станций типа AN/TPY–2 (наземного или морского базирования)	до 50 станций типа AN/TPY–2, AN/SPY–1, AMDR, DBR и AN/SPY–3
Корабельные РЛС	до 35 AN/SPY–1 модификации D(V) на кораблях с ПРС «Иджис–ПРО»	до 30 станций типа AN/SPY–1, единичные образцы AMDR, DBR и AN/SPY–3	30–35 станций типа AN/SPY–1, AMDR, DBR и AN/SPY–3 (возможно наземное базирование)	

Продолжение таблицы

Компоненты системы	По периодам:			
	2015	2020	2025	2030
ОЭС воздушного базирования	3 комплекта HALO на самолетах-носителях типа Gulfstream, 1 WASP (широкофюзеляжный DC-10)	4 экспериментальных Амолета, 10–12 БЛА ⁵ типа MQ-9 Reaper, до 5 высотных аэростатов	до 30 носителей различных типов	до 50 носителей
Самолетная РЛС ПРО X-диапазона	—	—	возможно появление экспериментального образца	в том числе как со специализированными оптико-электронными средствами, так и радиолокационными станциями X-диапазона
Огневые средства ПРО				
ПРК наземного базирования дальнего перехвата	до 50 ПР ГБИ в 2 позиционных районах	до 70 ПР ГБИ в 2–3 позиционных районах	до 100 ПР типа ГБ в 3–4 позиционных районах	до 300 ПР в 3–4 позиционных районах
ПРК наземного базирования ТХААД	до 150 ПР в составе 3–4 батарей	до 450 ПР (8–9 батарей)	до 800 ПР (до 16 батарей)	до 1200 ПР (до 24 батарей)
ПРК наземного базирования атмосферного перехвата	примерно 1000 ПР ПАК-3	800–1000 ПР типа ПАК-3	до 1000 ПР типа ПАК-3, до 500 ПР новой модификации	до 1500 ПР различных (преимущественно новых) модификаций
ПРС морского базирования «Иджис-ПРО»	версии 4.0.1 и до 6 версии 5.0), по 150 ПР «Стандарт-3» мод. 1А и 1В	наземный (до 100 ПР в 1–2 позиционных районах) и морской (до 300 ПР на 35–40 кораблях) варианты базирования. Из них до 30 ПР – мод. 2А	до 500 ПР «Стандарт-3» различных модификаций и типов базирования, из них до 30 ПР – мод. 2В	до 700 ПР различных (преимущественно новых) модификаций

1. ОЭС – оптико-электронные средства (системы); 2. БЦ – баллистическая цель; 3. СККП – система контроля космического пространства, 4. ФАР – фазированная антенная решётка; 5. БЛА – беспилотный летательный аппарат; 6 – с длиной волны около 3 см.

– наращивание количественного состава отработанных ПРК и ПРС осуществляется постепенно с темпами, близкими к запланированным⁸;

– завершение разработки и начало развертывания перспективных систем и средств, создаваемых в рамках приоритетных проектов, осуществляется в соответствии с запланированными сроками. Темпы производства новых средств полагаются близкими к наблюдаемым темпам производства однотипных средств⁹;

– объем финансирования работ постепенно возрастает с текущего уровня приблизительно 10 млрд долл. в год до 20 млрд долл. к 2020 г. и в дальнейшем не увеличивается.

Несмотря на то что достоверность прогноза снижается по мере увеличения его сроков, основные мероприятия по развертыванию системы ПРО США могут быть реализованы в указанные в таблице периоды.

Возникает естественный вопрос: с какой целью осуществляется столь крупная военная программа?

В этой связи нельзя не отметить, что озвучиваемый Вашингтоном посыл о двух основных источниках ракетной угрозы континентальной части страны – Иран и КНДР – не выдерживает никакой критики. Наукоемкий и длительный процесс создания этими странами МБР требует как минимум выполнения следующих условий⁷:

– успешной разработки ключевых компонентов (двигательная установка, система управления, ядерное зарядное устройство, отделяемая головная часть и т. д.) и интеграции их в единую конструкцию;

– проведения большого количества испытаний компонентов и раке-

ты в целом, в том числе реальных пусков на достаточно большую дальность;

– организации тесной кооперации значительного числа разноплановых предприятий-разработчиков при государственном обеспечении научного и промышленного потенциала на соответствующем уровне;

– устойчивой политической мотивации к внезапному нанесению единичных ракетно-ядерных ударов по территории США и объектам их вооруженных сил в условиях неминуемого возмездия.

Следует отметить, что особую роль в планах США играет намерение развернуть в прогнозируемый период наземные позиционные районы ПР в Румынии и в Польше. При этом обычно выделяют три принципиально разнородные целевые установки¹⁰.

Первая направлена в основном на решение геополитических задач: возвращения главенствующей роли США в вопросах евробезопасности; нахождение «рычагов» управления Россией и другими государствами вне зависимости от складывающихся условий.

Вторая преследует сугубо экономические цели: обеспечение корпорациям американского ВПК заказов за счет реализации так называемой «концепции спиральной разработки и приобретения систем оружия» в области ПРО.

Третья имеет собственно военно-стратегический характер. Она направлена на исключение возможности нанесения Россией ответного удара по территории США с любого направления. В этой связи краеугольным камнем военной стратегии

Пентагона можно считать концепцию «быстрого глобального удара», снижающего количество ответных пусков ракет до одного или нескольких.

Широко распространено заблуждение, что такой удар обязательно будет неядерным¹¹. В действительности речь идет о способности быстро поражать стратегические цели в любой точке земного шара с применением как обычного, так и ядерного оружия^{12, 13}.

Создание такого инструмента (в обход нового Договора по СНВ) представляет собой один из главных приоритетов всей современной военно-технической политики Вашингтона. Вместе с программой ПРО модерни-

зация ударного компонента составляет «неприкасаемое» ядро военного бюджета, не подвергаемое сокращению ни при каких сценариях экономии государственных расходов^{14, 15}.

При этом небывалая по размаху пропагандистская кампания создает иллюзию неувязимости и безнаказанности не только высшего руководства, но и всего населения США в любых условиях боевого применения собственных ударных средств, в том числе и ядерных. Такое заблуждение чрезвычайно опасно, поскольку провоцирует неустойчивость равновесия, достигнутого в результате длительного эволюционного развития стратегических ядерных сил ведущих государств мира.

В сложившихся условиях американская позиция отказа от любых договорных ограничений в области ПРО представляется не только контрпродуктивной по отношению к стратегической стабильности и глобальной безопасности, но в конечном счете не соответствующей собственным национальным интересам США на сколь-нибудь заметную перспективу.

Примечания

- ¹ Михайлов В.Н., Степанов В.М. Основные тенденции политики новой администрации США в области противоракетной обороны // Индекс безопасности, 2010. Март. № 2(93).
- ² Countermeasures. A Technical Evaluation of the Operational Effectiveness of the Planned US National Missile Defense System Union of Concerned Scientists. MIT Security Studies Program. 2000. April.
- ³ Statement of Missile Defense Agency Director before the House Armed Services Committee Subcommittee on Strategic Forces. 2012. March 6.
- ⁴ How US Strategic Antimissile Defense Could Be Made to Work. George Lewis and Theodore Postol // Bulletin of the Atomic Scientists 66(6). 2010. P. 8–24.
- ⁵ Butt Y., Postol Th. Upsetting the Reset: The Technical Basis of Russian Concern Over NATO Missile Defense. FAS Special Report № 1. 2011. September.
- ⁶ Science and Technology Issues of Early Intercept Ballistic Missile Defense Feasibility. Defense Science Board Task Force Report. 2011. September.
- ⁷ Сборник трудов международной конференции по проблематике ПРО в Москве 3–4 мая 2012. М., МО, 2012
- ⁸ Department of Defense Fiscal Year (FY) 2013 President's Budget Submission. Missile Defense Agency. Justification Book Vol. 2a. Research, Development, Test & Evaluation. Defense-Wide. 2012. February.

- ⁹ Assessments of Selected Weapon Programs. GAO Report to Congress on Defense Acquisition. GAO-12-400SP. 2012. March.
- ¹⁰ Мухин В.И., Аксенов С.В. Роль и место ППРО в большой стратегии – успешный бизнес-проект американского ВПК // НВО. 2012. 15 июня.
- ¹¹ Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues for Congress. CRS Report R41464. 2012. July 6.
- ¹² Proliferation of Precision Strike: Issues for Congress. CRS Report R42539. 2012. May 14.
- ¹³ Дьяков А.С., Мясников Е.В. «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. Доклад центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 2007. 14 сентября. М.: МФТИ, 2007.
- ¹⁴ H.R. 4310, The National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2013. Rules Committee Print 112-22. 2012. May 10.
- ¹⁵ Defense: FY2013 Authorization and Appropriations. CRS Report R198064. 2012. September 5.

Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год

Разведывательная деятельность в современном мире

Александр Михайленко

Говоря о разведывательной деятельности (РД), вспоминается известный анекдот о том, как подвыпивший мужик искал потерянный ключ под фонарем, потому что в других местах темно. Определенная логика в таком подходе есть: все равно в темноте вряд ли что-то найдешь, а вот под фонарем шанс найти есть, пусть и небольшой. Но что делать, если мужик абсолютно трезвый, а место, где, как он почти наверняка знает, лежит нужный предмет, не оборудовано фонарем? Более того, это место скрыто от посторонних взглядов. В такой ситуации поможет фонарик, который как раз для того и предназначен, чтобы высвечивать темные места в стороне от широкой освещенной дороги. Фонарик, на мой взгляд, может в этом смысле служить символом разведки.

Разведка существует с древних времен, потому что таких затемненных мест в международных отношениях всегда хватало. Говорят даже, что разведка – вторая по древности профессия. И тем не менее она не поросла бородой, она очень активна и инновационна, о ней говорят почти ежедневно. На днях на информационной ленте появилось сообщение из Белоруссии о том, что «Комитетом государственной безопасности пресечена шпионская деятельность белорусских граждан, осуществляемая ими в интересах спецслужб Литовской Республики»¹.

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). E-mail: anmikh@mail.ru

Ключевые слова: разведывательная деятельность, ЦРУ США, Служба внешней разведки России, разведывательные средства и методы.

Проблемам разведывательной деятельности посвящена большая литература². И все же в отношении нее остается много открытых вопросов.

Что представляет собой разведывательная деятельность сегодня? Какие процессы идут в разведке?

Какова ее роль в международных отношениях?

Какова позиция России в мировом разведывательном рейтинге?

Наконец, что нужно сделать для того, чтобы российская разведка вносила более действенный вклад в развитие нашего общества?

Сущность разведывательной деятельности

Первый вопрос, который возникает при осмыслении проблем разведывательной деятельности, состоит в том, что же такое сама эта деятельность, каковы ее сущностные черты и специфика?

В литературе встречаются различные определения разведывательной деятельности. В них нередко едва ли не основной акцент делается на ее специальный, специфический характер.

Например, А.И.Кондратов пишет: «Разведывательная деятельность государства – направление внешнеполитической деятельности государства, осуществляемой в целях обеспечения реализации внешней политики государства с использованием имеющихся в распоряжении специальных органов, уполномоченных государством на проведение этой деятельности, специфических сил, средств, форм и методов»³.

Такое определение является слишком широким и не дает представления о сущности разведывательной деятельности. Идея о теснейшей взаимосвязи разведывательной деятельности с внешней политикой страны заслуживает самого пристального внимания. Тем самым подчеркивается политическая сущность разведывательной деятельности. Разведка по определению обеспечивает реализацию внешней по-

литики, и связь между ними может приобретать разнообразные формы. Об этом свидетельствуют, например, события, связанные с вторжением США в Ирак в 2003 г.

Весной 2012 г. широкой общественности стало известно то, что спецслужбы знали давным-давно.

Иракский ученый-перебежчик Рафид Ахмед Альван Аль-Джаноби сознался, что дал лживые показания, которые стали основанием для этого вторжения.

Госсекретарь США К.Пауэлл, убеждая в феврале 2003 г. Совет Безопасности ООН в необходимости интервенции, представил выдумки перебежчика в качестве «фактов и выводов, основанных на надежных разведданных».

Со своей стороны, экс-глава канцелярии К.Пауэлла Л.Уилкерсон признался, что в данном случае «разведданные подгонялись под политику»⁴.

Война в Ираке длилась 9 лет, привела к гибели более 100 тыс. чел. и обошлась в сотни миллиардов долларов. Сегодня в Ираке по-прежнему гремят взрывы, продолжается жесткая межфракционная борьба.

В данном случае разведывательные данные не соответствовали потребностям политики, и они были препарированы в «нужном» направлении.

В истории бывала и обратная картина, когда разведка давала достоверные данные, но они по различ-

ным причинам не принимались во внимание.

Классический пример этого – события, связанные с началом Великой Отечественной войны, когда В.И.Сталин не поверил данным советской разведки.

Гораздо более свежий пример этого типа содержится в только что рассекреченных материалах германских спецслужб⁵. В них имеются совершенно четкие доказательства того, что у западногерманских официальных лиц заблаговременно имелась информация о возможном теракте на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене. Палестинские террористы из организации «Черный сентябрь» тем не менее провели операцию по уничтожению израильских атлетов.

Эти примеры говорят о непростых отношениях политики и разведки.

Иногда политики не доверяют разведке, поскольку ее информация может быть плодом оперативной игры контрразведки противоположной стороны.

Об этом свидетельствуют примеры таких высокопоставленных «кротов» в разведывательных службах, как О.Калугин и Э.Олдрич.

В других случаях реализация политиками разведывательной информации может принимать кажущиеся не вполне логичные формы.

Так, в годы Второй мировой войны разведывательные службы Великобритании получили информацию о планируемых фашистскими ВВС бомбардировках их страны.

О.В.Гаман-Голутвина пишет о материалах, «которые указывают на то, что премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, располагая такого рода данными, не приложил усилий, чтобы предотвратить бомбардировки ряда городов. Это тоже этическая несостоятельность? Не думаю – скорее, прагматичный политический расчет»⁶.

В литературе, посвященной разведывательной проблематике, часто

вместо определения разведывательной деятельности описывается содержание деятельности разведывательных служб. Такой подход не вполне корректен, потому что деятельность разведслужб включает в себя наряду с разведывательной деятельностью и другие виды деятельности.

Об этом свидетельствуют должности заместителей директора по науке и технологиям, по кадровому, материально-техническому, финансовому и другому обеспечению, по связям с общественностью в штатном расписании ЦРУ. Тем не менее такие описания дают представление о том, чем занимается разведка.

Например, в справочном издании Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами говорится о разведывательных службах как о «государственных организациях, чьими основными задачами является сбор и анализ информации, связанной с национальной безопасностью, и ее распространение среди лиц, принимающих решения»⁷.

С учетом того что в развитых странах национальная безопасность трактуется весьма широко, таким же широким получается и предмет деятельности разведывательных организаций.

В Испании принято определение разведывательных служб, согласно которому они являются «государственными органами, задача которых состоит в получении информации, недоступной для других органов, и распространении разведывательной информации о различных угрозах для того, чтобы предотвратить их и обеспечить принятие правительственных решений»⁸. Такое определение напоминает русскую народную сказку о царе, который говорил Иванушке: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Несмотря на кажущуюся неопределенность такой дефиниции, смысл

в ней все-таки есть. Он состоит в том, что разведывательные службы часто становятся последней палочкой-выручалочкой, которая может обеспечить получение важнейшей информации, недоступной для других государственных органов.

Более точное определение РД дано в отечественном Законе № 5-ФЗ «О внешней разведке».

В нем говорится, что «внешняя разведка Российской Федерации как совокупность специально создаваемых государством органов – органов внешней разведки Российской Федерации – является составной частью сил обеспечения безопасности Российской Федерации и призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных настоящим Федеральным законом методов и средств»⁹.

В законе говорится, что разведывательная деятельность осуществляется посредством «добывания и обработки информации о затрагивающих жизненно важные интересы Российской Федерации реальных и потенциальных возможностях, действиях, планах и намерениях иностранных государств, организаций и лиц».

Однако и такое определение не в полной мере отражает специфику разведки. Оно, например, не дает ответа на вопрос, в чем состоит отличие разведывательной деятельности от дипломатической деятельности. Ведь дипломаты именно тем и занимаются, что наряду с другими обязанностями собирают и анализируют информацию о зарубежных государствах и международных организациях, представляющую интерес для страны. На это могут сказать, что в дипломатической деятельности действительно присутствует достаточно много конфиденциальности. И это правда, часто международные проблемы настолько сложны, что об-

народование предварительных вариантов их решения может не способствовать, а навредить делу. Поэтому дипломатическая конфиденциальность соблюдается по взаимному согласию участвующих во взаимодействии сторон. Разведчики же действуют втайне от противоположной стороны, хотя некоторые общие неписанные правила поведения в разведывательном сообществе имеются.

Точно так же ученые, занимающиеся внешнеполитическими исследованиями, добывают и обрабатывают информацию об иностранных государствах. Но ведь ни дипломаты, ни ученые не превращаются из-за этого в разведчиков. Вместе с тем умение работать с информацией, получать и обрабатывать ее является общим свойством разведчика, дипломата, ученого и ряда других профессий. Некоторые средства и методы, которые ранее считались исключительно разведывательными, сегодня довольно часто используются журналистами, дипломатами, бизнесменами и пр. Но между этими профессиями есть довольно четкая грань. В чем она состоит?

Очевидно, важнейшей специфической чертой РД является ее предмет. Он составляет тайные, скрытые элементы тех самых возможностей, действий, планов и намерений иностранных государств, организаций и лиц, о которых идет речь в ст. 2 российского закона. Тогда становится понятно, почему разведчикам нужны негласные средства и методы работы – они необходимы для раскрытия тайных элементов в деятельности наших партнеров по международным отношениям. Иначе зачем

разведке конфиденциальная основа отношений, зашифровка кадрового состава, конспирация, о которых идет речь в законе? Именно эти негласные средства и методы, а также результаты их использования и являются самым большим достоянием разведки, которые разведчики стараются беречь как зеницу ока. И если это не удастся, возникают серьезные проблемы.

Одна из недавних в этой области – ссора между разведывательными службами США и Канады из-за утечки секретной информации.

В марте 2012 г. в Канаде рассматривалось дело младшего лейтенанта Дж.П.Делайла, которого обвиняли в передаче секретных данных иностранной державе (по данным СМИ – России) в период с июля 2007 по январь 2012 г. Делайл служил в элитном разведывательном подразделении ВМФ Канады в Галифаксе, в функции которого входило отслеживание движения судов в Атлантике, а также анализ разведанных и коммуникационной информации. Делайл передавал иностранным разведчикам имевшиеся у него секретные материалы.

Эта утечка затрагивала разведывательную коалицию Канады, Великобритании, США, Новой Зеландии и Австралии, известную под названием «Пять глаз».

Прокол канадской разведывательной службы вызвал «серьезный разлад между должностными лицами американской и канадской разведок»¹⁰.

Особую сложность в разведывательной деятельности составляет выявление упомянутых в № 5 ФЗ «О внешней разведке» намерений иностранных государств, организаций и лиц. Если их возможности, действия и планы уже в той или иной степени материализованы в жизнь, то намерения находятся в головах их создателей. Но именно они представляют наибольший интерес с точки зрения

возможности предпринять своевременные контрмеры.

Известный американский исследователь разведывательной деятельности Р.Джервис рассматривает причины нескольких провалов американских разведслужб¹¹.

По его мнению, одна из главных причин как раз и состоит в том, что выявить намерения крайне сложно. В отличие от совершенно определенного количества боевых ракет в каком-то регионе то, что происходит в голове руководителя, абсолютная загадка. Руководители нередко изменяют свои намерения, не объясняя причин. Решения, лежащие в основе этих намерений, довольно часто бывают откровенно слабыми. Наконец, иногда намерения специально затемняются, чтобы ввести партнера по конфликтному взаимодействию в заблуждение.

В соответствии с Законом «О внешней разведке» разведчики используют не только негласные, но и гласные методы и средства. Например, аналитические структуры разведки могут выявлять перспективные направления научного поиска в зарубежных странах.

Президент России В.В.Путин сказал по этому поводу, что «разведслужбы многих стран мира работают в значительной степени и с легальными источниками, просто более оперативно срабатывают на опережение, перехватывая интересные современные перспективные разработки, и красть ничего не надо. Просто проанализировать все, что имеется. Надо выйти на перспективные направления и вовремя сориентировать соответствующие направления отрасли экономики»¹².

Способность разведки работать на опережение – важнейшее ее свойство, которое, однако, не возникает само собой, а культивируется напряженным трудом. Для повышения эффективности этой деятельности было бы целесообразно развивать более глубокие связи науки и разведки.

Получением, обработкой и доставкой разведывательной информации в заинтересованные государственные органы функции разведки не ограничиваются. Она затем, как правило, участвует в реализации мер, связанных с этой информацией.

В профильном российском законе по этому поводу сказано, что разведывательная деятельность осуществляется посредством «оказания содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации»⁹.

Возможно, было бы более правильно не столь обязывающее «оказание содействия» заменить в законе на «участие». Сегодня роль этой функции значительно возросла. Роль разведки в ее осуществлении весьма велика.

Об этом говорил Президент России В.В.Путин на совещании российских послов в июле 2012 г.: «В условиях стремительной трансформации международных отношений совершенствование деятельности МИД и других профильных структур приобретает очень важное значение. На первый план выходит способность оперативно и компетентно анализировать происходящее, давать своевременный прогноз, но хочу отметить: нельзя только пассивно наблюдать за происходящими событиями, как принято писать в ведомственных телеграммах, отслеживать развитие этих событий. Нужно активнее влиять на ситуацию там, где напрямую затрагиваются российские интересы, действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки, даже к самому неблагоприятному варианту такого развития»¹³.

Отметим, что именно при таких «неблагоприятных вариантах развития событий» роль разведки резко возрастает. Задача ее как раз и состоит в том, чтобы не допустить неблагоприятных варианты в международных отношениях, но, как говорил герой известной комедии, не всегда наши возможности совпадают с нашими желаниями.

Почему у государств возникает желание скрыть свои намерения и, соответственно, потребность других стран узнать о них?

Сегодня обстановка в мире характеризуется как очень противоречивая, неопределенная, конфликтная. В результате процессов глобализации усиливается взаимозависимость стран мира. В то же время основным двигателем их внешнеполитической деятельности остаются национальные интересы. Эгоистическое начало международных отношений наиболее ярко проявляется в экономической конкуренции между ними, включая даже, казалось бы, самых близких союзников. Существенные противоречия особенно бросаются в глаза и в военно-политической области.

Например, крупные западные страны «затеяли сыграть квартет» в Ливии весной 2011 г., но Германия отказалась поддержать Францию, Великобританию и стоящие за ними США в этой интервенции.

При этом действия крупных игроков на международной арене затрагивают существенные интересы других государств.

Внешиполитическая деятельность сегодня многократно усложнилась, любое значимое действие ведет к многовариантному развитию. Нередко даже внутри стран люди не совсем понимают, что делают их руководители на международной арене.

Так, в начале июля 2012 г. Президент Германии И.Гаук заявил, что канцлер А.Меркель должна «очень детально» объяснить немецкому народу, в чем состоит ее политика в отношении кризиса европейской валюты¹⁴.

Такая важная информация тем более интересна правительствам других стран, которые зависят от тянущих на десятки и сотни милли-

ардов евро решений. К тому же, дело не только в возможных экономических потерях: под вопросом политическая судьба Европейского союза. Заинтересована в такой информации и Россия, немалая часть валютных запасов которой хранится в евро, а крупнейшим импортером которой является именно Евросоюз.

Основная функция разведки в международных отношениях состоит в том, чтобы по возможности максимально снять неопределенность и за счет этого повысить качество принимаемых внешнеполитических решений. Реализация этой функции довольно дорогостоящая.

Бюджет национальной разведки США (без военной разведки) в 2011 финансовом году составил более 54 млрд долл.

В соответствии с общим курсом администрации Б.Обамы на сокращение расходов в 2012 финансовом году запланировано сокращение расходов и на разведку. На это специалисты в области разведывательной деятельности отвечают предельно просто: если политики готовы двигать на международной арене в потемках с соответствующими немалыми дополнительными расходами, то можно предпринимать самые радикальные сокращения разведывательного бюджета.

Сокращение бюджетов разведывательных служб непосредственно отражается на заработной плате их сотрудников. Между тем именно опытные сотрудники являются ее

золотым фондом. Руководители разведывательных служб Великобритании признают, что сохранение кадрового состава становится все более сложной проблемой.

В докладе британского правительства парламенту за 2011–2012 гг. о деятельности разведки именно кадровая проблема обозначена как одна из основных¹⁵. Это и неудивительно, если учесть, что техническому специалисту спецслужбы с опытом работы предлагают в таких компаниях, как *Amazon*, *Google* и *Microsoft* в три раза более высокие зарплаты, чем они получают на государственной службе.

Таким образом, движущей силой разведки является потребность в достоверной информации о планах и намерениях других международных игроков. Внутренней пружиной разведывательной деятельности является противодействие контрразведки оппонирующей стороны. Такое противодействие можно отчасти сравнить с конкуренцией, однако в конкуренции чаще всего речь идет о размере получаемой прибыли, а в противодействии разведки и контрразведки – о национальной безопасности. Конкуренция – это соперничество, а взаимодействие разведки и контрразведки – борьба. Это выдвигает самые высокие требования к разведчикам. Разведка – это именно то направление деятельности, где почти на сто процентов «кадры решают все».

Виды разведывательной деятельности, используемые средства и методы

Рассматривая способы действий разведчиков, следует отметить, что сила разведки состоит в неожиданности для контрразведки применяемых ею средств и методов. Тем не менее уже сложилась определенная клас-

сификация видов разведывательной деятельности, используемых разведчиками средств и методов.

Если раньше связанные с разведкой вопросы были табу, то сегодня о них написано очень много.

Так, в книге Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами приводится ряд средств и методов, которые применяются разведкой в ее деятельности. Это анализ открытой информации, содержащейся в СМИ, в материалах государственных и негосударственных организаций, научных работах. Разведка может также собирать необходимую информацию у лиц, которые имеют к ней доступ, в той среде, откуда могут исходить угрозы обществу. Государство наделяет разведку специальными полномочиями, с помощью которых ее сотрудники могут решать задачи получения и обработки разведывательной информации⁷.

В России Служба внешней разведки в соответствии с законом действует в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической, экологической и ряде других сфер. Эти виды разведки отражают объекты, которые представляют для России приоритетный интерес, который, очевидно, не является тайной для наших иностранных партнеров. По большому счету список объектов интереса примерно одинаков для любой разведывательной службы.

Эксперт по контрразведке и почетный профессор Карлтонского университета (Оттава) М. Руднер полагает, что целями российской разведки в Канаде являются «засекреченная технология, гражданские и военные тайны и наша собственная политическая и экономическая разведка».

«Большинство канадцев наивно относятся к разведке и вопросам национальной безопасности, задаваясь вопросом: Кто захочет причинить нам вред? – говорит он – Ответ заключается в том, что разведка не направлена на нанесение нам вреда, она направлена на кражу наших секретов. И это хотят сделать не только наши оппоненты, как Россия, но и дружественные страны, такие как Франция»¹⁶.

Разведка присутствует в основных, ключевых сферах общественно-поли-

тической и социально-экономической жизни, там, где решаются приоритетные проблемы развития международных отношений. Ее отсутствие в этих фокусных точках по различным причинам может привести к снижению влияния той или иной страны на важнейшие события.

Так, в СМИ уже обращено внимание на тревогу, с которой американские официальные лица рассматривают события в Сирии. Она связана с неопределенностью в стане сирийской оппозиции. В газетах пишут, что ЦРУ покинуло страну после закрытия американского посольства в Дамаске, и сегодня в руководстве США явно ощущается дефицит информации и рычагов воздействия на повстанцев.

В печати делается вывод о том, что «отсутствие ЦРУ в Сирии – это упущенная возможность влияния на расколотое повстанческое движение»¹⁷.

Экспансию новых средств и методов разведывательной деятельности невозможно остановить. Тем не менее привычная разведывательная работа с агентами и источниками информации не теряет своей значимости. Более того, в крупнейших разведках мира ставится задача повышения эффективности прежде всего агентурной разведки.

Так, ставший в 2012 г. во главе германской разведывательной службы БНД Г. Шиндлер заявляет, что «мы можем расширить нашу работу с агентами и источниками. Несмотря на все возможности, которые обеспечивают технические средства наблюдения, такие как Интернет и спутники, на них нельзя полагаться полностью. Они не могут заменить обычную разведывательную работу»¹⁸.

Перед всеми разведками мира стоит задача добиваться более эффективного использования в своей деятельности человеческого фактора.

Сегодня возникают новые виды разведки, отражающие динамично

развивающиеся аспекты социально-экономической и политической жизни общества. Соответственно, постоянно расширяется и спектр используемых в разведывательной деятельности средств.

Например, на Западе все чаще говорят о компьютерной разведке, особенно со стороны Китая.

В сенате Франции летом 2012 г. был подготовлен доклад, в котором рекомендуется запретить поставки и использование во Франции и в других странах Европы электронного оборудования производства китайских государственных компаний *ZTE* и *Huawei*.

Как утверждают авторы доклада, «существует серьезное подозрение, что указанное оборудование перенаправляет электронные сообщения телекоммуникационных операторов и в дальнейшем их содержимое используется для шпионажа в пользу Китая»¹⁹.

Появление этого доклада свидетельствует о некоторых тенденциях в развитии разведывательной деятельности. Сегодня происходит экономизация внешней политики, и разведка не может не следовать этим же путем. Эксперты обращают также внимание на то, что наряду с соображениями национальной безопасности причиной появления доклада может быть и стремление руками разведки выдать конкурента из передовой технологической ниши. Дело в том, что продукция указанных китайских компаний обходится телекоммуникационным операторам на 20% дешевле, чем аналогичная продукция французской *Alcatel-Lucent* или шведской *Ericsson*. Таким образом, современные разведывательные службы должны иметь в виду, что противодействие им может иметь различные основания, будь то политические, экономические, идеологические или др.

Еще одна тенденция, о которой свидетельствует появление этого доклада, состоит в повышении роли негосударственных игроков во внешней политике и, следовательно, в разведке.

Недавно уволившийся из ФБР Ш. Генри на парламентских слушаниях в конгрессе США в качестве примера привел такой факт. Одна американская компания в течение 10 лет вела весьма важный для страны научно-исследовательский проект стоимостью 1 млрд долл. Полученные ею результаты были похищены хакерами всего лишь за одну ночь²⁰.

В этом плане следует отличать экономическую разведку от промышленного шпионажа. Если промышленный шпионаж осуществляется для получения частной выгоды, то разведывательная деятельность направлена на обеспечение национальной безопасности страны. При этом коммерсанты во многом используют те же средства и методы, что и государственные разведывательные органы, только по-другому называемые. Вербовка, например, называется подкупом.

Впрочем, интересы негосударственных акторов в международных отношениях не ограничиваются лишь прибылью, их деятельность становится все более многогранной. Вполне естественно их стремление нарушить монополию государства и на скрытую деятельность, ведь запретный плод – самый желанный. Новые игроки могут оказывать существенное влияние на международные отношения. Именно таковы результаты публикации на сайте *Wikileaks* множества засекреченных телеграмм американских дипломатов. Несомненно, что эти утечки нанесли серьезный урон национальной

безопасности США, и на восстановление доверия к американским по-

слам и дипломатам потребуется длительное время.

Пути совершенствования разведывательной деятельности

Проблемы повышения эффективности деятельности разведки изучаются во всем мире. Ими занимаются прежде всего сами разведывательные органы. Тем не менее имеющиеся данные позволяют выявить некоторые тенденции в совершенствовании разведывательности. Так, в ЦРУ происходит систематическое повышение роли женщин в разведывательных операциях.

Если раньше они принимались в Управление в основном в качестве секретарей и стенографисток, то сегодня они, согласно официальному представителю ЦРУ В.Голсону, занимают 40% руководящих должностей.

В 2011 г. третий по значимости пост в ЦРУ заняла В. Сью Бромли, которая сменила тоже женщину С.О'Сулливан.

Старшим аналитиком (таргетером) ЦРУ, которому принадлежит значительная доля успеха в операции по ликвидации Усамы бен Ладена, также была женщина. Кадровые вопросы являются приоритетными во всех разведывательных службах.

Повышение эффективности разведывательной деятельности – это не внутреннее дело разведки.

К этой проблеме приковано внимание и сторонних организаций.

В США, например, авторитетная Исследовательская служба конгресса регулярно готовит и публикует обзоры по разведывательной проблематике.

В Канаде существует независимый Комитет по надзору за деятельностью разведки (*The Security Intelligence Review Committee*), который ежегодно готовит доклады в парламент страны со своей оценкой результатов и предложениями по улучшению разведывательной деятельности. Существенное внима-

ние этим вопросам уделяется и в других странах.

Общая тенденция, затрагивающая большинство развитых стран, состоит в усилении контроля общества за разведывательной деятельностью государства. Пример: вторжение в Ирак (2003 г.) под предлогом наличия у Багдада оружия массового уничтожения и последующая многотысячная гибель людей и потеря сотен миллиардов долларов, брошенных в мясорубку войны, что еще раз свидетельствует о необходимости гражданского контроля за деятельностью разведки. Важно, какими будут отношения между разведкой и наблюдателями гражданского контроля. Разведка может попытаться спрятать концы своих недостатков в воду и «проскочить» мимо контролеров, а может, наоборот, получить максимум выгоды от взгляда со стороны в отношении перспективных направлений собственного развития.

Обеспечение большей открытости в деятельности государства с необходимостью ставит вопрос о том, вся ли считающаяся сегодня секретной информация является таковой по существу.

Вот мнение российского политолога В.Корнилова о находящейся на перепутье Украине – идти ей в Евросоюз или в Таможенный союз: «Припоминаю дискуссию с бывшим замминистра иностранных дел Валерием Чалым на круглом столе, посвященном сравнению моделей интеграции. Тогда он заверил присутствующих, что где-то, глубоко в недрах МИД, он лично видел

эти самые расчеты, подтверждающие экономические выгоды ЗСТ с ЕС. Я попросил Чалого: покажите цифры экспертам, политологам, журналистам, раз уж они существуют в засекреченных схронах МИД. И как вы думаете, что он ответил? Пообещал показать. С тех пор прошло больше года. Я на всех эфирах призываю его снова и снова принести и показать. В ответ – молчание»²¹.

Данное положение характерно не только для Украины. Такой «разведывательной информации» грош цена.

В странах мира разработаны разнообразные меры по контролю и наблюдению за деятельностью разведывательных органов.

Так, контроль за деятельностью Канадской разведывательной службы – КРС (*The Canadian Security Intelligence Service*) осуществляют четыре основных института:

- первый – это министр общественной безопасности, который является ответственным в политическом плане за деятельность КРС. Министр обеспечивает общее руководство службой, дает согласие на ее основные операции;
- второй контролирующий орган – это генеральный инспектор, который назначается министром общественной безопасности;
- третий орган – независимый Комитет по надзору;
- наконец, еще одним контрольным органом является Федеральный суд.

Парламент не имеет специального комитета по надзору за деятельностью разведки, но он заслушивает директора КРС во время ежегодного утверждения бюджета службы²².

Для эффективного контроля за РД общество должно понимать основы этой деятельности, научиться говорить с разведчиками на одном языке. Разведка должна быть более открытой, насколько это позволяет специфика ее деятельности. При этом необходимо учитывать уровень открытости данного общества в целом.

Общество, в свою очередь, должно овладеть основами разведыва-

тельной деятельности. Понимание такой необходимости очевидно и уже находит свои проявления в различных странах.

Так, летом 2012 г. в Италии была опубликована брошюра, в которую вошли 259 используемых в разведывательной деятельности терминов. Заказала подготовку этой брошюры в Информационном управлении по вопросам безопасности (ИУВБ) итальянская разведка. Речь идет о попытке привлечь внимание к началу процесса налаживания отношений с обществом и обеспечения прозрачности в деятельности спецслужб.

В связи с выходом книги глава ИУВБ Дж.Массоло отметил: «При помощи этой брошюры мы хотим не только пролить свет на наш жаргон. Если мы стали объяснять значение слов, которые мы используем, это означает, что путь от обособленности будет длинным, но необходимым. Существует потребность в том, чтобы возродиться и открыться»²³.

Такой путь от обособления к более тесному взаимодействию с обществом – характерная черта современного этапа развития разведывательных служб.

В России уделяется значительное внимание совершенствованию разведывательной деятельности.

В.В.Путин, говоря о разведке, отметил: «Служба внешней разведки для такой страны, как Россия, которая ведет активную внешнюю политику, безусловно, является ключевым элементом для принятия правильных решений в сфере выстраивания отношений с другими государствами»¹².

По мнению наших западных партнеров, российская разведка является высокопрофессиональной и имеет очень высокие достижения.

В зарубежных СМИ пишут, например, о том, что высылка из США группы российских разведчиков в 2010 г. была связана в том числе и с тем, что А.Чапман непосредственно подобралась к высокопоставленному амери-

канскому чиновнику из круга Б.Обамы. Россия имеет все шансы играть лидерскую роль в развитии разведывательной деятельности²⁴.

Как бы то ни было, бывшие заслуги могут служить только базой для дальнейшего развития, а никак не поводом для самоуспокоения. При сравнительном анализе состояния дел в этом направлении ведущих стран мира и России возникает ряд мыслей. Они могут подсказать пути решения тех или иных проблем. Нужно повышать качество кадров, привлекаемых в разведку. Необходимо учиться более эффективно работать с открытыми источниками информации. Должна установиться более тесная связь разведки с наукой. Следует наладить более эффективный общественный контроль за разведывательной деятельностью.

Во всех этих направлениях уже предпринимаются определенные меры.

Например, в еженедельнике «Аргументы недели» регулярно печатаются заметки о деятельности разведки с комментариями специалистов-разведчиков. Очевидно, можно было бы сделать больше в этой сфере. На сайте ЦРУ, например, имеется страница для ученых. На ней размещены рассекреченные материалы о деятельности управления. Можно было бы расширить сотрудничество российской разведки с открытыми исследовательскими организациями.

По имеющимся данным, очень значительная часть бюджета ЦРУ идет гражданским контрактникам из числа ученых и специалистов в области научных исследований и аналитики.

Хотелось бы остановиться на предложениях, связанных со сферой образования и научных исследований. За рубежом связь разведывательной деятельности с этой сферой очень тесная.

Интересно мнение канадского профессора М.Руднера²⁵. По его данным, интерес к научному изучению разведки привел к форми-

рованию соответствующих учебных курсов и дисциплин.

В 1985 г. только в США читалось 54 таких курса.

Такие же курсы читались и в британских университетах, в том числе и в Кембридже.

В Великобритании был учрежден специализированный журнал «Разведка и национальная безопасность в Великобритании». В Канаде в том же году была образована Канадская ассоциация изучения разведки и безопасности. В 2007 г. начал выходить «Европейский журнал изучения разведки».

Значительную роль в развитии исследований в сфере разведки играет ЦРУ. Еще в 1985 г. оно направило в университеты опытных сотрудников для развития интереса к изучению разведки. С 1993 г. Центр исследований разведки ЦРУ проводит симпозиумы, на которых ученые и преподаватели встречаются с практическими работниками, обсуждают проблемы, представляющие взаимный интерес. В 2005 г. разведывательное сообщество США учредило программу «Центр научного мастерства» (*Center of Academic Excellence*), целью которого было взаимодействие с университетами для подготовки кадров разведывательных служб. Такие же центры создало впоследствии и Министерство внутренней безопасности, выделив на это немалые средства.

К началу нашего века в США читалось уже от 200 до 300 специализированных курсов по тематике разведывательной деятельности. Такие же курсы распространены в Великобритании, ряде других европейских стран, Канаде, Израиле

В Испании в 2006 г. в рамках Университета Карлоса III в Мадриде создан Институт Хуана Валакеса де Веласко изучения разведки для безопасности и обороны (*Instituto Juan Valaquez de Velasco de Investigacion en Inteligencia para Seguridad y la Defensa*). Одной из целей Национального центра разведки Испании является «создание в Испании разведывательной культуры как основания эффективного функционирования испанского разведывательного сообщества»²⁶.

Подобные же процессы идут и в других странах Европы и на других континентах.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что разведывательная деятельность является важнейшим элементом внешнеполитической деятельности государства, которая может быть эффективно использована в международных отношениях. В разведке отражаются все те тенденции, которые происходят в международных отношениях. Сегодня страны мира испытывают все более острую потребность в разведывательной информации. Процессы демократизации и развития открытости государственного управления ставят перед разведчиками новые задачи. Для их решения необходимо постоянно совершенствовать используемые в разведке средства и методы деятельности. Особое значение имеет качество подготовки сотрудников разведки.

Одним из направлений повышения качества подготовки специалистов в области внешнеполитической деятельности России могла бы стать разработка учебного курса об основах разведывательной деятельности. Речь не идет о том, чтобы дублировать подготовку соответствующих специалистов в профильных учебных заведениях СВР и ФСБ.

Однако некоторые магистерские и докторские работы выпускников американских вузов, основанные исключительно на открытых материалах, представляли серьезный интерес для специалистов в области разведывательной деятельности. Этот зарубежный опыт имеет для России определенный интерес.

Специалисты в области международных отношений должны иметь представление об основах разведывательной деятельности, иначе их подготовка будет неполной.

Примечания

- ¹ О пресечении разведывательной деятельности литовских спецслужб // URL: <http://www.kgb.by/press/inform/310.html>
- ² Бояджи Э. История шпионажа. М.: Олма-Пресс, 2003; Сергеев Е. Взаимодействие разведок // Стратегия России. 2012. № 7.
- ³ Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства и динамические категории политической науки. М.: Граница, 2011. С. 101.
- ⁴ Man whose WMD lies led to 100,000 deaths confesses all. By Jonathan Owen // Independent. 2012. 1 April.
- ⁵ Officials Ignored Warnings of Terrorist Attack // Der Spiegel. 2012. 23 July.
- ⁶ Гаман-Голутвина О.В. XVII «Шишкинские чтения»: Элиты и нравственность // Вестник МГИМО(У). 2012. № 3. С. 135.
- ⁷ Understanding Intelligence Oversight: Guidebook. By Aidan Wills. Geneva Centre for Democratic Control of Armed Forces, 2010. P. 10, 17.
- ⁸ Que es un servicio de inteligencia? // URL: http://www.cni.es/es/preguntasfrecuentes/pregunta_001.html?pageIndex=1&faq=si&size=15
- ⁹ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // URL: http://svr.gov.ru/svr_today/doc02.htm
- ¹⁰ Canadian Military Leak to Russia Riles Allies // The Wall Street Journal. 2012. March. 28.
- ¹¹ Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War. By Robert L. Jervis. Cornell Univ. Pr., 2010.
- ¹² URL: <http://www.utro.ru/news/2010/12/18/944846.shtml>

- ¹³ Выступление В.В.Путина на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 г. // URL: <http://www.president.kremlin.ru/news/15902>
- ¹⁴ President Tells Merkel to Explain Her Euro Policies // URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/german-president-joachim-gauck-criticizes-merkel-on-euro-policies-a-843340.html>
- ¹⁵ Intelligence and Security Committee Annual Report 2011–2012. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. London. 2012. July.
- ¹⁶ *Goodspeed P.* Vladimir Putin's support of spying is of Cold War caliber // National Post. 2012. 21. January.
- ¹⁷ CIA absence from Syria a setback for U.S., officials say. By Ken Dilanian // Los Angeles Times. 2012. 24. July.
- ¹⁸ Interview With German Intelligence Chief «We Must Be The First to Go In and the Last to Leave» // Spiegel. 2012. April. 16.
- ¹⁹ La cyberdefense: un enjeu mondial, une priorite nationale. Rapport d'information No 681 de M. Jean-Marie BOCKEL, fait au nom de la commission des affaires etrangeres, de la defense et des forces armees. 18 juillet 2012 // URL: <http://www.senat.fr>
- ²⁰ How China Steals Our Secrets. By Richard A. Clarke // The New York Times. 2012. April. 2.
- ²¹ Лукашин Ю. В какую дверь стучаться Украине? // Еженедельник 2000. 2012. 12 июля.
- ²² Intelligence Legislation Model Canada. The Canadian Security Intelligence Service Act, 1984. Geneva Centre for Democratic Control of Armed Forces. 2011. P. 8.
- ²³ Il dizionario dello 007: arriva il manuale che spiega come parlano le spie // La Repubblica, 28 giugno 2012.
- ²⁴ Михайленко А.Н. Лидерство в современных международных отношениях // Обозреватель–Observer. 2012. № 5. С. 72–87.
- ²⁵ Rudner Martin «Intelligence Studies in Higher Education: Capacity-Building to Meet Societal Demand». International Journal of Intelligence and Counterintelligence 22. №. 1 (Spring 2009). P 110–130.
- ²⁶ Cultura de Inteligencia // URL: <http://www.cni.es/es/culturainteligencia>

Межпарламентские институты: динамика развития

Анастасия Виноградова

Прежде чем определиться с тем, какую роль в современном мире играют институты представительства и парламентское измерение в целом, следует понять, каким предстает перед нами сам этот мир. В данном контексте наиболее интересной является идея мировой трансформации, нашедшая свое отражение в известной концепции волн демократизации*.

Сама концепция неоднократно претерпевала изменения из-за различного видения демократизации разными исследователями – некоторые из них выделяли три волны демократизации (Р.Даль¹, Дж.Маркофф², С.Хантингтон³), другие ученые (К. фон Бойме⁴, Р.Дооренсплеет⁵, М.Макфол⁶, М.Шмидт⁷, Ф.Шмиттер⁸) – четыре. Некоторые исследователи (М.В.Ильин⁹, Ф.Редер¹⁰) классифицировали аналогичные «волны государственного строительства» не по хронологическим периодам, а по их функциональной нагрузке, по существу и смыслу осуществлявшихся преобразований.

Волны демократизации

В наиболее простой версии волновой модели, предложенной С.Хантингтоном, речь идет о трех волнах демократизации, в основу которых положено распространение западных институтов и стандартов.

ВИНОГРАДОВА Анастасия Александровна – кандидат политических наук. *E-mail:* a_vinogradova@inbox.ru

Ключевые слова: межпарламентский институт (МПИ), парламентская ассамблея, международная организация, волны демократизации, парламентаризация.

* По С.Хантингтону, волна демократизации – это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период. К этой волне обычно относится также либерализация или частичная демократизация в тех политических системах, которые не становятся полностью демократическими.

За этот временной период произошла смена институциональных поколений политической организации – как международных систем, так и составляющих их политик.

Хронология волн, по С.Хантингтону, представлена в его книге «Третья волна: демократизация в конце XX века» и выглядит следующим образом.

Первая (длинная) волна демократизации была в 1828–1926 гг. Ее корни – в американской и французской революциях. Однако действительное возникновение национальных демократических институтов – это феномен XIX в. В общем и целом за сто лет свыше 30 стран ввели у себя минимальные общенациональные демократические институты.

В 1922–1942 гг. наблюдался первый откат. Доминантой политического развития 20-х – 30-х годов был уход от демократии и либо возврат к традиционным формам авторитарного правления, либо установление новых, гораздо более жестких и всеобъемлющих форм тоталитаризма. Такое движение вспять происходило главным образом в тех странах, которые восприняли демократические формы буквально накануне Первой мировой войны или сразу после нее и для которых не только демократия, но и во многих случаях понятие «нация» были чем-то новым. Из дюжины стран, создавших у себя демократические институты до 1910 г., лишь одна – Греция – пережила после 1920 г. откат. Из 17 стран, воспринявших демократические институты в 1910–1931 гг., лишь четыре сохранили их на протяжении 30-х годов. Смены режимов отражали расцвет коммунистических, фашистских и милитаристских идеологий.

В 1943–1962 гг. произошла *вторая (короткая) волна демократизации*, связанная с началом Второй мировой войны. Союзническая оккупация способствовала введению демократических институтов в Западной Германии, Италии, Австрии, Японии и Корее. В конце 40-х – начале 50-х годов пришли к демократии Турция и Греция. В Латинской Америке демократизация проходила с переменным успехом, периодически наблюдался откат к авторитарным тенденциям.

К началу 60-х годов вторая волна демократизации исчерпала себя: в 1958–1975 гг. наблюдался второй откат от демократических преобразований. В конце 50-х годов политическое развитие и транзит режимов приняло отчетливо авторитарный характер. Наиболее радикальные перемены произошли в Латинской Америке.

Начиная с 1974 г. в мире наблюдается *третья волна демократизации*. В течение 15 лет после падения португальской диктатуры (1974 г.) демократические режимы пришли на смену авторитарным почти в 30 странах Европы, Азии и Латинской Америки. В некоторых странах произошла значительная либерализация авторитарных режимов, а в других движения, выступающие за демократию, обрели силу и легальность.

Сначала этот демократический прилив проявил себя в Южной Европе.

В конце 70-х годов демократическая волна докатилась до Латинской Америки.

Демократическое движение заявило о себе и в Азии.

В начале 1977 г. первая демократия третьего мира – Индия, прожив полтора года в условиях чрезвычайного положения, вернулась на демократический путь. В конце десятилетия демократическая волна захлестнула коммунистический мир.

Как и М.Макфол, Ф.Шмиттер определил **четыре волны глобальной демократизации**.

Первая, по его мнению, берет начало от революций 1848 г., после которых к 1852 г. многие страны (в частности, Франция, Германия, Австро-Венгрия) вернулись к авторитарным формам правления.

Вторая – после Первой мировой войны, когда в Восточной и Центральной Европе возникли новые государства, в ряде которых установились демократические формы правления.

Третья волна началась после Второй мировой войны, когда появилась большая группа стран, поэтапно освобождавшаяся от колониальной и полуколониальной зависимости.

Четвертая волна берет начало с военного переворота 1974 г. в Португалии, приведшего к демократическим преобразованиям.

Существуют и другие подходы¹¹ к хронологии волн демократизации, берущих свое начало лишь в XX в. В соответствии с такой периодизацией складывается следующая картина.

Первая волна демократизации была в 20-е годы и в качестве ключевых принципов подразумевала упорядочение, рационализацию (вплоть до некоторого сдерживания общих темпов развития) и сопоставление развития с общими стандартами. При этом суверенное равенство государств и равенство людей составили важное позитивное достижение данного этапа.

Вторая волна прошла в 50-е годы параллельно с консолидацией системы ООН и коррозией принципов гегемонии сверхдержав.

Третья волна демократизации охватывает период 1975 г. – конец 80-х годов и характеризуется более интенсивным, но одновременно и более противоречивым развитием. В этот период (фаза так называемого Хельсинкского процесса) происходит трансформация институтов и практик ООН, формирование СБСЕ и «Группы шести» (а затем «семи» и «восьми») ведущих стран мира. Функциональный смысл и связь с политиками развития в значительной степени связаны с развитием практик пактирования и с созданием соответствующих институтов. Тем не менее, постепенно происходит возрождение гегемонистских тенденций.

По мнению российского исследователя М.В.Ильина¹², с конца 80-х годов проходит *четвертая волна демократизации*. В этот период на международной арене наблюдается формирование униполярной системы гегемонии США при параллельном кризисе ООН, ОБСЕ и других международных структур, акцентирующих принципы суверенного равенства государств. Позднее снова происходит постепенный откат от принципов гегемонии и переход к принципам суверенного равенства государств и гражданского равенства людей.

Существует, вероятно, связь между демократизацией и укреплением парламентского измерения. Первая

предполагает, во-первых, открытие возможностей для массового политического включения в политику всех граждан, а во-вторых, усиление подотчетности властей, преимущественно вертикальной, путем выборов, референдумов и т.п. Парламентаризм также ориентирован на совершенствование участия, правда, за счет использования институтов и практик представительства и делегирования власти. Кроме того, он не в меньшей, если не в большей степени поощряет подотчетность, причем не только вертикальную, но и горизонтальную, а также активно использует «близнеца» подотчетности – принцип и практику ответственности. Такие ключевые институты, как ответственное правительство, ответственность партийных фракций за предлагаемый и проводимый ими политический курс, как конституционная ответственность ветвей власти, включая сам парламент, – все они зародились и получили развитие в лоне парламентов.

В условиях столь высокого сущностного родства процессы демократизации априори предполагают параллельное усиление роли парламентского измерения как на внутригосударственном уровне, так и в межгосударственном контексте. В этой связи представляется целесообразным провести некую аналогию волн демократизации с так называемыми волнами парламентаризации международных отношений в целом и международных организаций в частности, предварительно проследив хронологию появления межпарламентских институтов (МПИ).

Распространение МПИ явилось закономерным результатом объек-

тивных тенденций интернационализации и интеграции человеческого сообщества. Институционализация интеграционных процессов неизбежно принимает с каждым очередным этапом исторического развития все более демократические, представительные и парламентские формы¹³. На фоне стирания политических границ, будучи невзаимосвязанными и действуя в отрыве друг от друга, институты власти, в том числе представляющие законодательное крыло, не в состоянии координировать свои решения и действия в условиях взаимозависимости мира. Объективная необходимость в наличии своего рода форумов и площадок для согласования интересов, принятия адекватных вызовам времени решений, а зачастую и урегулирования потенциальных и реальных

конфликтов и породила идею создания нового по своей институциональной субстанции института – межпарламентского. Была ли идея инновационной – спорный вопрос, поскольку подобного рода коллегиальные образования* были и в прошлом, но именно в таком своем воплощении они стали нововведением.

МПИ пока не представляют собой единого цельного явления. Как категорию понятийного аппарата и как явление в целом их можно классифицировать по различным критериям.

Примером этому служит целый спектр исследовательских подходов к пониманию данного политического образования (Х.Дейн, Р.Катлер, С.Маршалл, С.Оливер, З.Сабич, С.Ставридис, Б.Хабеггер и др.).

Поиску ответа на вопрос о роли, предназначении и природы МПИ способствует анализ эволюции и динамики развития данного явления.

Волнообразная динамика становления межпарламентских институтов

Первые региональные и универсальные международные организации носили чисто межправительственный характер и не имели парламентских учреждений. Они представляли собой форумы сотрудничества государств вне какого-либо международного парламентского контроля. После Второй мировой

войны интенсификация интеграционных процессов привела к широкой институционализации идеи международного парламентского представительства в виде создания представительных учреждений многостороннего парламентаризма, межпарламентских институтов. Появляются организации, занимающиеся

---

* Органы народного представительства существовали ещё в древних государствах. Это могло быть народное собрание, совет старейшин, сенат (Древний Рим), комиции, вече, курултай и т.п. В Средние века получила распространение сословно-представительная система: роль, схожую с ролью парламента, играли органы, состоявшие из представителей различных сословий (генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании, Земский собор в России и т. д.).

Родиной современного парламентаризма считается Англия. Пробраз парламента был образован в Англии в XIII в., когда король Иоанн Безземельный был вынужден подписать Великую хартию вольностей. Согласно этому документу король не имел права вводить новые налоги без согласия королевского совета. Великобритания – первая страна, где парламента стал своего рода ядром всей политической системы.

вопросами развития межпарламентских связей (например, Парламентская ассоциация (Британского) Содружества, Ассоциация генеральных секретарей парламентов и т.д.). Они являют собой пример самостоятельных международных (парламентских) организаций.

Параллельно происходило инкорпорирование парламентских органов (ассамблей) в структуры уже существовавших международных (межправительственных) организаций (возникших в свое время вне зависимости от национальных парламентов государств-членов). Они носили либо региональный характер, либо имели политико-идеологическую подоплеку (ПАСЕ, Европейский парламент, Ассамблея ЗЕС, Североатлантическая ассамблея, Межпарламентская организация АСЕАН и т.д.). Фактор специализации (географической или идеологической) во многом предопределил успешность деятельности ассамблей, избавив их от перегрузки повесток дня и излишней бюрократизации. Свою лепту внесло и наличие материальной и политической поддержки (в силу той же идеологической направленности).

Именно с середины XX в. началась своеобразная эпоха парламентаризации международных отношений (*первая волна*). Все ключевые западноевропейские межправительственные организации стали включать в себя парламентский компонент.

В 1951 г. была создана Консультативная ассамблея Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в дальнейшем переименованная в Европейский парламент.

В 1954 г. Западноевропейский союз (Европейская организация коллективной обороны) включил в свой состав парламентскую ассамблею как один из главных органов.

В 1956 г. парламентарии из стран, входящих в НАТО, сформировали Североатлантическую ассамблею, в 1999 г. ее переименовали в Парламентскую ассамблею НАТО (ПА НАТО).

Крушение колониализма и появление развивающихся стран привели к налаживанию между ними связей иного, чем прежде, порядка. В контексте межпарламентского сотрудничества эти связи развивались в двух направлениях: между бывшими колониями (например, Союз парламентариев стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Арабский межпарламентский союз) и между развивающимися странами и их метрополиями (Парламентская ассамблея франкоговорящих парламентариев).

Создание МПИ, помимо европейского и евро-атлантического пространств, стало распространяться и на другие континенты: Латиноамериканский парламент (1964 г.), Восточно-Африканская парламентская ассамблея (1967 г.), Арабский межпарламентский союз (1974 г.), Центрально-Американский парламент (1975 г.), Межпарламентская организация АСЕАН (1977 г.) и т. д.

Следующей (второй) волной развития парламентского измерения стал конец 80-х и 90-е годы. Этот период ознаменовался развалом социалистического лагеря и формированием новых независимых государств на огромной части Евразийского материка. Причем если новые государства Центральной и Восточной Европы стремились к налаживанию сотрудничества исключительно с европейскими и евро-атлантическими парламентами и евро-атлантическими парламентарными структурами (ПАСЕ, ПА ОБСЕ и др.), то бывшие республики СССР, помимо использования возможности приобретения

членства или хотя бы какого-либо права участия в европейских ассамблеях, стали создавать и свои региональные парламентские структуры, крупнейшей из которых стала Межпарламентская ассамблея СНГ.

Апогей процесса парламентаризации наиболее отчетливо проявился в 2000-е годы (*третья волна*). С конца XX в. и по настоящее время мы стали очевидцами, во-первых, быстрого роста числа независимых межпарламентских ассамблей, а во-вторых, процессов поступательного инкорпорирования институтов представительства в институциональную структуру межгосударственных и межправительственных организаций, так называемых парламентских ассамблей международных организаций*.

Процессы демократизации и парламентаризации проходили параллельно, а периоды их подъемов (волны) совпали на двух временных отрезках: первый этап – 50-е годы (в это время появление МПИ носило нерегулярный и единичный характер); второй – 90-е годы – по настоящее время. В этот период наблюдалось активное развитие демократических режимов и институтов во многих государствах мира, укрепление роли и повышение значимости многих международных организаций, и, соответственно, бурный рост и качественная эволюция межпарламентских институтов.

Предпосылкой выявленных волн парламентаризации в первую очередь следует считать внешние конъюнктурные условия. Все политические процессы, происходящие па-

раллельно, не могут не быть взаимосвязанными и взаимозависимыми; и процессы парламентаризации международных организаций и международных отношений не могли происходить в отрыве от вектора глобализации и демократизации мировой политики.

Тем не менее процессы демократизации и парламентаризации при всей глубокой связи не могут не обладать и своей спецификой. Так, в силу особой значимости массового участия населения процессы демократизации сильно зависят от общественного мнения, колебаний массовых политических настроений, а также множества факторов, влияющих на повседневное поведение людей. Поэтому процессы демократизации подвержены волатильности. Отсюда спады волн демократизации, равно как и менее масштабные колебания демократического участия. Парламентская деятельность не свободна от волатильности. Парламентские циклы прямо предполагают ее. Однако они также предполагают, что на определенный срок сохранения полномочий парламента действуют механизмы стабилизации и снижения избыточной волатильности парламентской деятельности. Это позволяет парламентаризму закрепляться на достигнутых позициях, а конфигурация волн парламентаризации напоминает своего рода ступени.

Становление международных парламентских институтов не может быть сведено лишь к их учреждению. Как и все другие политические институты, МПИ трансформируются, а

---

* Это касается международных организаций во всем мире.

эндогенные и экзогенные факторы определяют характер их институци-

онального развития – будет оно неуклонным или непоследовательным.

Эволюция основных идеальных типов (генотипов) МПИ в контексте волн парламентаризации

Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Ключевая подоплека обнаруживается во внутрисистемном процессе становления межпарламентских институтов и в эндогенных факторах их институциональных изменений.

В контексте эволюции самих МПИ имеют место два самостоятельных параллельных явления. Объясняется это многогранностью и разносторонностью исследуемой категории. Отталкиваясь от классификации МПИ¹⁴, делящей их на два основных идеальных типа, или генотипа: независимые межпарламентские организации и инкорпорированные в общую институциональную структуру парламентские органы международных организаций, анализировать эволюцию МПИ следует исходя из параллельного развития двух его основных категорий.

На основе проведенного исследования и обобщенного статистического анализа можно считать, что на сегодняшний день существует более 100 МПИ*. Для иллюстрации их появления во временном континууме можно представить следующую схему:

1889–1990 гг. – 36 межпарламентских институтов;

1990–1999 гг. – 67 межпарламентских институтов;

1999–2011 гг. – 121 межпарламентский институт (для сравнения: в 1999 г. появилось 13 новых МПИ, в 2010 г. – 26).

Количественный рост МПИ сопровождался усилением институционализации и трансформацией слабых форм парламентского взаимодействия в сторону более влиятельных и эффективных парламентских институтов, наделенных международной правосубъектностью.

Ранее удалось определить основные бифуркационные точки в эволюции МПИ – те самые волны парламентаризации. Но для более детального анализа необходимо рассмотреть данные волны изнутри. Проведенные некоторые статистические исследования и обработка обширного фактографического материала позволили сделать следующие заключения.

1. Первая волна парламентаризации была отнесена к послевоенному периоду, который ознаменовался в основном зарождением и распространением самостоятельных **международных/региональных парламентских организаций**. Скорее всего это было обусловлено объективной

---

* Помимо всех подкатегорий МПИ, указанных в предложенной автором классификации (парламентских организаций и парламентских органов международных организаций), сюда включены парламентские форумы и ассоциации, не отнесенные ни к одной из трех подкатегорий (из-за некоторой аморфности своей субстанции и отсутствия какого-либо оформленного механизма работы).

потребностью того времени (на фоне послевоенной активизации демократических процессов как внутри государств, так и на международной арене). Следует отметить здесь и географический аспект: в этот период распространение МПИ пришлось именно на европейский и евро-атлантический регионы – своего рода катализаторы в продвижении демократических ценностей. Международные/региональные парламентские организации состояли из избираемых и делегируемых национальными парламентами парламентариев, обладали полной автономией и международной правосубъектностью. Это были независимые от международных межправительственных организаций институты, характеризующиеся высокой институциональной степенью влияния и автономии (в том числе в плане рекрутирования и бюджета). Более того, некоторые из них обрели право заключения международных договоров*. Но их законодательские функции, как правило, ограничиваются принятием различного рода документов, не обладающих обязательной силой.

При эволюционном анализе имеющихся на сегодняшний день паттернов данной разновидности МПИ (Межпарламентский союз, Арабский межпарламентский союз, Латиноамериканский парламент, МПО АСЕАН, Парламентская ассамблея Средиземноморья и др.), выявился целый спектр общих закономерностей в их развитии. Как правило, международные парламентские организации создавались с прицелом на распространение и развитие парламентских практик и механизмов, продвижение идей парламентаризма.

При создании МПИ их основатели часто ориентировались на реализацию ими таких целей, как поощрение личных контактов между членами всех парламентов, организованными в национальные группы, и объединение их для совместной деятельности по обеспечению и поддержанию широкого участия государств для создания и развития представительных институтов, а также укрепления международного мира и сотрудничества.

Подтверждением этому служит пример:
– межпарламентского союза (МПС)**;

---

* Например, Латиноамериканский парламент, Африканский парламентский союз и др.

** К целям Межпарламентского союза (МПС) относятся следующие: поощрение личных контактов между членами всех парламентов, организованными в национальные группы, и объединение их для совместной деятельности с тем, чтобы обеспечивать и поддерживать широкое участие всех соответствующих государств в деле создания и развития представительных институтов, а также укрепления международного мира и сотрудничества. Разделяет цели ООН. Основная задача – объединение усилий парламентариев в интересах развития и распространения институтов демократии, принципов парламентаризма, защиты прав и свобод человека, поддержания мира и укрепления политической стабильности. Обсуждает самый широкий круг проблем мировой политики. Хотя решения не носят юридически обязательного характера, они, являясь выражением мнения и воли представителей законодательных органов подавляющего большинства стран мира, оказывают определенное влияние на мировую общественность, на правительства государств и международные организации МПИ имеет обширные внешние связи.

- Африканского парламентского союза (АПС)*;
- Межпарламентской организации (МПО) АСЕАН**.

Однако в ряде случаев задачи и цели межпарламентских организаций были обусловлены географической и политической составляющей, в частности:

- Арабский межпарламентский союз (МПС)***;
- Парламентский союз стран – членов Организации исламского сотрудничества (ОИС)****;
- Латиноамериканский парламент*****.

Очевидно и еще одно сходство исследованных объектов, обусловлен-

ное их автономным и независимым от межправительственных организаций характером – их стремление к установлению обширных рабочих контактов и тесному взаимодействию с различными/региональными международными/региональными парламентами и правительственными структурами.

Как правило, принимаемые большинством проанализированных организаций решения изначально носили и носят необязательный характер. Но тут есть и своя специфика, в частности:

- в случае Межпарламентского союза, хотя решения не носят юриди-

---

* У Африканского парламентского союза нет юридической связи с Организацией африканского единства (ОАЕ) (головная организация), однако АПС можно рассматривать как неофициальное парламентское крыло этой международной межправительственной организации, так как одна из её целей – осуществление целей ОАЕ. Среди других целей – содействие укреплению роли и престижа парламентских институтов, развитие контактов между африканскими парламентами и парламентами других континентов, создание подлинного африканского демократического сообщества.

** Между МПО АСЕАН и самой АСЕАН отсутствует какая-либо юридическая связь, хотя МПО упоминается в преамбуле Устава АСЕАН: в принципе ее можно рассматривать как парламентское крыло ассоциации. К целям данной парламентской организации относятся установление более тесного межпарламентского сотрудничества между парламентами государств – членов АСЕАН и другими национальными, региональными и международными парламентскими организациями, оказание содействия реализации целей АСЕАН.

*** Арабский МПС создан для расширения международной поддержки борьбы арабских стран против израильской агрессии, в том числе и через межпарламентские контакты. Его решения и рекомендации не имеют юридической силы, но национальные парламентские группы обязаны доводить их до сведения своих парламентов и информировать генеральный секретариат о принятых мерах. В его деятельности активная политика сотрудничества как с международными парламентскими, так и непарламентскими организациями.

**** Предыдущее название (до 2011 г.) – Организации исламского сотрудничества – Организация Исламская конференция (ОИК). Он создавался для введения и распространения принципов ислама, создания основы для всестороннего и плодотворного сотрудничества и координации между парламентами стран-членов ОИС и их депутатами, усиления контактов, взаимодействия с другими парламентскими, правительственными и неправительственными организациями.

***** Латиноамериканский парламент является региональным консультативным органом парламентариев стран Латинской Америки и Карибского региона. Цель его деятельности – ускорение экономической, политической и культурной интеграции стран Латинской Америки, укрепление институтов и придание им общерегионального характера. Является субъектом права и пользуется соответствующими привилегиями и иммунитетами.

чески обязательного характера, они, являясь выражением мнения и воли представителей законодательных органов подавляющего большинства стран мира, оказывают определенное влияние на мировую общественность, на правительства государств и международные организации;

– в арабском МПС решения и рекомендации, также не имея юридической силы, в обязательном порядке доводятся национальными парламентскими группами до сведения своих парламентов, а принятые по ним меры докладываются генеральному секретариату;

– решения Генассамблеи МПО АСЕАН носят как рекомендательный, так и обязательный характер, правда, значительно реже. В последнем случае государства должны вносить поправки в национальное законодательство (с учетом принятия решений на основе консенсуса).

Несмотря на наличие у данной категории межпарламентских институтов одного из ключевых признаков (автономии и непричастности к межправительственным организациям), следует заметить, что в ряде организаций есть особенности. Например, африканский МПС юридически никак не связан с Организацией африканского единства, однако его можно рассматривать как её неофициальное парламентское крыло, так как одна из целей – осуществление целей ОАЕ. То же самое относится и к МПО АСЕАН.

Успешность функционирования данной подкатегории МПИ вскоре послужила примером и для другой их разновидности – **парламентских органов межправительственных организаций** (пик их создания при-

шелся на 50-е годы XX в. на европейском/евро-атлантическом пространстве; в 60-е – 70-е годы внедрение парламентских ассамблей и институтов в международные организации перешло и на другие регионы – Центральную Америку, Латинскую Америку, Африку и арабские государства).

Здесь возникает вопрос: что было первичным стимулом для международных организаций при включении в свою иерархию парламентских органов? Ряд организаций дошел до такого уровня в своем развитии, когда их деятельность требует реализации законодательных функций, а значит – создания некоего подобия законодательного крыла для решения самых различных практических задач – будь то согласование документов, дискуссионный форум, представительство интересов входящих в организацию государств, дополнительный механизм продвижения разнообразных инициатив и решений и т.д. С другой стороны, парламентский компонент стал постепенно рассматриваться как обязательный (зачастую исключительно формальный) атрибут имеющейся структуры (возможно, хотя бы для обеспечения большей транспарентности самой межправительственной организации).

Первый пример свидетельствует о том, что МПИ как явление и институт оправдал возложенные на него задачи и закрепил за собой роль полноценного политического образования, а во втором случае можно констатировать его некую фрагментированность, повлекшую спад интереса к его развитию и продвижению в другие форматы.

Парламентские органы/ассамблеи международных организаций

учреждаются международным договором материнской межправительственной организации, находятся у нее в подчинении. При наличии собственного устава и(или) правил процедуры, разветвленной структуры и собственного бюджета парламентские ассамблеи ограничены в праве принятия решений, а их правосубъектность является частью общей международной правосубъектности межправительственной организации. С одной стороны, парламентские ассамблеи обладают определенным спектром полномочий в осуществлении контроля за материнскими организациями, диапазоном возможностей для продвижения своих инициатив в рамках институциональной структуры этих организаций, а с другой – широта этого спектра и диапазона возможностей обычно устанавливается сверху.

Конечно, статус парламентских органов международных организаций в каждом конкретном случае различен.

На общем фоне выделяются такие структуры, как Европейский парламент и ПАСЕ.

У некоторых парламентских ассамблей (Европейский парламент, ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ и др.) есть такие возможности, как участие в наблюдении за общенациональными выборами и др.

Сравнительный анализ динамики развития ряда парламентских

структур международных организаций* подтвердил предположение о том, что большинству межправительственных организаций в развитии и усложнении институциональной матрицы потребовалось инкорпорирование в свою структуру парламентского органа как необходимого атрибута для совершенствования механизма работы организации.

Например, МПА ЕврАзЭС. Для правового обеспечения интеграции в рамках организации был создан Межпарламентский комитет, принимавший модельные акты, направленные на сближение и унификацию национальных законодательств государств ЕврАзЭС, в дальнейшем преобразованный в МПА ЕврАзЭС. Ассамблея стала органом парламентского сотрудничества, рассматривающим вопросы гармонизации национального законодательства стран и приведения его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС в целях реализации задач сообщества**.

Первоначально парламентские ассамблеи наделялись функциями исключительно консультативного органа. Функция законотворчества и контроля отсутствовала в большинстве парламентских институтов, за исключением Восточно-Африканской законодательной ассамблеи Восточно-Африканского содружества и частично Европарламента и Парламентской ассамблеи Союзного государства России и Белоруссии***.

---

* Рассматривались такие парламентские ассамблеи, как ПАСЕ, ПА ОБСЕ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, МПА ЕврАзЭС, Европейский парламент, Северный совет, ПА Союзного государства России и Белоруссии, Андский парламент и др.

** Намечен переход от рекомендательного к обязательному характеру принимаемых МПА ЕврАзЭС документов.

*** Парламентская ассамблея Союзного государства России и Белоруссии из всех исследуемых казусов в наибольшей степени напоминает деятельность классического национального парламента, но с меньшим спектром функций.

Но со временем большинству из них удалось укрепить свое положение в институциональном дизайне головных организаций, повысив свои статус и роль.

В случае МПА СНГ принятая в мае 1995 г. Конвенция о МПА СНГ провозгласила Ассамблею межгосударственным органом СНГ, существенно расширив ее функции и полномочия в рамках Содружества, наделив ее теми же целями.

В МПА ЕврАзЭС делаются попытки перехода от рекомендательного к обязательному характеру принимаемых МПА документов.

Северный совет по принципу своей деятельности является уникальным общим парламентско-правительственным форумом, единственным МПИ, в котором сотрудничество парламентов и правительств осуществляется в специфической форме, существенно повышающей авторитет его документов. Он был образован принятием государствами-членами одинаковых национальных законов (об учреждении Совета), а впоследствии государства заключили межправительственное соглашение, где был закреплён его международно-правовой статус, основной целью которого стало содействие сотрудничеству между парламентами и правительствами Северных стран.

Тесным взаимодействием с исполнительными органами международных организаций отличаются Андский парламент и Парламентская ассамблея Союзного государства России и Белоруссии, которая по субстанции или содержанию своей деятельности схожа с моделями соответствующих национальных парламентов (конечно, в урезанном виде).

Наиболее интересными казусами при анализе показали три европейские (евро-атлантические) парламентские структуры – Европарламент, ПАСЕ и ПА ОБСЕ.

Европейский парламент представляет собой единственную международную европейскую парламентскую организацию, депутатский корпус которой избирается прямым и тайным голосованием граждан стран – членов ЕС. Являясь публичным форумом для обсуждения вопросов

европейской интеграции, Европарламент даёт консультации по правовому обеспечению деятельности Евросоюза. В его основные задачи входят контроль за деятельностью исполнительных структур ЕС, законотворческая деятельность, одобрение/наложение вето, внесение поправок в бюджет ЕС.

Как и две другие парламентские структуры, Европарламент отличается сложной и разветвленной внутренней институциональной схемой.

Учреждению Парламентской ассамблеи Совета Европы предшествовала нереализованная идея создания европейской парламентской организации, депутаты которой избирались бы в странах – членах головной организации (по модели национальных парламентов).

Одна из самых старых ассамблей в мире, основанных на международном договоре, – ПАСЕ – является консультативным органом Совета Европы и работает в интересах европейской интеграции. Зачастую акты, принимаемые ПАСЕ, не ведут к практическим результатам. Однако позиция, поддержанная подавляющим большинством депутатов, не может быть проигнорирована правительствами и межправительственными органами Совета Европы.

Хотя ПАСЕ и не обладает законодательными полномочиями, она разработала большое количество европейских конвенций (более 180), принятых Советом Европы. Отличительной чертой ПАСЕ стало постепенно установившееся и укрепившееся её тесное взаимодействие с исполнительными органами головной организации.

И наконец, Парламентская ассамблея ОБСЕ. Изначально ее позиция и место в структуре ОБСЕ были довольно неопределенными, размытыми и отчасти аморфными. Просуществовав какое-то время в тени директивных органов и институтов Организации, Ассамблея довольно скоро стала активнее участвовать в деятельности ОБСЕ, в частности начав направлять миссии в зоны как существующих, так и потенциальных конфликтов.

Будучи наделенной правом принимать решения большинством голосов (в отличие от самой ОБСЕ, работа которой строится на принципе консенсуса), ПА ОБСЕ стала обладать опреде-

ленными преимуществами, в частности возможностью заниматься вопросами, которые в связи с правилом консенсуса не всегда могут решать исполнительные структуры ОБСЕ.

Функциональный аппарат Ассамблеи постепенно развивался: усилилось ее взаимодействие с другими институтами ОБСЕ, возросло ее вовлечение в процесс наблюдения за выборами, была принята и реализована концепция «демократических групп», в связи с чем влияние ПА ОБСЕ на деятельность всей организации и ее роль значительно возросли.

2. С конца 80-х годов наблюдался период **второй волны парламентаризации**, развитию которой способствовали распад социалистического лагеря и становление новых демократий на его пространстве. Новообразованные демократические государства не стали останавливаться лишь на подключении к имеющимся европейским и евро-атлантическим международным организациям и их парламентским структурам (это касалось в основном восточноевропейских государств), а выступили с инициативой создания собственных форматов межпарламентского сотрудничества (страны СНГ).

Объясняется это тем, что государства бывшего СССР отдавали себе отчет в том, что их «удельный вес» в международных структурах будет несопоставим с европейскими демократическими гигантами, тем более речи не шло о продвижении их интересов в международных форматах – скорее это была новая очередная площадка для борьбы известных государств за реализацию своих интересов на их пространстве. В парламентских органах региональных международных организаций (не смотря на их фрагментированность и понятную рыхлость) вышеупомянутым странам хотя бы удавалось

приходить к пониманию и выработке политической линии среди государств-соседей и союзников, «трансляции» информации, инициатив и решений в национальные законодательные и исполнительные органы власти.

3. 2000-е годы (**третья волна парламентаризации**) стали пиком в развитии (создании) межпарламентских институтов, в особенности парламентских ассамблей международных организаций. Этот временной этап характеризуется не только их количественным ростом, но и существенным усилением субстантивного наполнения их деятельности – определенным качественным рывком.

К примеру, в повестку дня заседаний и сессий парламентских ассамблей международных организаций включаются весьма разноплановые вопросы – от проблем локального масштаба до глобальных угроз человечеству.

Поскольку за полувековое существование МПИ удалось отработать эффективные механизмы взаимодействия с национальными парламентами и правительствами государств-участников (государств-членов) при посредничестве национальных парламентских делегаций, то во многих структурах отмечаются практически результаты реализации принимаемых в МПИ решений и резолюций (даже при необязательном характере их исполнения).

Отдельного внимания заслуживает еще одна разновидность МПИ – парламентские организации при международных организациях (ПА НАТО, ПА ЧЭС, Центрально-Американский парламент, Балтийская ассамблея и др.).

Данная разновидность МПИ имеет некоторые сходства по своему

функциональному аспекту с международными парламентскими организациями, но правильнее относить ее к парламентским органам международных организаций, поскольку данные организации интегрированы в структуру международных межправительственных организаций, в силу чего обладают частичной международной правосубъектностью. Но в отличие от парламентских органов международных организаций они сохраняют определенную автономию и независимость от материнских организаций.

На основании анализа развития ряда структур данной разновидности МПИ можно утверждать, что одной из ее характерных черт стал промежуточный характер, своего рода функция связующего звена между межправительственными организациями, под эгидой которых они осуществляют свою деятельность, и национальными государствами (парламентами).

Например, Центральное-Американский парламент не является интегрированной ассамблеей в строгом смысле слова. Среди его основных функций – выборы, назначение или замена высшего должностного лица существующих и будущих структур центрально-американской интеграции.

Созданная по инициативе Балтийского совета Балтийская ассамблея* была определена в основополагающих документах как инструмент сотрудничества между национальными парламентами, а также консультационный и координирующий институт для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес. Будучи нацеленной на объединение усилий парламентариев трех Балтийских государств как необходимое условие формирования политического и экономического центра Балтийского региона, независимого от России Балтийская ассамблея, тесно взаимодействует с Балтийским советом. Ее роль усилилась после решения Президиума ассамблеи (1993 г.) адресовать резолюции национальным парламентам с целью их инкорпорации во внутреннее законодательство.

Начало созданию Атлантической консультативной ассамблеи для изучения стоящих перед НАТО проблем было положено на первой встрече парламентских делегаций стран Европы и Северной Америки в Совете Европы**. Сегодня ПА НАТО является связующим звеном между руководством НАТО и национальными парламентами, способствует своими дебатами развитию чувства евро-атлантической солидарности в рамках различных национальных парламентов, вносит вклад в реализацию целей НАТО, будучи формально от нее независимой.

В декабре 1967 г. Североатлантический совет поручил Генеральному секретарю Альянса изучить методы укрепления сотрудничества между исполнительным и парламентским

---

* Балтийская ассамблея обладает разветвленной структурой. Полномочия исчерпываются консультациями, резолюции не имеют обязательной силы, хотя и оказывают влияние на внутреннюю политическую жизнь стран-участниц.

** Подписанный в 1949 г. Североатлантический договор не содержал никакого упоминания о совместном парламентском органе. В начале 50-х годов парламентариями западноевропейских государств, США и Канады была начата кампания за создание ассамблеи для изучения вопросов, стоящих перед НАТО. В результате была организована конференция парламентариев НАТО, первое заседание которой состоялось в Париже (Франция) 18 июля 1955 г. Впоследствии такие конференции проводились ежегодно. В ноябре 1966 г. конференция была переименована в Североатлантическую ассамблею (САА). В 1968 г. САА последовала примеру НАТО и перенесла свою штаб-квартиру из Парижа (Франция) в Брюссель (Бельгия). В 1998 г. 44-я сессия САА в Эдинбурге (Великобритания) приняла решение о новом названии организации – Парламентская ассамблея НАТО.

крылом для укрепления рабочих отношений между ПА НАТО и НАТО, по итогам чего был принят ряд мер.

Среди ключевых – обязательство генсекретаря реагировать на все принимаемые в рамках пленарных сессий ассамблеи рекомендации и резолюции¹⁵.

Ассамблея обладает исключительно консультативными полномо-

чиями, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся безрезультатные попытки получить официальный международно-правовой статус.

Для обобщения были структурированы основные этапы эволюции МПИ по различным критериям. Итог представлен в табл.

Таблица

Динамика развития двух основных генотипов межпарламентских институтов

Генотип МПИ	Географический охват	Хронология возникновения
Международные/региональные парламентские организации	Международные/супрарегиональные – 35	До 1970 – 6
	Африка – 6	1970 – 80 – 4
	Америка – 9	1980 – 90 – 13
	Азиатско-Тихоокеанский регион – 11	1990 – 2000 – 21
	Европа – 12	2000 – 2010 – 29
Парламентские органы международных организаций*	Международные/супрарегиональные – 13	1950 – 60 – 4
	Африка – 9	1960 – 70 – 3
	Америка – 4	1970 – 80 – 3
	Европа – 22	1980 – 90 – 3
		1990 – 2000 – 16
		2000 – 2010 – 19

* В классификации К.Кислинг (The legal and political status of international parliamentary institutions. Committee for a Democratic U.N. Berlin, Germany. January 2011) данная категория определяется как «парламентские специализированные агентства» и представляет собой МПИ формально интегрированные в состав межправительственных организаций, но имеющие определенную автономию деятельности, схожей с деятельностью международных парламентских организаций, т.е. некая срединная категория между парламентскими ассамблеями международных организаций и независимыми парламентскими организациями.

В приведенной таблице во временном контексте и в соответствии с географическим критерием графически отражена динамика появления двух основных генотипов МПИ – международных парламентских организаций (включая международные парламентские ассоциации) и

парламентских органов международных организаций.

На основе приведенной таблицы можно графически отразить динамику появления основных генотипов МПИ – межпарламентских организаций и парламентских органов международных организаций (рис. 1).

Динамика роста количества основных генотипов международных парламентских институтов

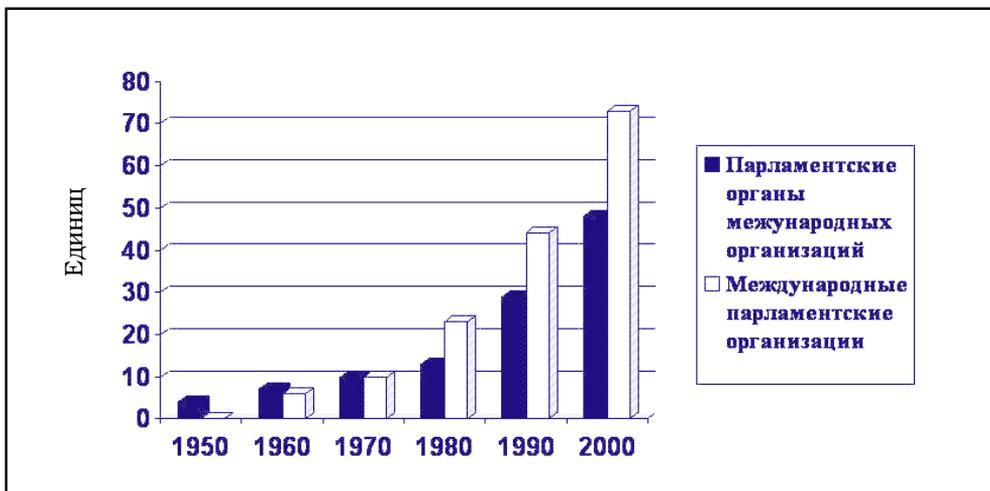

Рис. Динамика количественного роста двух основных генотипов МПИ

Приведенные выше примеры позволяют объяснить разницу в количественном росте межпарламентских организаций и парламентских органов межправительственных организаций.

Получается, что многие межпарламентские организации, находясь в некотором «вакууме» из-за своего автономного и независимого характера, что изначально рассматривалось как их преимущество, оказались не в состоянии развиваться и расширять спектр своих полномочий адекватно вызовам времени в отличие от подчиненных межправительственным организациям парламентских ассамблей.

Некоторые ассамблеи смогли использовать свою, казалось бы, уязвимую сторону в правильном русле: имея возможность вплотную взаимодействовать с исполнительными органами международных организаций, им

удавалось не только продвигать различные инициативы, но и поэтапно закреплять свои позиции в институциональной матрице своих организаций, повышая свой авторитет, значимость и статус. Именно качественная поступательная эволюция парламентских ассамблей, проявившаяся, в том числе, и в поэтапном обрастании все новыми полномочиями и расширении функционального аппарата, послужила своеобразным катализатором их количественного роста, стимулируя другие межправительственные структуры следовать их примеру. В силу тех же обстоятельств, в частности по причине своего рода «изоляция» и отсутствия каких-либо привязок к межправительственным организациям, межпарламентским организациям не удалось достичь схожих с парламентскими ассамблеями темпов роста, как количественного, так и качественного.

Современное развитие межпарламентских институтов указывает на будущее направление международного парламентского сотрудничества, которое через постепенное вовлечение все новых сфер и аспектов в орбиту своей деятельности может привести к требованиям расширения инструментария и полномочий МПИ.

Реалии начала XXI в. диктуют парламентариям важность решения мировых проблем современности в условиях глобализации и расширения межпарламентского сотрудничества. Парламентариям мира, вероятно, следовало бы употребить свой авторитет для противодействия попыткам разрушения демократических и духовных ценностей, национальных традиций, принципов взаимного уважения, которые формировались веками и составляют уникальное богатство народов мира.

Возрастание роли парламентаризма и парламентов – объективное и закономерное следствие мирового развития. Парламентарии являются основными авторами положений международного права, имеющих универсальное значение. Они воплощение суверенитета народа и могут легитимно вносить вклад в процесс выражения роли государства в современном международном праве. Важна роль парламентариев в качестве законных народных представителей и связующего звена между потребностями граждан и соответствующей правительственной политикой как на национальном, так и на международном уровне.

Становится все более очевидным широкое распространение парламентаризма, парламентских институтов и практик в международной жизни. Парламенты и парламентские организации осваивают международную среду. Это связано не только с расширением внешнеполитической деятельности национальных парламентов, но и с широким распространением МПИ, которые создают и организационно закрепляют международное измерение парламентаризма. Повсеместное расширение парламентского движения и признание в мире идей и принципов парламентаризма придают межпарламентской деятельности значение мощного фактора устойчивого развития и социального прогресса, а также формирования справедливого гражданского общества. МПИ выступают своего рода «парламентским зеркалом» современного мирового общества, показателем устойчивости и эффективности парламентских институтов как ценности демократии.

Данные обстоятельства подсказывают, что целесообразно не противопоставлять международное парламентское сотрудничество и деятельность в рамках национальных парламентов, а интегрировать оба эти уровня.

Международные организации также выигрывают от прямого взаимодействия с парламентариями, которое способствует повышению их транспарентности, подотчетности, а соответственно, и их легитимности, отчасти решая пресловутую проблему демократического дефицита.

В действительности международное парламентское сотрудничество является своеобразным инструментом для улучшения мониторинговой и законодательной работы в рамках самих государств. Чрезвычайно важно предоставить право законодателям направлять правительства в их деятельности на международной арене.

Примечания

- ¹ *Dahl R.A. Democracy and Its Critics. New Haven, 1989; Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. Yale University Press, 1971.*
- ² *Markoff J. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. Thousand Oaks, CA; Pine Forge Press, 1996.*
- ³ *Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991.*
- ⁴ *Beyme K., von. Parliamentary Democracy. Democratization, Destabilization, Reconsolidation 1789–1999. Houndsmill/Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2000.*
- ⁵ *Doorenspleet R. Political Democracy: A Cross-National Quantitative Analysis of Modernization and Dependency Theories // Acta Politica. 1997. № 32. P. 349–374; Doorenspleet R. Reassessing the Three Waves of Democratization // World Politics. 2000. № 52(3). P. 384–406; Doorenspleet R. The structural context of recent transitions to democracy // European Journal of Political Research. 2004. № 43. P. 309–335; Doorenspleet R. Democratic transitions: exploring the structural sources of the fourth wave. Boulder, Colo., Lynne Rienner Publishers. 2005, Doorenspleet R. Democratization // DARTY, W. J. (ed.) International Encyclopedia of the Social Sciences. Detroit: Macmillan Reference USA, 2008. P. 288–290.*
- ⁶ *McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunism World // World Politics. 2002. № 54. P. 212–244.*
- ⁷ *Schmidt G.M. Demokratietheorien. Deutschland: VS Verlag, 2006.*
- ⁸ *Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16–28. Schmitter Ph. Waves of Democratization // Encyclopedia of Democracy. N. Y., 1995. P. 346–350.*
- ⁹ *Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Политическая наука. 2004. № 1. С. 7–21.*
- ¹⁰ *Roeder Ph. The Rejection of Authoritarianism // Postcommunism and the Theory of Democracy, Ed. Anderson, Fish, Hanson, and Roeder. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2001. P. 11–53.*
- ¹¹ *Ильин М., Мельвиль А., Федоров Ю. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. С. 146–163.*
- ¹² *Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Политическая наука. 2004. № 1. С. 7–21.*
- ¹³ *Хабаров С.А. Европейские парламентские организации (правовые аспекты) // Государство и право. 1997. № 1. С. 92–99.*
- ¹⁴ *Виноградова А.А. Межпарламентские институты: критерии и классификация // Обозреватель–Observer. 2012. № 6(269). С. 90–106.*
- ¹⁵ URL: http://www.nato.int/cps/ru/SID-38F8456C-10657459/natolive/topics_50080.htm

Можно ли остановить революцию?

Андрей Чертищев

Великая Русская революция: смысл и его интерпретации

Двадцатый век поколебал гегелевский принцип мирового исторического процесса – «Все действительное разумно» принцип, который в тревожных спорах осваивали русские мыслители XIX в. Во времена полного торжества бесчеловечности стало очевидным, что все созданное насилием бессмысленно и бесполезно, не имеет будущего, но не проходит бесследно.

Великая Русская революция оставила глубокий след в истории нашей страны и всего мира. В России революция и ее оказывали влияние на жизнь общества на протяжении большей части XX в., и, возможно,

этот процесс еще не завершился. Может быть, лишь за исключением китайской революции, революция в нашей стране была самой кровавой и самой длительной в истории, и она вполне может соперничать с Великой французской революцией, также оказавшей громадное влияние на мир, хотя есть мнение, что российская катастрофа куда шире французской и по своему охвату, и в особенности куда глубже, радикальнее по предпринятой ею перестройке и осуществленному разрушению¹.

Россиянам не нужно напоминать, что революция была трагическим событием. Она принесла не только

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России. *E-mail*: chertishchev@mail.ru

Ключевые слова: власть, Русская революция, контрреволюция, реформы, дезорганизация, массы, идеал, смута.

огромные человеческие страдания, но и надежды на лучшую жизнь. Впоследствии идеи революции были преданы, а российский народ оказался расколот на десятилетия. Этот раскол не преодолен и по сей день. Вместе с тем принцип постсоветского режима, основанный на полном отрицании целей и действий, ассоциируемых с революцией и советской системой, и следовании своим собственным курсом антиутопии, чреват движением к новой национальной катастрофе.

Чтобы правильно выбрать путь, куда идти России в современных условиях, необходимо вернуться к точке отсчета, понять, что в начале века XX в. сделано не так. Поэтому вопрос о смысле русской революции, несмотря на кажущуюся его теоретичность и отвлеченность, есть, несомненно, основной практический вопрос нашего времени, так как ответы на него определяют понимание общей картины происходящего, а также истолкование фактов и выбор путей будущего.

Сегодня существуют благоприятные возможности адекватного осмысления этих важнейших исторических событий, ибо их отделяет от нас значительный промежуток времени, смена нескольких поколений историков, что позволяет избежать наслоений лично пережитого на анализ исторических реалий прошлого. Более того, сегодня мы можем видеть и саму революцию, и систему, порожденную ею, в ретроспективе – ее начало, середину и конец.

История Великой Русской революции представляет ныне причудливую мозаику различных представлений о ней. Мысли о том, что пора по-

новому посмотреть на значение 1917 г. для нашей страны и мира в целом, что назрело время попытаться реинтерпретировать Россию и ее историю, вряд ли кто воспринимает негативно. Однако историческое сознание предпочитает осовременить прошлое, вместо того чтобы беспристрастно взглянуть в него ради понимания настоящего и будущего. Эти взгляды стимулирует тот факт, что история революции 1917 г., несмотря на постоянное внимание к ней российских и зарубежных исследователей, все еще, по их собственному признанию, представляется туманной, упрощенной и мифологизированной, что явно осложняет объективную оценку и осмысление данного исторического явления.

Современная научная мысль уходит от всякой новой постановки проблемы о причинах революции, довольствуется устарелыми теориями о том, что ее сделали германские шпионы, еврейская плутократия, что она результат «генеральского» или масонского заговора. Результаты революции по-прежнему трактуются исключительно как «национальная катастрофа»² или, в современной интерпретации, как «цивилизационный откат»^{2, 3} в историческом развитии России и даже как «слом национального цивилизационного кода»³ страны. Происходит подмена их очередными мистификациями, демонизациями и эстетизациями российских смут, для этого используется сочетание вульгарной социологии («смуты периодически сметают династии») и «метаисторических» фантазий («способность России принять в себя весь мрак человеческой природы, чтобы найти вселенское противоядие»)⁴. И

уж совсем интригующе выглядят предложения объяснить революции и людей, возглавивших их, довольно неприличным способом: комплексом сексуальной неполноценности⁵.

Нет задачи более бесплодной, чем задача определить существо революций вообще, ибо они не происходят и не завершаются одинаково, за исключением самых первичных и общих положений или чисто внешних форм проявления. Но содержание, наполняющее эти формы, разнообразится и индивидуализируется в

революциях, отличающихся по стилю и характеру. Все это напоминает шахматы – одна доска и разные по значимости фигуры; но шахматная доска истории, как и игра на ней, значительно сложнее, ибо фигуры передвигаются иногда не по правилам, а вопреки правилам и неожиданными зигзагами.

Задача исторической науки состоит в обобщении фактического хода революции и типологическом конструировании, а также в выявлении их сущностных моментов.

Революция-идея и революция-действие

Существует расхожее мнение, что революция не может быть успешной, так как она никогда не достигает своих целей. К таковой с полным основанием можно отнести Великую французскую революцию, самым значимым результатом которой было формирование демократической республики, располагающей конституцией, законно избранной ассамблей и свободой политических дискуссий. Следует согласиться и с мнением Ю.С.Пивоварова, который считает одним из самых больших заблуждений устоявшееся мнение о том, что революция 1905–1907 гг. была «неудачной», «незаконченной» и её следует рассматривать как «репетицию» или «прелюдию» к 1917 г., т.е. настоящей революции. С его точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной, ведь это всегда трагедия), а во-вторых, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, например 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по ин-

тенсивности, и, главным образом, по результатам. Главная удача революции 1905–1907 гг., по мнению Ю.С.Пивоварова, состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стала Конституция 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества. Революция была удачной еще и потому, что ни власть, ни общество не взорвали народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие⁶.

Следует учитывать и такое обстоятельство, как необходимость различать революцию как идею социального переустройства в широком понимании (революция – идея) и революцию как реализацию этой идеи (революция – действие). К ним вполне применима мысль Оноре де Мирабо (1749–1791 гг.) о том, что между

теоретиками и политическими деятелями та же самая разница, как между теми, кто передвигается по географической карте, и теми, кто путешествует по земле⁷.

Вполне уместным выглядит и следующее наблюдение Ф.Энгельса: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»⁸.

Сводить революцию только к непосредственному кульминационному революционному акту захвата власти, значит упрощать и принижать ее значение. Революция не только разрушительное и кровавое действие в жизни общества, но это прежде всего идея его радикального социального переустройства.

Совершенно неслучайно до сих пор революционеры Нового и Новейшего времени клянутся верности «идеалам Великой французской революции» или «идеалам Великого Октября», несмотря на то что эти революционные акты свершились соответственно более 200 и около 100 лет назад. Для них эти идеалы вечны, как и сама идея революции.

Иногда человек стремится разрушить окружающий мир не ради самого процесса уничтожения, а ради великой цели и прекрасного идеала. Вполне естественно, что между идеалом и окружающим ненавистным миром не должно быть ничего общего. В качестве подобного идеала может выступать либо не имеющая аналогов в истории модель совершенного общества, либо образ чужой цивилизации. Но если между идеалом и реальной действительностью нет ничего общего, то как его достичь? Естественным ходом событий

одно во второе не превратится, а если и превратится, то унаследует ненавистные черты и будет вызывать те же чувства. Вывод один: общество – это механизм, создаваемый и развиваемый людьми, поэтому его жизнь и будущее можно и нужно свободно конструировать и перестраивать.

Глубочайшая вера революционно-го сознания в реальность своего социального идеала способна беспощадно разрушать сложившуюся действительность. К революции не относятся как к радикальной социальной реформе, в ней хотят видеть всеобъемлющее преобразование всех сторон жизни или установление на земле материалистического подобия райского благополучия. Люди в таком состоянии духа, состоянии одержимости социальным разрушением были готовы принять революцию как нечто прекрасное, чудесное, приносящее избавление от всех земных несправедливостей.

Отсюда требования любой революции к жизни чрезвычайно завышены и не могут быть реализованы в конкретной ситуации. Идея «земного рая», «светлого будущего», «общества социальной справедливости» и тому подобные утопии принципиально неосуществимы в действительности, но революционный идеализм не способен согласиться на что-то меньшее, так как верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробную жизнь верующий человек.

Реализация стремления к утопическому революционному идеалу абсолютного счастья имеет бесконечное число путей. Отсюда бессчетное

количество либеральных, социалистических, анархических и других проектов достижения этого «социального счастья», каждый из которых не устраивал революционеров, придерживавшихся других проектов. Последствием возможной временной победы одного революционного проекта над другими была неизбежная резня внутри революционного движения.

Относительно конечной цели революции мнения также были самые разнообразные: одни предлагали сделать все, как в Англии, другие – как в Германии, а третьи полагали возможным ориентироваться не на существующие образцы, а исключительно на марксизм. Но все были единодушны в одном: необходимо тотальное разрушение исторической России. В сознании революционеров произошло отождествление понятий «Россия» и «Зло». И отсюда появилось стремление бороться не со злом и пороками в России, а с Россией как источником зла⁹. Медленно, но неуклонно они формировали общественное мнение, вводили в сознание нации совершенно определенный комплекс идей: русские – нация рабов, Россия – тормоз на пути прогресса человечества, русская история – всегда отсталость, темнота и дикость. При этом главной причиной такой ненависти была не злая воля, а совершенное незнание русскими же России.

Материальной силой, разрушающей устои существующего строя, как правило, выступала масса, чья душа – «неисследованный лабиринт, глубокая пропасть и несущийся к свету утес»¹⁰. Масса любопытна, как все темные массы, как дети, как ди-

кари. Её психология – психология ожидания обещанного чуда, чем больше было обещано, тем нетерпеливее было ожидание. Чуда же все нет, а массам хотелось видеть, как будет переустроено общество. Массу нельзя привлечь сложными идейными конструкциями и рациональными аргументами, а лишь понятными и способными мобилизовать лозунгами, мифами и символами.

Здесь уместно вспомнить Г. Лебона, который писал: «Гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю»¹¹.

В контексте рассматриваемой проблемы к этому следует добавить и некоторые национальные особенности русского человека: любовь русских ходить по краю пропасти и заглядывать в нее слишком глубоко¹²; русские не любят теорий, не доведенных до конца и не пытающихся воплотиться в политическую или социальную реальность¹²; русский человек поставлен историей перед необходимостью брать из общечеловеческого опыта непременно последнее слово, брать игольчатое ружье (пулемет, магазинное ружье), а не кремневое⁷; русский человек легко соглашается на роль жертвы дьявольского обмана, но никак не готов признаться в собственном недоумении ни в прошлом, ни в настоящем².

Осознавая данные обстоятельства, вполне понятно недоумение В.В.Вересаева в диалоге с Е.Д.Кусковой еще в 1899 г.: «Что вы такое проповедуете? Реализм? Учет факторов? Боязнь фантомов? Где вы это проповедуете? В России? Но ведь ваш реализм здесь, в России, самая буйная из утопий...»¹³.

Таким образом, революция первоначально возникает в умах людей. Ожидание революции сравнимо с ожиданием второго пришествия. Ожидание нового в революции до того фантастично и до того фанатично, что одна психологическая сила этого ожидания приближала прише-

ствие революции в Россию лучше, чем все митинги и забастовки, вместе взятые.

Это состояние очень хорошо уловил И.А.Ильин, который утверждал: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти, поэтому тот, кто расшатывает это доверие, вступает на путь революции»¹⁴.

Революцию как идею разрушения действительности во имя утопического «социального рая» остановить ни теоретически, ни тем более практически не представляется возможным, ибо никогда не может быть полного удовлетворения от любого, даже уже реализованного плана. А русский народ, сорванный с цепей истории революцией, хотел получить все и сразу.

Возникнув и укоренившись в сознании, революция-идея не могла не трансформироваться в революцию-действие. Следует отметить, что общество есть адаптивно-адаптирующая система, т.е. способно не только приспособливаться к окружающей среде, но и изменять ее в силу возможностей соответственно своим интересам.

С точки зрения системного подхода динамику общества можно представить как импульсы инновационной энергии, идущие от индивидов и их сообществ, нарушающих равновесие системы. Механизмы функционирования гасят эти колебания, однако общество тут же использует новые, приобретаая в результате новое качество. Изменения могут быть малозаметными и постепенными, если инновационная энергия невелика, рассеяна в социальном пространстве. В этом случае целостность цен-

ностно-нормативного порядка практически не меняется, а новые явления интегрируются в него.

Если же инновационная энергия резко возрастает, может произойти кардинальное обновление общества. Признаками флуктуации, нарушающей работу механизма поддержания его целостности, являются:

- невозможность или нежелание большей части людей ориентироваться на сложившиеся статусно-ролевые предписания;

- неэффективность механизмов институализации, т.е. неспособность как воспроизводить сложившиеся связи, так и интегрировать новые взаимодействия;

- кризис легитимности, утрата доверия людей к ценностно-нормативному порядку¹⁵.

В результате система оказывается неспособной удерживать индивидов и некоторых социальных субъектов в привычных институциональных рамках, и они впадают либо в депрессию, либо становятся активными, руководствуясь сиюминутными интересами, и перестают воссоздавать имеющиеся структурные связи, определяющие облик общества, что ведет к революции или смуте.

Общество всегда стоит перед опасностью революции, а его здоровье, зрелость заключаются в постоянном преодолении возможной революции. Революция не есть самоупразднение рушащегося строя. То была бы не революция, а естественная смерть без потрясений и борьбы. Революция есть восстание против старого порядка непримиримых с ним сил.

Но восстание предполагает непрерывное наличие деятельных сил,

способных к энергичному движению, которые не всегда бывают благодетельными. Где все мертво и неподвижно, там революции быть не может. Где деятельные силы находят себе удовлетворение в процессе свободного творчества, там тоже не может возникнуть революции, так как там восторгается процесс органического жизненного роста.

Революция – это результат встречи старого отмирающего порядка, но еще достаточно упорного для сопротивления враждебным ему силам и этих самых враждебных сил, постепенно вызревших в рамках старого порядка, но для своего проявления нуждающихся в ниспровержении уже тесных для них рамок. От такой встречи и происходит революционный взрыв.

Можно согласиться с выводом В.П.Булдакова о революции как проявлении системного кризиса сложноорганизованной системы и его повторяемости в российской истории. Проблема революции – это проблема стабильности или нестабильности исторического существования определенного типа государственности².

По выражению П.Рысса, «Россия была страной господ и рабов, высшего духовного развития и низменной дикости, величайшего благородства и скотской подлости... Чем чернее становилось правительство, тем краснее становилось общество образованное и некультурный народ. Не имея политико-социального центра, т.е. буржуазии, страна была черно-красной»¹⁰.

Диалектика революции и контрреволюции

Революцию не следует рассматривать исключительно как акт разрушения, аномалию, конец старого, его рассыпающуюся дряхлость.

Поэтому естественно, что их взаимодействие строилось на принципе «квадратуры круга»: усиление реакции вело к усилению революционного движения, усиление революционного движения – к усилению реакции.

Можно утверждать, что проблема российской революции тесно связана с революционностью самой власти. Её беспомощность и бесконтрольность оборачиваются тем, что ее неосторожные шаги становятся шагами в пропасть, что невольно провоцирует народ на смуту.

Искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России.

По мнению А.Н.Потресева, российская революция произошла не от полнокровия, а от худосочия – невозможности решения проблем при старом режиме¹.

Кризис связан не просто с крайним обострением неверия во власть, но еще в большей степени неверия власти в самое себя, что практически парализует управленческие возможности государства и с высокой долей вероятности может привести к резонирующему импульсу, способному обрушить всю систему. Но даже в таких критических ситуациях система, подобная российской, становится не просто слабой, но и слепой, неспособной распознать угрожающие ей опасности и самоубийственно стремящейся к собственной гибели.

Да, это болезненный кризис в жизни народов, но потребность обновления все же определяет его фундаментальное содержание. Она лежит в основе

возникновения всякой революции, столкновения социальных сил, которые движут ею, а также целей, которые революционное общество должно так или иначе решить. Каковы бы ни были превратности Великой Русской революции, она вывела страну на путь обновления. Революция, безусловно, способ снятия существующих проблем. Она насильственно оголила и провела кровавое очищение затянутых «жиром благополучия» духовных и государственных основ России, стала своеобразными «апокалиптическими весами» традиционного русского общества, идущего по пути модернизации и парадоксально нашедшего свою гибель на взлете.

Процесс революции есть прежде всего процесс дезорганизации государства и общества. По степени продвинутости этого процесса различаются три основных этапа.

На первом этапе расстройство государственной жизни преодолевается самой государственной организацией.

Второй определяется тем, что дезорганизаторский процесс поражает саму организацию, а преодоление этого процесса производится уже не ею, а силами, в ней выросшими и оформившимися. Здесь старый строй уже не восстановить, но новый устанавливается на основе преемственности с его значимыми факторами.

На третьем этапе расстройство государственной жизни, организационные связи старого строя распадаются настолько, что восстановление возможно только из продуктов распада, которые образуют соответствующую им новую организован-

ность. В этих условиях власть способна только имитировать свое присутствие, господствующим начинает чувствовать себя толпа, а страна неуклонно скатывается в неуправляемое состояние.

Возможно ли остановить этот процесс «углубления» революции, когда деструктивные, разрушительные начала в ней становятся абсолютно доминирующими по сравнению с началами обновления? Имеются ли силы внутри революционного процесса, способные это сделать?

Категорически отрицал саму возможность влияния на ход революции император Наполеон, который, находясь уже в ссылке, заметил, что «революцию нельзя ни начать, ни остановить»¹⁶.

Вместе с тем, как только Конвент набрался храбрости, с Робеспьером было покончено, а сам Бонапарт, согласно бессмертному уподоблению Барбье в его «Ямбах», сумел в надлежащий момент вскочить на коня, оседлать Францию и затем ездил на этом взнузданном коне до тех пор по всем закоулкам Европы, пока конь до конца не изъездился и не упал от полного истощения сил¹.

Подобных взглядов придерживались М.И.Скобелев¹⁷, И.Л.Солоневич¹⁸, американский историк русской революции Р.Даниэлс¹⁹ и др.

Свои мысли у В.П.Булдакова: «Единственный способ умиротворить стихию – дать ей выдохнуться. Звучит цинично, но так и было. Во Французской революции случилось то же самое. Это общая социально-психологическая проблема, а не вопрос о принципиальном сходстве двух революций. В конечном счете российская историческая власть выиграла оттого, что маргиналы и диссипанты обескровили друг друга»².

Получается, что, говоря словами, которые Оскар Уайльд вложил в уста китайского муд-

реца, нельзя управлять человеческим родом, можно лишь оставить его в покое²⁰.

Диаметрально противоположных взглядов придерживался Г.В.Плеханов, подавляющее большинство русского генералитета времен Первой мировой войны и революции¹⁷, а Г.П.Федотов в контрреволюции видел один из шансов России²¹.

Генерал Н.Н.Головин рассмотрел обозначенную нами проблему в несколько ином ракурсе, видя в контрреволюции одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции. Каждая революция, по его мнению, даже такая, которая приводит к освобождению народов, в своей основе построена на насилии. Она начинается с актов разрушения и, следуя законам социальной психологии, по мере своего развития становится все более и более разрушительной силой. Разбушевавшаяся стихия разрушения может быть остановлена только силой. Эта сила и создается контрреволюционным движением.

Если революционный процесс останавливается контрреволюцией раньше, чем он разрушил омертвевшие ткани старого режима, то контрреволюция легко превращается в реставрацию. Если же революционный процесс останавливается контрреволюционными силами после того, как эти омертвевшие ткани разрушены, но разрушительный процесс не затронул еще живые ткани государственного организма, то революция приобретает творческий характер.

На расчищенном пронесшейся бурей поле творческие силы народа создают новые формы политической и социальной жизни. Такой и была Французская революция XVIII в., завоевания которой были закреплены

контрреволюцией во главе с генералом Бонапартом. Наконец, если контрреволюционный процесс не в состоянии остановить разрушительные силы революции на определённом этапе, то революция становится регрессивной и разрушает производительные силы государства и народа¹⁷.

Следует особо подчеркнуть, что нет никаких достаточных и убедительных научных оснований связывать революцию с прогрессом, а контрреволюцию – с регрессом.

Знаменательные по данному поводу сказал В.Д.Набоков на Московском государственном совещании: «Не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах и выходит на улицу с оружием в руках. Страшна та контрреволюция, которая под влиянием происходящих кругом ужасов начинает зреть в наших сердцах и умах... Борьба с ней не есть борьба словами, как бы громки и сильны они ни были. С ней нельзя бороться железом и кровью. С ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти... Нам хотелось бы, чтобы был найден вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет те слова, которые... должны звучать как голос всей нации...»¹⁷.

Противостоящее революции контрреволюционное движение представляет собой чрезвычайно сложный комплекс, в состав которого входят и реставрационные надежды, и национализм, протестующий против разрушения государства, и, наконец, демократические силы, которые хотя и участвовали в начале революции в разрушении стеснявшего социальный прогресс старого режима, но стремятся остановить революционный процесс на уровне, представляющем благоприятные условия для развития их политических и социальных идеалов. Силы, входящие

в состав контрреволюционного движения, столь многообразны, что часто идей, объединяющей это движение, служит не общая политическая платформа, например, какой-либо общий политический или социальный идеал, а только идея негативного характера, а именно борьба против разрушительных сил революции. В этом случае построение контрреволюционного движения становится особенно сложным. Отсутствие общей объединяющей политической или социальной идеи приводит к тому, что внутри самого контрреволюционного движения возникают разлагающие его процессы¹⁷.

Основу контрреволюционного движения в Великой Русской революции составлял офицерский корпус, к которому позднее присоединились казачество и юнкера. Все остальные сословия в нем были представлены слабо. Либеральные и умеренно-социалистические круги скорее препятствовали, чем способствовали развитию контрреволюционного движения. Более всего это утверждение относится к «революционной демократии», которая понятие «контрреволюция» неразрывно связывала с реставрацией, а потому боялась всякой контрреволюционной силы и считала себя ближе к большевикам, чем к соседям справа. Все это способствовало тому, что движение лишилось политического руководства и его действительными руководителями и вождями были исключительно военачальники. Неудача корниловского выступления обозначила первые трещины в составе контрреволюционных сил.

Идейными истоками русского контрреволюционного движения

следует считать патриотизм и стремление к созданию сильной национальной власти, которая спасет Россию. Утверждать же о наличии в нем реставрационных вождедений достаточно веских оснований нет, ибо с отречением Николая II российский абсолютизм уже прошел свою точку невозврата. С приходом к власти большевиков контрреволюционное движение превращается в антибольшевистское, и этот термин точно обозначает ту негативную политическую и социальную идею, которая объединяет все последующее течение русской контрреволюции.

Отсутствие каких-либо серьезно противодействующих сил в первоначальный период революции является наиболее характерной особенностью Русской революции. Это же отсутствие обуславливает и особенности русского контрреволюционного движения: старый режим был настолько психологически подорван, что зарождение контрреволюционного движения не могло произойти во имя каких-либо контрреволюционных идей.

Подготовка Русской армии к наступлению и формирование отборных частей не могло не отразиться на состоянии реставрационных сил. Это было не что иное, как самозарождение этой действующей силы, когда сам организм армии вырабатывал в себе противоядие против отравления революционным ядом, хотя контрреволюционное значение этих формирований оставалось скрытым от большинства участников. Провал наступления привел к частичному перелому в настроении масс, стал временной остановкой в его революционизировании. Такое затишье

могло быть и началом более длительного успокоения, и затишьем перед новой бурей. Первой вспышкой контрреволюционного движения стало выступление генерала Корнилова, которое оказалось неудачным.

Таким образом, наиболее благоприятным временем для решительных действий русской контрреволюции следует признать промежуток между провалом наступления Русской армии, неудачей июльского мятежа в Петрограде и до корниловского выступления, когда была налицо падение революционных настроений и подъем контрреволюционных. Неудача же корниловского движения превратила российские реалии в свою противоположность: она вызвала разногласия и колебания в контрреволюционном лагере и новый высокий подъем революционной волны.

Угроза основам государственности является важнейшим обстоятельством и условием принятия необходимых мер, препятствующих углублению революции. К таким относятся:

- быстрое создание сильной национальной власти, пользующейся авторитетом у масс и вселяющей веру, что эта власть обладает реальной силой. Не искать наиболее прогрессивные формы демократии, а, учитывая политическую незрелость народных масс, использовать более понятные формы народовластия, не исключая, при острой необходимости, введения и военной диктатуры;

- внушение народным массам веру в то, что власть способна осуществить их чаяния, пробужденные падением старого режима, и реализовать идеи, соответствующие жела-

ниям этих масс, незамедлительно решить в их интересах ключевые вопросы революции – аграрный вопрос и вопрос о войне и мире;

- создание в кратчайшие сроки правового поля деятельности власти; издание законов, понятных массам, вплоть до чрезвычайных, и обеспечение их настойчивого и решительного проведения, не останавливаясь перед использованием крайних форм насилия, ибо других инструментов в борьбе с насилием не существует;

- памятуя, что революции начинаются в столицах и только потом распространяются на периферию, наведение в столицах и других крупных городах порядка;

- концентрация в руках верховной государственной власти достаточной силы для противодействия антигосударственным стремлениям. Такой силой в условиях участия России в Первой мировой войне могла быть только действующая армия. Быть реальной силой, а не казаться ею власть могла, только оперевшись на действующую армию, но и развал этой силы могла остановить исключительно власть. В качестве первоочередных, самых неотложных мер следовало добиться сохранения воинской дисциплины и боеспособности вооруженных сил, изъяв из них без излишнего подчеркивания и не делая это изъятие программным безусловно вредный, разлагающий элемент;

- заручиться на определенных условиях, не унижающих достоинство России, поддержкой союзников.

Прекрасно понимая, что достижение результата по ограничению «углубления» революции возможно как резонирующий импульс предложен-

ных мер в самые сжатые сроки, и допуская сравнительно небольшую вероятность их успешной реализации, автор все же остается сторонником необходимости и возможности ограничения разрушительных реалий революционного процесса.

Следовательно, нелинейность, случайность и необратимость в общественной сфере реализуют себя через человеческую свободу. Политика, в этом смысле, будучи сообразна с внутренним строем и движущими силами социальной и духовной жизни, действуя в границах универсальной (общеобязательной) нормы, выступает вместе с тем как инновационный процесс создания новых властных статутов и новых отношений в целом. Такая установка означает опору не только на отечественную традицию.

В наши дни требуется особо внимательное отношение к проблеме осознания национально-государственных интересов. Для России сегодня они не сводятся непосредственно к задачам выхода страны из кризиса, но прежде всего определяют ее перспективы и в плане внутреннего «домоустройства», и с точки

зрения ее места в мировом сообществе. Вряд ли подавляющее большинство россиян с воодушевлением воспримут такую целевую установку Г.Шпета на будущее России: «Россия должна отказаться от мировой политики, перейти на роль второстепенного или даже третьестепенного государства, заняться внутренним устройством и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый “патриотизм”. Если Россия не смирится с этим, она будет стерта с лица земли. Всякий иной патриотизм я считаю теперь ложным»².

Все это требует отказа и от идеологии плоской вестернизации, и от примитивно понимаемого почвенничества. Только люди, которые знают, как можно организовать помимо власти, независимо от власти, вопреки власти и с самой властью, могут постепенно создавать структуры, которые действительно станут опорой государственности. Отсюда следует один из главных уроков Великой Русской революции: не обновлять историю революции в угоду каким угодно целям, а представлять ее такой, какой она была в действительности.

Примечания

¹ Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 5, 11, 63.

² Труды по руссиеведению. С. 11, 440, 97, 371, 372, 394, 494.

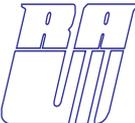
³ Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции. М., 2011. С. 212.

⁴ Булдаков В.П. Революция как миф и проблема российской истории // Труды по руссиеведению: Сб. научных трудов. М., 2009. Вып. 1. С. 70.

⁵ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949; Глебова И.И. Павшая власть – падшая власть // Труды по руссиеведению. М., 2009. Вып. 1. С. 139.

⁶ Пивоваров Ю.С. О русских революциях: послесловие // Труды по руссиеведению. М., 2009. Вып. 1. С. 31–33.

- ⁷ Цит. по: *Маклаков В.* Из прошлого // *Современные записки.* Париж, 1927. № 32. С. 313, 332.
- ⁸ *Энгельс Ф.* Письмо Вере Ивановне Засулич в Женеву, Лондон, 23 апреля 1885 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 36. С. 283.
- ⁹ *Гумилев Л.Н., Панченко А.М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.
- ¹⁰ *Рысс П.* Русский опыт: Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 202, 6, 10.
- ¹¹ *Лебон Г.* Психология народов и толп. М., 1898. С. 133.
- ¹² *Ефимовский Е.* Истоки и параллели // *Возрождение.* Париж. 1956. № 60. С. 21, 20.
- ¹³ *Кускова Е.Д.* Об утопиях, реальностях и загадках // *Современные записки.* Париж, 1930. № 26. С. 362.
- ¹⁴ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 201.
- ¹⁵ *Пушкарева Г.В.* Общество: механизмы функционирования и развития // *Социально-политический журнал.* 1998. № 1. С. 87–91.
- ¹⁶ *The mind of Napoleon: a selection from his written and spoken words / Ed. H. Christopher.* N.Y., 1956. P. 64.
- ¹⁷ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция 1917–1918 гг.: в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 74, 13–14, 126.
- ¹⁸ *Солоневич И.Л.* Россия и революция. М., 2007.
- ¹⁹ *Даниэлс Р.* Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // *Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший.* М., 2000. С. 95.
- ²⁰ *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 606.
- ²¹ *Федотов Г.П.* И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж, 1932. С. 61.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2012 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

«На зависть Европы я смотрю спокойно...»

К 250-летию начала царствования Екатерины Великой

Сергей Рыбаков

В части историографии стало привычным замалчивать достижения и успехи Екатерины II, делая упор на существовавший при ней фаворитизм, на некоторые недостатки и личные слабости императрицы. Такой взгляд на неё и её правление ведёт к искусственному урезанию масштаба исторической эпохи, называемой екатерининской.

Не отрицая того, что Екатерина II была не лишена слабостей, нужно видеть, что они с лихвой перекрывались её сильными качествами: талантом стратега, неординарным и гибким мышлением, редкой целеустремлённостью, широким кругозором. Эти качества императрицы сослужили России отличную службу.

«Вся жизнь моя посвящена поддержанию блеска России»

В 1791 г. канцлер Александр Андреевич Безбородко составил перечень достижений, которыми было отмечено царствование Екатерины II.

В этом перечне значилось 29 устроенных по новому образцу губерний, 144 вновь построенных города, 78 одержанных военных побед, 123 указа, направленных на улучшение

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). *E-mail*: istoric-ek@mail.ru

Ключевые слова: Екатерина II, Румянцев, Потёмкин, Суворов, русско-турецкие войны, Крым, Черноморский флот, Русско-шведская война, разделы Польши.

социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни российского населения.

Помимо этого, к России были присоединены земли с населением 7 млн чел., а общая численность населения империи увеличилась с 19 млн чел. в 1762 г. до 36 млн в 1796 г. Армия количественно возросла со 162 тыс. чел. до 312 тыс.

Флот был усилен с 20 линейных кораблей и 6 фрегатов до 67 линкоров и 40 фрегатов.

Сумма государственных доходов поднялась с 16 млн руб. до 69 млн.

Число промышленных предприятий увеличилось с 500 до 2 тыс.

Оборот морской торговли увеличился более чем в 5 раз¹.

В достижении столь впечатляющих результатов не последнюю роль сыграл русский патриотизм Екатерины II, в девичестве принцессы Софьи-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской, которую в 1744 г. императрица Елизавета Петровна пригласила в Россию, чтобы выдать замуж за своего племянника и наследника престола Петра Фёдоровича, урождённого Карла-Петера-Ульриха Гольштейн-Готторпского. Россия с её пространствами поразила воображение юной девушки. Это был контраст с тогдашними мелкими захолустными немецкими княжествами.

Восприняв Россию как новую родину, Софья-Августа-Фредерика захотела стать для неё своей. Она с большим старанием принялась изучать русский язык, погрузилась в русскую историю, приняла местные традиции и православие, а с ним и русское имя. Её уважительное отношение к русской культуре становилось ещё более заметным на фоне поведения Петра III, открыто пренебрегавшего русскими православными обычаями и российскими государственными интересами.

Впоследствии, став императрицей, Екатерина говорила, что с первых дней её русской жизни «обиды, сделанные Российской Империи, будили в ней рвение к защите достоинства» страны. Она объясняла: «Вся жизнь моя посвящена поддержанию блеска России, потому не удивительно, что обиды и оскорбления, ей наносимые, я не могу терпеть молча и скрывать их ради минутной осторожности»².

Одним из основных условий успеха внешней политики стало редкостное умение Екатерины II подбирать нужные кадры. Выстраивая государственный аппарат, императрица выделяла из русских дворян-патриотов наиболее энергичных и талантливых, определяя их место в служебной иерархии. Российское дворянство возникло и сформировалось как служилое сословие; вся психология дворян была неразрывно связана с государственной службой, их благосостояние напрямую зависело от служебного рвения. Екатерина, как могла, поощряла это рвение во время войн, которые Россия вела во время её правления.

«Я старалась быть справедливой и награждала великодушно всюду, где могла открыть тень сделанной заслуги. Я надеюсь, что это возбуждало поощрение хорошо служить. Жаль, что нельзя каждому вдохнуть умение и талант, но мне приятно видеть, что между молодыми генералами находятся такие, которые лучше, чем те, каких мне удалось видеть в 1762 году, по окончании Семилетней войны»².

Правление Екатерины II – это время расцвета дворянской империи, пиковая фаза в эволюции дворянского самосознания. К этому времени дворянство имело уже множество привилегий, но ещё не успело остыть к службе, почувствовать себя по-настоящему вольными после Манифеста о вольности дворянской, подпи-

санного Петром III. Показательно, что этот Манифест не помог Петру III удержаться на троне: дворянская гвардия свергла императора с престола.

Гвардейцы были крайне раздосадованы капитулянтской политикой Петра III в войне с Пруссией и нелепым для России финалом этой войны: русская армия в пух и прах разбила пруссаков, заняла Кенигсберг вместе со всей Восточной Пруссией, жители которой добровольно приняли российское подданство, принесли присягу императрице Елизавете Петровне. Карл-Петер-Ульрих не только вернул Кенигсберг прусскому королю Фридриху II, своему кумиру, но ещё и выплатил ему немалую денежную компенсацию за «моральный ущерб». Пять лет боёв, потребовавших от русских пота и крови, пошли насмарку. Этого гвардейцы голштинцу простить не могли. Им и в голову не пришло, что у них может быть какой-то выбор между службой и вольностью, поскольку патриотизм и чувство долга у дворян ещё оставались доминирующими качествами.

В следующем, XIX в. картина постепенно изменилась: дворянская вольность вошла в свои полные права и превратила дворян-патриотов в праздных сибаритов или в вольнодумцев, находящихся в оппозиции государству, но судьба благоволила Екатерине, не дав ей дожить до этих времён.

В 1762 г. судьба также была благосклонна к жене недалёкого «доброто немца» Петра III, с беспечной ветреностью относившегося к российским государственным интересам. Он настроил против себя не только служилое дворянство. Его раболепие

перед пруссаками, скандальные выпады против Русской Православной церкви, публичные высказывания, выдававшие его невежество, настроили против него все слои общества.

И в Петербурге, и в провинции люди спрашивали друг друга: зачем России нужен правитель, который понятия не имеет, как ею управлять, да к тому же открыто её презирает? Не будет преувеличением сказать, что Екатерину вознесла на престол волна тогдашних общественных настроений.

Новая императрица позаботилась о том, чтобы смену власти в народе трактовали не как заурядный дворцовый переворот, а как насущную общественную необходимость.

В манифесте «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» указывалось, что её права на императорскую корону основаны на «явном и нелицемерном желании всех Наших верноподданных», поддержавших стремление Екатерины пресечь попытку Петра III изменить государственную религию: «Всем прямым сынам Отечества Российского явно оказалось, какая опасность всему Российскому Государству начиналась самым делом, а именно: закон Наш Православный Греческий первее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь Наша крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменю древнего в России Православия и принятием иноверного закона»³.

Нет сомнений в том, что Екатерина пользовалась авторитетом в тогдашнем российском обществе, хотя бы потому, что смотрелась куда достойнее своего мужа. Однако быть совершенно уверенной в прочности своего положения она не могла.

Если смотреть с чисто юридической точки зрения, то, как заметил В.О.Ключевский,

«Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала её сыну, естественному наследнику отца»⁴.

Екатерина не слишком обольщалась поддержкой общества, понимая, что является её заложницей и что, хотела бы она того или нет, ей придётся «отрабатывать» кредит доверия со стороны тех, кто привёл её на престол. Своим статусом императрица всероссийская была обязана гвардии, выражавшей интересы всего дворянства, а потому оказалась зависимой и от гвардии, и от дворянства. Сами обстоятельства прихода к власти вынуждали Екатерину выполнять социальный заказ дворянства, обусловив тем самым и основной вектор внутренней политики, проводимой в пользу дворян.

Продворянский курс екатерининского правительства вёл к определённым диспропорциям в социальной структуре: росли привилегии дворян, ухудшалось правовое положение крепостного крестьянства. Одни льготы дворян постоянно дополнялись другими, и это вело к вытеснению недовольства среди недворянских сословий. Ситуация существенно переменялась после вспыхнувшего в 1773 г. пугачёвского бунта, напугавшего дворян. Подавив в 1775 г. восстание Пугачёва, Екатерина II теперь старалась не допускать перекосов в социальной политике, объясняя дворянам, что умеренность в запросах будет служить их же пользе. По указам императрицы расширялись права и вольности городского населения, и особенно купеческого сословия, а также государственных крестьян. Социальная ситуация в стране была стабилизирована, и во второй половине своего царствования

Екатерина с какими-то серьёзными внутренними проблемами не сталкивалась.

После восшествия на престол Екатерина II составила запись основных целей своего правления, где среди прочего значилось выдвинутое ею кредо: «Нужно просвещать нацию, которой должно управлять»⁵. Делам просвещения и распространения грамотности она уделяла значительное внимание.

Вместе с энтузиастом просветительства Иваном Ивановичем Бецким она спроектировала систему воспитательно-образовательных учреждений, отразив её в документе под названием «Генеральное учреждение о воспитании обоёго пола юношества».

Воплощение задуманного на практике вылилось в открытие сети городских школ, где был внедрён классно-урочный принцип, воспитательных домов для сирот в Москве и Петербурге, двух педагогических училищ, воспитательного училища при Академии художеств, Смольного института благородных девиц.

Была создана сеть коммерческих училищ и кадетских корпусов.

Инструкции по содержанию воспитательных заведений были пронизаны духом гуманности, в них говорилось: «Бить детей, грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают, есть существенное зло». Рекомендовалось развивать природные дарования детей, «дабы произвести превосходных по разуму людей»⁵.

Повышению образовательного уровня российского населения служили многие инициативы императрицы: всяческое поощрение деятельности Академии наук, создание Вольного экономического общества, занимавшегося пропагандой передо-

вых методов ведения хозяйства и технических новшеств, введение прививочной медицины (Екатерина первой в России привила себе вакцину от оспы), появление сети больниц, открытие Эрмитажа и Публичной

библиотеки в Петербурге, издание полного собрания русских летописей и многое другое.

Всё это означало динамичное продвижение российской культуры на новый, более качественный уровень.

«Мы ни за кем хвостом не тащимся»

Став российской самодержицей и фиксируя в записи цели своего правления, Екатерина II, помимо прочего, указала: «Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям»⁵. Екатерина была уверена, что русские дипломаты должны в первую очередь отстаивать честь и достоинство России, и напоминала им: «Мы ни за кем хвостом не тащимся»⁶.

Установку, нацеленную на «внушение уважения соседям», она постаралась сделать ведущим принципом российского внешнеполитического курса. Об этом принципе Екатерина не забывала и при выстраивании своего поведения. Она показывала и доказывала и русским, и иностранцам, что для неё не существует никаких иных национальных интересов, кроме российских.

За 52 года пребывания в России Екатерина ни разу не пересекла её границ, переписку с немецкими императорами, королями, курфюрстами вела по-французски, ни разу не пригласила к себе никого из своих ангальт-цербстских родственников, на высокие государственные должности принимала только русских, предписывала российским дипломатам отправлять депеши в Петербург только по-русски.

Когда цесаревичу Павлу пришло время жениться, императрица соста-

вила наказ для невесты великого князя прибывшей из Гёссена принцессы Вильгельмины. В наказе говорилось, что юная особа должна «читать нацию, к которой будет принадлежать», говорить по-русски, быть преданной России, считаться с её обычаями, не говорить о ней ничего плохого⁷.

В середине XVIII в. в комплексе задач, стоявших перед российской дипломатией, выделялись две наиболее важные и сложные:

- приобретение выхода к Чёрному морю;
- воссоединение древнерусских территорий в составе единого государства.

В реальной практике подходы к решению этих двух задач сплетались в один запутанный клубок, к которому примешивалось множество других задач. Европа в то время выглядела конгломератом противоречий, сложные узлы европейской дипломатии ещё никогда не были затянуты столь туго. Императрице Екатерине II и её сподвижникам предстояло не только грамотно разобраться в хитросплетении этого узла, но и умело распутать его.

В начале царствования Екатерины II Россия испытала на себе открытую враждебность со стороны Франции. Главной причиной этого являлся конфликт стратегических интересов России и Франции в Европе,

усугублявшийся русофобией короля Франции Людовика XV. Людовик XV ориентировал французскую дипломатию на антироссийские интриги в Швеции, Речи Посполитой и Турции, создав из этих стран так называемый «Восточный барьер» и стремясь спровоцировать их войну против России.

Своё отношение к России король выразил в секретной инструкции французскому посланнику при дворе Екатерины II барону де Бретейлю: «Вы, конечно, знаете, — писал Людовик 10 сентября 1762 г., — и я повторяю это предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить её как можно дальше от европейских дел... Всё, что может погрузить её в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно, ибо я не заинтересован в развитии отношений с Россией».

Людовик XV, как и другие государи Европы, получил от Екатерины II экземпляр «Наказа» и тут же приказал его сжечь. Узнав об этом, Екатерина сказала: «Великая честь оказана мне»⁸.

Стремясь нейтрализовать враждебность Франции, екатерининское правительство стало искать союзников среди европейских государств, побуждая их правительства к отказу от поддержки внешнеполитической линии Франции.

Канцлер Никита Иванович Панин предложил Екатерине II дипломатический проект, в пику «Восточному барьеру» названный «Северным аккордом». Этот проект предусматривал создание союза государств, находившихся на севере Европы – России, Дании, Речи Посполитой и Швеции. Основная цель была очевидна: вывести из-под французского влияния Швецию, и особенно Речь Посполитую, которая в «Восточном

барьере» выполняла функцию соединяющего звена.

Именно Речь Посполитая в то время явилась своеобразным перекрестком противоречивых политических интересов разных стран – Франции, Австрии, Пруссии, России, Османской Турции. Предельно ослабленная внутренними неурядицами, вызванными своеволием шляхты, Речь Посполитая потеряла политическую дееспособность, не мешая более сильным и напористым соседям раз за разом вмешиваться в свои дела. Особенно это усилилось накануне и в момент выборов нового польского короля. Для того чтобы воспрепятствовать коронованию кандидатов, поддерживаемых Францией, Австрией и Турцией, Россия вынуждена была блокироваться с Пруссией. При этом интересы России и Пруссии в Речи Посполитой сильно расходилась: Фридрих II страстно желал территориального раздела Речи Посполитой, в то время как Екатерина II стремилась сохранить целостность Речи Посполитой, предполагая сделать из неё союзницу России. Российская дипломатия вовсе не хотела усиления Пруссии, так же как и Австрии, за счёт польских территорий.

В 1764 г. польским королём был избран ставленник России и Пруссии Станислав Понятовский. Он принял некоторые политические решения в пользу своих покровителей. В частности, в нужном России и Пруссии русле был решён диссидентский вопрос: теперь лютеранам и православным, ещё недавно ущемлённым в правах, разрешалось занимать административные должности наравне с католиками. Недовольная этим решением часть польской оппози-

ционной шляхты организовала антикоролевскую конференцию и начала боевые действия против русских войск.

Франция, внимательно следившая за действиями екатерининской дипломатии в Польше, не могла смириться с пребыванием там русских войск и стала подталкивать Оттоманскую Порту к конфликту с Россией. Султан и его визири потребовали от Екатерины вывести свои войска из Речи Посполитой и отказаться от защиты прав диссидентов. Русские дипломаты дали понять султану, что его желания расходятся с действительностью. В 1768 г. началась русско-турецкая война.

Уже в самом начале этой войны русские войска нанесли туркам несколько чувствительных поражений, а генерал-фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев поразил Европу блеском полководческого искусства, разбив турок при Ларге и Кагуле. Особенно потрясла современников битва при Кагуле: русские войска численностью 32 тыс. чел. одержали сокрушительную победу над турец-

кой армией, насчитывавшей 150 тыс. чел.

Выдающегося успеха на море добился адмирал Григорий Андреевич Спиридов, разгромивший турецкий флот в бухте Чесма. Русская эскадра, выйдя из Балтики и обогнув Европу, внезапно появилась в Средиземном море и стремительно подошла к Чесме, где стояли на рейде турецкие корабли. Почти все они были сожжены.

Несмотря на заметное численное превосходство над русскими, турки за первые три года войны не одержали ни одной победы, оставив крепости Хотин, Яссы, Бухарест, Измаил. Оказалось, что в Стамбуле, начиная войну, не поняли новых реалий, уповая на былое могущество Османской империи. Во второй половине XVIII в. от того могущества мало что осталось. В экономическом и военном отношении Россия была уже значительно сильнее Турции. Становилось очевидным, что Порта проиграет войну. Екатерина II поставила перед российской дипломатией задачу добиться от турок выгодного мира для России.

«Пусть балагурят, а мы дело делаем»

Успехи русской армии и флота напугали европейских политиков. Начались закулисные дипломатические манёвры, направленные на сдерживание России. За спиной турок по-прежнему маячила Франция, которая помогла им восстановить утерянный в Чесме флот, поэтому султанское правительство отказывалось пойти на мирные переговоры с русскими, надеясь переломить ход войны в свою пользу.

Настороженно к русским победам отнеслись и в Лондоне, но он не хотел полностью рвать отношений с Россией, а потому ограничился только отзывом английских офицеров из русского флота. Открыто поддержала Порту Австрия, заключив с ней союзный договор и пообещав добиться возвращения туркам всех территорий, занятых русскими войсками. Двусмысленной была и позиция Пруссии, которая, формально счита-

ясь союзником России, занималась антироссийскими интригами. Но в Петербурге хорошо знали о тайной дипломатии «союзников».

Екатерина не могла не считаться с двусмысленным поведением Фридриха II. Чтобы нейтрализовать его действия на турецком дипломатическом фронте, приходилось идти на уступки ему в польских делах, тем более что Пруссия вместе с Австрией уже начали раздел Польши, оккупировав часть её территории (1770 г.). Кроме того, Австрийскую империю также требовалось нейтрализовать, оторвав её от союза с Оттоманской Портой. Сделать это можно было только одним способом: дать согласие на раздел Польши. Конвенция между тремя странами была подписана в 1772 г. Австрия захватила Галицию, к Пруссии отошло Поморье и часть великопольских земель. Россия присоединила Восточную Белоруссию, что местным населением воспринималось не как захват, а как восстановление исторической справедливости.

Лишившись поддержки со стороны австрийцев, Порта вынуждена была пойти на мирные переговоры с Петербургом. На переговорах выяснилось, что турки ни за что не хотят отказываться от контроля над Крымом, в то время как русские дипломаты настаивали на предоставлении ему независимости. Для того чтобы преодолеть несговорчивость Порты, русским войскам был отдан приказ возобновить боевые действия. Александр Васильевич Суворов не оставил туркам никаких шансов в битве при Козлудже. После этого Стамбулу ничего не оставалось, как принять условия Екатерины II.

10 июля 1774 г. в болгарском селении Кучук-Кайнарджи был заключён мирный договор между Россией и Турцией.

К России была присоединена территория от Буга до Азова с частью прикубанских и приазовских земель.

В состав России вошла также Кабарда.

Россия получила право иметь на Чёрном море собственный флот, её торговые корабли могли теперь беспрепятственно проходить через Босфор и Дарданеллы.

Султанское правительство обязывалось выплатить русским немалую контрибуцию. Важнейшим итогом войны стало освобождение Крыма от турецкого вассалитета.

В Стамбуле долго не могли примириться с потерей Крыма. Уже в 1775 г. османы нарушили Кучук-Кайнарджирский договор, попытавшись утвердить крымским ханом своего ставленника Девлет-Гирея. Екатерине пришлось послать войска в Крым, чтобы поддержать своего сторонника Шагин-Гирея.

Для России крайне важным было обеспечить безопасность своих южных границ, которым на протяжении длительного времени угрожали разорительные набеги крымцев. В одном только XVII в. в крымском рабстве сгинули сотни тысяч русских пленников. К тому же необходимо было наконец-то начать хозяйственное освоение Северного Причерноморья, обширные и плодородные земли которого были в течение нескольких веков лишены постоянного населения и никак не обустроивались. Миссия превращения этой территории в Новороссию выпала на долю Григория Александровича Потёмкина, самого энергичного из всех фаворитов Екатерины II.

В момент государственного переворота 29 июня 1762 г., когда Екатерина при помощи

дворян-гвардейцев отобрала власть у Петра III, Григорий Потёмкин нёс службу в конной гвардии. Участвуя в перевороте на стороне Екатерины, он привлёк к себе её внимание, был сделан камер-юнкером и стал занимать должности в петербургских ведомствах и комиссиях.

В 1769 г. Потёмкин покинул столицу и отправился добровольцем на войну с турками, где отличился отвагой и доблестью, участвуя в битвах под Хотинном, при Фокшанах, Ларге и Кагуле. Во главе крупного отряда, разбив турок у Ольты, он вновь привлёк к себе внимание императрицы.

В 1774 г. Потёмкин получил звание генерал-поручика, а затем – генерал-адъютанта, был назначен членом Государственного совета и, по отзывам иностранных послов, стал самым влиятельным человеком в России. Потёмкин пользовался величайшим доверием императрицы, получая от неё самые ответственные политические задания.

В 1780 г. «Северный аккорд» окончательно развалился. На этом фоне Екатерина II начинает дипломатическое сближение с Австрией, встретившись в Могилёве с императором Иосифом II.

Екатерина объясняла Потёмкину: «Каковы бы цесарцы ни были и какова ни есть от них тягость, но она всегда будет несравненно меньшей, нежели прусская, которая несносна»².

Эта дипломатическая линия принесла свои плоды: во второй войне с Турцией русские имели союзников в лице австрийцев. Смена внешнеполитического курса в 1780 г. привела к кадровым перестановкам: канцлера Панина заменил Безбородко.

Став генерал-губернатором Новороссийского края, Потёмкин развернул строительство городов – Херсона, Николаева, Екатеринослава и др. Он приглашал и принимал колонистов из Центральной России, Малороссии, Сербии, Греции, Германии, при-

ступил к разведению лесов и виноградников, начал строительство корабельных верфей, фабрик, типографий, школ.

Екатерина высоко ценила усилия своего фаворита, называя их «заботами великими». Она писала Потёмкину: «Тебя, мой свет, станет на все большие и малые заботы... будь уверен, что я тебя весьма благодарю за твои многочисленные труды и попечения, я знаю, что они истекают из горячей твоей любви ко мне и усердия к общему делу».

Важнейшим делом фаворита явилось создание Черноморского флота. Императрица всячески помогала ему в этом деле, командировав в его распоряжение бригады охтенских и олонечких плотников-корабелов³.

Потёмкин прекрасно понимал, что благоустроить новые земли невозможно без обеспечения надёжной безопасности южных границ. В специальной записке, посланной императрице, он представил развёрнутый план овладения Крымом. При этом в геополитических расчётах Потёмкин собирался пойти ещё дальше – к возрождению византийской государственности. Он составил «греческий проект», по которому корона нового византийского царя должна была достаться одному из внуков Екатерины II. Роль укреплённой военной базы для осуществления этого проекта предназначалась Новороссии.

Европейская дипломатия, раздосадованная активностью России на балканском направлении, стремилась собрать как можно больше сведений о действиях русских на обретённых ими территориях.

Излишнее любопытство иностранцев Екатерине, конечно, не нравилось, и она рекомендовала новороссийскому генерал-губернатору: «С чужестранными консулами в Херсоне можешь поступить без церемонии, вели им сказать учтиво, что Херсон не торговый

город, но крепость военная, в которой пребывание их более не может иметь места по военным обстоятельствам, чтобы ехали восвоися»⁹.

Турки продолжали вмешиваться в дела Крымского ханства, и потому Екатерина поддержала план фаворита, касающийся присоединения Крыма к России.

8 апреля 1783 г. Екатерина II обнародовала указ о включении Крыма в состав России. После того как Потёмкин ввёл войска в Крым, она писала ему, что петербургская публика «сим происшествием обрадована: цапанье нам никогда не противно, потерять же мы не любим»⁹. В этом же году был заключён Георгиевский трактат с Восточной Грузией, по которому она переходила под покровительство России. Столь решительным шагам Екатерины предшествовали меры, предпринятые ею на европейском дипломатическом фронте.

Западноевропейские политические пасьянсы позволяли Екатерине занять Крым, не оглядываясь на недовольство европейских прави-

тельств, заявляя при этом: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю; пусть балагурят, а мы дело делаем»⁹.

В июле 1778 г. между Пруссией и Австрией вспыхнула война за баварское наследство. Екатерина выступила в роли третейского судьи, подводя враждующие стороны к подписанию Тешенского мира и выступив гарантом соблюдения его условий. После этого влияние русской дипломатии на ход дел в немецких землях значительно выросло.

Екатерина теперь рассчитывала на поддержку Вены: «Ежели пруссаки нас задерут, то венский двор должен вступиться»⁹.

Россия воспользовалась и тем, что в это время внимание Британской империи было отвлечено от европейских дел. В 1775–1793 гг. британской короне пришлось воевать против североамериканских колоний, провозгласивших независимость. Россия отказалась помогать англичанам против восставших колонистов, провозгласив тактику «вооружённого нейтралитета». Отношения России с Британией стали натянутыми.

«Они позабыли, с кем дело имеют»

Екатерина понимала, что после присоединения Крыма к России Османская империя, скорее всего, начнёт подготовку к новой войне: «Я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верное, что объявят войну»⁹.

Так оно и случилось. Воинственность турок разжигали Франция, Британия и Пруссия. Бурбоны делали это в силу устойчивой враждебности к России. Британские политики,

чрезмерно трепетно относившиеся ко всему, что было связано с морской торговлей, не хотели усиления российского флота. Фридрих II подстрекал султана к войне с русскими для того, чтобы связать им руки и отвлечь их внимание от Польши.

Летом 1787 г., предъявив России две ультимативные ноты и не дожидаясь от неё дипломатического ответа, турки приступили к военным действиям. Они атаковали Кинбурн, но Суворов отбил их наступление. Видя,

что турки не могут добиться успеха, Британия и Пруссия активно способствовали тому, чтобы шведский король Густав III начал войну против России. Екатерина писала Потёмкину о двурушничестве прусского короля: «Шведы и турки дерутся в угодность врага нашего скрытого, нового европейского диктатора»².

Прошло уже 67 лет после Северной войны, выигранной Петром I у шведов, а те никак не хотели смириться с условиями Ништадского мира. Летом 1788 г. они напали на Россию.

Потёмкин писал Екатерине, что в таком труднейшем положении нужно всячески воздерживаться от новых конфликтов, особенно недопустимо «сцепляться с прусским королём — и без того хлопот много, а то трудно будет ладить с другими, и так мы почти против всех»².

Екатерина ответила, что ни Пруссия, ни остальная Европа не дождутся от неё уступок и проявления слабости: «Если бы королевскому прусскому величеству сие угодно было бы, то соизволил бы шведского не допустить до войны. Сколько бы я не старалась сблизиться с сим всемогущим диктатором, но лишь я молвила бы что-нибудь, мне тут же предписались бы самые лёгонькие кондиции, как, например, отдача Финляндии и Лифляндии Швеции, Белоруссии? Польше, по Самару-реку — туркам; стиль прусский груб, да и глуп.

...Нам лучше всего не иметь никаких союзов, нежели метаться то туда, то сюда, как камыш во время бури; сверх того, военное время не есть период для сведения связей. Я к мщению не склонна, но что чести моей империи и интересам ея противно, то ей и вредно — они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду, дураки, кладут, что мы уступчивы будем!»².

Шведский король Густав III рассчитывал на лёгкие победы, и основания для этого у него были, ведь главные силы русской армии находи-

лись на турецком фронте. Отправляясь на войну, король пообещал придворным дамам устроить для них завтрак в Петергофе. Однако первое же морское сражение показало всю иллюзорность королевских ожиданий: 6 июля 1788 г. русский Балтийский флот под командованием адмирала Самуила Карловича Грейга заставил шведские корабли отступить.

Екатерина не могла простить шведскому королю его вероломство. По её словам, среди русского народа «король шведский и шведы столь ненавидимы, сколь бессовестное его коварство достойно; усердие и охота народная против сего нового неприятеля велика; не могут дожидаться драки». Она была уверена, что «диспозиция духа» сложилась в пользу русских и что у Густава III нет никаких шансов на победу над Россией: «Я надеюсь, что шведские дурачества хвалы не найдут нигде. ...Король шведской мечется повсюду яко угорелая кошка и, конечно, истощает все свои возможности... скоро можно будет фуфлыге-богатырю подстричь крылья, чтобы впредь летал пониже»⁹.

Однако шведская агрессия существенно осложнила положение России на геополитической сцене. Отражение шведов потребовало от Петербурга больших расходов и, что не менее существенно, не позволило сосредоточить все наличные силы против турок. Балтийский флот не был переведён в Средиземное море, где его ждали балканские народы, стремившиеся освободиться от османского ига и готовившиеся к восстанию против него.

Поражение лета 1788 г. не остановило Густава III: он пытался перехва-

тить военную инициативу до лета 1790 г., когда русская эскадра разбила шведскую флотилию в сражении близ Выборгской бухты. Война не только не принесла шведскому королю ожидаемых им побед, но и вызвала недовольство среди его подданных. После выборгского разгрома шведской флотилии он подписал мир. Екатерина была довольна прекращением войны, совсем не нужной России.

«В северном замирении сберегли людей и деньги; шведы же почувствуют надолго. ...Велел Бог одну лапу высвободить из вязкого места. ...королю прусскому, чаю, сей мир не весьма приятен будет; теперь молю Бога, чтобы помог сделать то же с турками. ...Чего дураки ждать могут: лучше мира от нас не достанут, как мы им даём, а послушают короля прусского – век мира не достанут, понеже его жадности конца не будет»².

При всех сложностях, которые испытала Россия во время войны на Балтике, англичанам и пруссакам, толкнувшим Густава III на военную авантюру, не удалось загнать русских в тупик. Россия оказалась вполне способна успешно воевать на два фронта. Более того, открытие северного фронта не помешало русским солдатам и матросам бить турок на юге. Немалая заслуга в этом принадлежала Потёмкину, получившему к тому времени титул фельдмаршала и очистившего армию от прусских косичек, пудры, тяжёлых ботфортов и другой ненужной амуниции. Особое внимание Потёмкин уделял разведке, получая оперативную информацию с турецкой стороны от многочисленных платных и добровольных агентов.

Во второй русско-турецкой войне преумножил свою славу Александр Васильевич Суворов.

Самым поразительным эпизодом второй русско-турецкой войны стал штурм Измаила – мощной крепости с высокими стенами, крупным гарнизоном численностью в 35 тыс. чел. при 265 орудиях. Турки считали Измаил неприступным. Для подготовки к взятию этой крепости Суворов приказал построить её макет, на котором солдаты отрабатывали все необходимые приёмы и действия.

11 декабря 1790 г. Измаил был взят. Его овладение было одним из самых выдающихся подвигов русских солдат и офицеров. Оно стало возможным благодаря сочетанию полководческого гения Александра Суворова с героизмом и великолепной боевой выучкой русских воинов.

Взятие Измаила стало победным аккордом действий русской армии.

Исключительный талант проявил флотоводец Фёдор Фёдорович Ушаков. Под его водительством русские моряки одержали целую серию замечательных побед. После одной из них Екатерина писала Потёмкину: «Я совершенно вхожу в ту радость, которую ты должен чувствовать, понеже Черноморский флот строился под твоим попечением, а теперь видишь плоды оногo заведения. ...Я всегда отменным оком взирала на флотские дела. ...Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко... о морских подвигах России в моё царствование прямо слышно стало»².

Вторая русско-турецкая война завершилась блестящей военной победой России. Но военная победа не всегда означает победу дипломатическую.

Понимая это, Екатерина просила Потёмкина, возглавлявшего русскую делегацию: «Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками... следует ожидать податливости от сего неприятеля, всюду побеждённого»².

Она советовала ему для ускорения переговоров использовать все возможные меры, в том числе и создание благоприятного психологического фона за счёт привлечения на сторону России населения Османской империи: «Как тебе не выигрывать у турецкого народа

доверие: во-первых, ты умнее турецких начальников, во-вторых, поступаешь с турками великодушно и человеколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слышали от своих».

Со своей стороны Екатерина заверяла Потёмкина о своей готовности сделать всё, чтобы привлечь на сторону России те народы, которые до войны находились под турецким влиянием: «С кавказскими жителями обходиться милостиво мне затруднения не будет»².

В подобной тональности она писала и о крымских татарах: «Что татары подгоняют свой скот под наши крепости, то я их к тому с удовольствием ещё до войны поощряла всегда предписанием ласкового обхождения»³.

Предписывая своим сотрудникам «ласковое обращение» к мусульманам, Екатерина тем более не могла обходить вниманием и христианские народы Османской империи, рассматривая их как естественных союзников России: «По заграничным известиям, везде христиане своих единоверных ожидают, как израильтяне Мессию»⁴.

Потёмкин активно привлекал на военную службу греков и сербов, сообщая об этом Екатерине: «Полки легкоконные Ольвиопольский и Воронежский состоят из иностранцев. ...Греки на море крейсируют весьма храбро и охотно. Я произвёл мичманами тех, кои сражались близ флота неприятельского»⁵. Он просил императрицу наградить боевыми крестами тех иностранцев, которые отличились в боях против османов.

Русско-турецкие переговоры проходили в Яссах. Европейские дипломаты пытались параллельно этим переговорам созвать конференцию в Бухаресте с тем, чтобы повлиять на условия мирного договора между Россией и Турцией.

Екатерина указывала князю: «Предписываю тебе непременно отнюдь не посылать никого на их глупый конгресс в Букарест, а по-

старайся заключить свой, особенной для нас мир с турками».

Особый подход требовался к султану Селиму: «По его молодости сам не умеет кончить свои дела, для того избрал себе пруссаков, англичан и голландцев, дабы они интригами ещё более завязали его дела. Я не в равном с ним положении, – писала Екатерина Потёмкину, – и с седой головой не отдамся им в опеку. ...пора бородачам взяться за ум и высвободиться из зловредного им опекунства: пруссаки прельщают их тем, что будто нас принудят возвратить туркам Тавриду, которой им однако не видать, как ушей своих»⁶.

Екатерина II и помыслить не хотела о том, чтобы оставить Крым и Причерноморье, она была уверена, что русские закрепились здесь на долгие времена.

О том, как она заботилась о будущих поколениях, свидетельствует один маленький штрих из её письма Потёмкину: «Прикажи для будущих веков около черноморских наших гаваней горстями раскидать дубовых желудей. Если бы до нас живущие сие делали, то мы нашли бы лучшие удобства»⁷.

Для России итоги второй войны с турками оказались скромнее её военных достижений: оставив за собой Крым и территорию между Днестром и Бугом, она вернула османам Бессарабию, Молдавию и Валахию. Эти уступки были заранее обговорены между Екатериной и Потёмкиным, они диктовались необходимостью избежать внешнеполитической изоляции.

Опасность такой изоляции становилась реальной после измены Австрии, враждебных приготовлений Пруссии и усилий Англии по созданию антирусской коалиции. И всё-таки главное было достигнуто: Турция признала присоединение Крыма к России. Теперь ничто не препят-

ствовало России держать на Чёрном море свой флот и быть великой морской державой.

Победы России в войнах против Швеции и Османской империи обеспечило то, что она была не атакующей, а обороняющейся стороной. А

боеспособность русской армии оказалась намного выше, чем у её соперников, что во многом объясняется наличием в ней целого созвездия талантливых военачальников, воспитывавших русских солдат в духе высокого патриотизма.

«Откроется путь к начинанию важного дела»

Придя к оптимальному решению на южном фланге внешнеполитического фронта, российская дипломатия могла теперь обратить свои взоры к польскому вопросу. Екатерина II поначалу рассчитывала на союзнические отношения с Польшей.

«Касательно польских дел: стараться буду, чтобы соглашение о союзе не замедлилось; выгоды полякам обещаны будут. Если сим привяжем поляков и они нам будут верны, то сие будет первый пример постоянства в их истории. Если кто из них захочет войти в мою службу, то не отрекусь его принять. Впрочем, принимать поляков в армию и делать их шефами подлежит рассмотрению личному, ибо ветренность, недисциплинированность и дух мятежа в них царствует»⁹.

Обостряло польскую проблему провокационное поведение прусского короля Фридриха II, разыгрывавшего сложную дипломатическую комбинацию. Он настраивал против России поляков и одновременно хотел вынудить Россию вмешаться в польские дела. Удачный исход этой комбинации заставил бы русских, во-первых, отвлечь военные ресурсы с южного фронта, а во-вторых, дать Фридриху «легитимные» основания для введения своих войск на территорию Польши.

В июле 1789 г. Екатерина жаловалась Потёмкину: «Король прусской выдумывает новые лжи и клеветы, чтобы поджигать поляков».

В этой непростой ситуации русской дипломатии приходилось делать ставку на хладнокровие и выдержку: «Кажется, всё возможное делается, чтобы короля удержать, в гневе умягчить». В то же время Екатерина не собиралась безропотно подстраиваться под поведение пруссаков: «Не упущу случая, где только можно будет, выводить на белый свет коварство прусского двора. ...Мы пруссаков ласкаем, но каково на сердце терпеть их грубостью и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть»².

Специфика ситуации заключалась в том, что русское население Польши желало вхождения в состав единого Русского государства, но прийти ему на помощь Петербург мог только тогда, когда у него будут развязаны руки на Чёрном море, и не раньше. Потёмкин говорил Екатерине о необходимости воспользоваться ослаблением Речи Посполитой для воссоединения древнерусских земель и ликвидации Брестской унии, тяжело переживаемой белорусами.

«Касательно Белоруссии и прекращения унии, — отвечала Екатерина князю, — твои примечания основательны и оные производить в действие нужно. Касаемо Польши, сие нужно сообразить с другими делами и настоящим нашим положением... После мира (с турками. — Авт.) и белорусцов прибрать можно. ...Для надёжного производства в действие твоего плана (относительно Польши. — Авт.) необходим мир с турками и шведом. По восстановлении покоя откроется путь к начинанию

важного дела, которое, кажется, всего удобнее предпринять при возвращении войск наших через Польшу».

«Важным делом» императрица называла освобождение от польской власти белорусских и украинских земель.

В ноябре 1790 г. она сообщила Потёмкину: «О польских делах тебе скажу, что деньги на оныя я приказала ассигновать до пятидесяти тысяч червонных».

Она раскрывала перед фаворитом свои подходы к решению польской проблемы: «Ничего бы не стоило обещать полякам гарантию на их владения, но они сами торжественным актом отвергли всякое ручательство, не ведая, в какую беду их ведёт союз с королём прусским, то тем самым предоставили России свободу действий»².

Тем не менее Екатерина стремилась не допустить преждевременного вступления русских войск на территорию Речи Посполитой: «По польским делам поступать надлежит с крайней осторожностью, дабы не от нас был первый выстрел. При всех действиях наших в Польше, хотя и не открытых, надлежит нам паче всего не дать орудия врагам нашим, чтобы не могли нас предъявить свету яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англия в пособие королю прусскому не вступала, к Балтике кораблей не присылала, да и другие державы от нас не отвратились, и наш союзник не взял повод уклониться от участия»².

Екатерина опасалась действий Фридриха II, сгоравшего от нетерпения отобрать у Польши Торунь и Гданьск, обещая ей взамен земли, входившие в состав России.

«Пруссаки паки заговаривают поляков, чтобы уступили ему Данциг и Торн, сей раз за наш счёт лаская их, что им отдаст Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужого».

Ещё раньше она назвала прусского короля «новым европейским диктатором, который вздумал отнимать и даровать провинции, как

ему угодно: Лифляндию с Финляндией посулил шведам, а Галицию — полякам»².

От своих агентов в Пруссии императрица знала о подготовке Фридрихом II вторжения на территорию России, потому и просила Потёмкина поскорее заключить мир с турками.

В январе 1790 г. Екатерина писала своему фавориту: «Дай Боже тебе присоединить к победам имя миротворца? в сём нам теперь главнейшая нужда, ибо не осталось почти никакого сомнения, чтобы король прусской не имел в намерении, обще с поляками, весною напасть на наши владения. ...Надлежит врагам показать, что у нас есть зубы, готовые на оборону отечества, а то они вздумали, что с поляками до Москвы дойдут».

Как только спало напряжение на шведском и турецком театрах боевых действий, Екатерина предприняла меры для укрепления западной российской границы. Это возымело воздействие на Пруссию: «Его величество прусской король уже изволил изъясниться, что нас не атакует, чему нетрудно и поверить»².

В мае 1791 г. после принятия польским сеймом конституции в Польше началось брожение. Конституция несколько усиливала королевскую власть, но при этом сохраняла за шляхтой феодальные привилегии, крестьянство оставалось в крепостной зависимости, католичество, как и раньше, объявлялось государственной религией. Было упразднено деление Речи Посполитой на Королевство Польское и Великое княжество Литовское, провозглашалась единая Польша. Некоторые магнаты и шляхтичи воспротивились усилению королевской власти, организовали оппозиционную конференцию и обратились к Екатерине II за военной помощью. Летом 1791 г. после

окончания войны с турками русские войска были переброшены в Польшу и вскоре заняли Варшаву.

В марте 1793 г. произошёл второй раздел Польши.

К России были присоединены Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Пруссия захватила Гданьск, Торунь и Великую Польшу. На оставшейся незанятой части Польши с населением в 4 млн чел. началось восстание, которое возглавил генерал Тадеуш Костюшко. Шансов на победу над русскими и пруссаками у Костюшко было немного, потому что он был носителем шляхетской психологии, что заметно сужало социальную базу восстания. Русским войскам под началом Суворова удалось разбить отряды восставших поляков.

В начале 1795 г. состоялся третий раздел Польши, и самостоятельное Польское государство прекратило своё существование. Коренные польские земли были разделены между Австрией и Пруссией, что было трагедией для польского народа, более чем на сотню лет лишившегося своей государственности. Россия не претендовала на исконные польские территории. Присоединение к России Западной Белоруссии и Вольни означало решение важнейшей исторической задачи по собиранию в составе единого государства всех восточнославянских земель, кроме Галиции. Присоединение украинцев и белорусов к мощной Российской империи являлось для них несомненным благом, выразившимся в возможности влиться в русло стабильного и безопасного развития, сохранить и приумножить свои культурно-исторические традиции.

Примечания

¹ Век золотой Екатерины // URL: http://www.isochoi.ru/blog/sabirov_post1467.html

² Императрица Екатерина и князь Потёмкин. Подлинная их переписка. Отгиск журнала «Русская старина». СПб., 1876. Т. XVII. С. 31, 209-214, 404-407, 413-414, 421-425, 636-642.

³ Манифест «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» // URL: <http://www.clubvi.ru/news/2012/05/11/iosiflane>

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch76.htm>

⁵ «Царей и царств земных отрада...» // URL: <http://nepetasong.info/214.html>

⁶ Цит. по: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 46.

⁷ Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1874. № 13. С. 334-335.

⁸ Людовик XV // URL: http://www.bionames.ru/bio/biographies/Lyudovik_XV_

⁹ Императрица Екатерина и князь Потёмкин. Подлинная их переписка. Отгиск журнала «Русская старина». СПб., 1876. Т. XVI. С. 45-48, 446-450, 453, 458-461, 469.

Список статей, опубликованных в журнале в 2012 году

- Авцинова Г.** Концепция «устойчивого развития» – идеология и практика утверждения нового мирового порядка ..... № 4(267)
- Авксентьев В., Аксюмов Б.** Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона ..... № 7(270)
- Александров М.** Начнет ли Россия геополитическое наступление в Прибалтике? ..... № 5(268)
- Андреев В., Бараненко В.** Химическая и биологическая безопасность как часть национальной безопасности России ..... № 7(270)
- Антонов А., Колтунов В.** Договор РСМД четверть века в строю. .... № 9(272)
- Арутюнян О., Сергунин А.** Восточное партнерство ЕС: «второе дыхание»? ..... № 1(264)
- Ас-Самак Абдель Керим Ибрагим.** Журналист и историк Амин Саид. .... № 8(271)
- Байханов И.** Избирательный процесс в координатах социального времени. .... № 9(272)
- Байханов И.** Потенциал конфликтности в избирательный период ... № 10(273)
- Байханов И.** Формирование института международного наблюдения за выборами ..... № 11(274)
- Берков А.** Операция «Чистые руки» в Италии. .... № 2(265)
- Богомазов В.** Россия, Италия и Ватикан в Европе XXI в. .... № 6(269)
- Богомазов В.** Россия и Ватикан: вызовы XXI века и мировая политика ..... № 11(274)
- Бойко Ю., Садыкова Э.** Цивилизационные аспекты развития Европейского союза. .... № 4(267)
- Бойцова О.** Общественный договор – основа доверия к власти. .... № 4(267)
- Бородин Е.** Менталитет и основы культуры киргизов как титульной нации. .... № 3(266)
- Бородин Е.** Политическая система Кыргызской Республики. .... № 1(264)
- Борщ А.** Публичные мероприятия в российском и зарубежном законодательстве. .... № 1(264)
- Борщ А.** Современные векторы в международных отношениях России ..... № 7(270)
- Борщ А.** Партизаны в Отечественной войне 1812 года. .... № 9(272)
- Булдаков В.** Революция и миф. .... № 9(272)
- Бурчуладзе М.** Институты гражданского общества против коррупции ..... № 11(274)
- Васильева П.** Глобальные политические технологии: теория и практика. .... № 8(271)
- Виноградова А.** Межпарламентские институты: критерии и классификации. .... № 6(269)

Виноградова А. Межпарламентские институты: динамика развития	№ 12(275)
Габараев Б., Денишева К. Весенняя уборка урожая осенних проблем. ...	№ 2(265)
Главачек И. Идеология переселенческого процесса в Израиле	№ 1(264)
Главачек И. Глобальные проблемы: вызовы и ответы.	№ 2(265)
Главачек И. Фактор национального сознания в политике безопасности Израиля	№ 3(266)
Годованюк К. Механизмы принятия внешнеполитических решений Великобритании.	№ 2(265)
Гордон А. Судьбы революционного наследия	№ 8(271)
Григорьев Ю. Правовая основа, обеспечение и регулирование деятельности власти в зоне КТО	№ 10(273)
Григорьев Ю. Противоправность деятельности наемников бандформирований	№ 11(274)
Григорьев Ю. Правовое регулирование возмещения вреда, возникающего при проведении КТО	№ 12(275)
Григорова Д. Демократия по-русски, или демократия новой России. № 3(266)	
Гронская Н. К общеевропейскому пространству безопасности?	№ 3(266)
Гусев А. Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития.	№ 4(267)
Гусев А. Экологическая ниша России.	№ 6(269)
Гусев А. Вступление России в ВТО: реальные последствия	№ 10(273)
Гусева Н. Высшее образование в контексте модернизационного развития.	№ 2(265)
Гусева Н. Российское образование в контексте Болонского процесса. № 6(269)	
Дробот Г. Критический анализ концепции глобального управления. № 9(272)	
Дружиловский С. Ирано-турецкое соперничество в Закавказье.	№ 4(267)
Егоров В., Морозов А. Партология М.Дюверже и актуальные проблемы российского партотенеза.	№ 5(268)
Егоров В., Савина О. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества	№ 12(275)
Ермакова Э. Европа без границ – утопия или необходимость?	№ 3(266)
Ермакова Э. Франко-бельгийское трансграничное профсоюзное сотрудничество.	№ 7(270)
Журавель В., Лебедев А. Второй штурм Грозного	№ 8(271)
Загородников А. PR – вчера и сегодня	№ 1(264)
Задохин А. Русское национальное сознание и внешняя политика России.	№ 8(271)
Зуев А. Модернизация взаимоотношений власти и бизнеса в России.	№ 1(264)

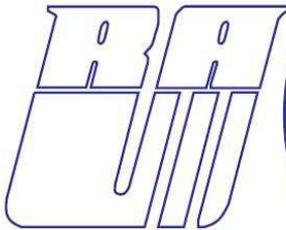
Ибрагимов И. Внешняя политика Азербайджана	№ 10(273)
Иванов С. «Арабская весна» продолжается	№ 3(266)
Ивановский Зб. Основные этапы и векторы внешней политики Перу.	№ 4(266)
Исаков А. Советский Союз был	№ 10(273)
Исмаилов А. Идеи «христианской демократии» в творчестве Г.П.Федотова	№ 2(265)
Калиш Я. Тандем в российской политике: история и современность. ...	№ 1(264)
Карпенко С. Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: разные пути возрождения России	№ 10(273)
Карташкин В. Защита прав человека: от гуманитарной интервен- ции к использованию механизмов ООН	№ 9(272)
Касаев Э. О банковском секторе Катара.	№ 3(266)
Кисловский Ю. Тайну раскрывают документы.	№ 5(268)
Колесов В. Совершенствование государственной программы пере- селения соотечественников.	№ 9(272)
Корнилов Е. Политическая коррупция – фактор деградации государства.	№ 9(272)
Корэйба Я. Интеграционные проекты на постсоветском простран- стве	№ 6(269)
Крикунова В. Мировые СМИ – инструмент политического влияния.	№ 4(267)
Кротов Н. Экономика Витте. Руководство к действию.	№ 5(268)
Кротов Н. Столыпин образец для подражания или...?	№ 7(270)
Кубышкин А., Степанов В. Глобальная система ПРО США в контексте стратегической стабильности	№ 12(275)
Кузнецова М. Эволюция внутриполитической ситуации в Гибралтаре.	№ 3(266)
Кухаркин А. Киберугрозы и защита информации	№ 10(273)
Леонова О. Евразийский союз: два проекта.	№ 4(267)
Мамонов М. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе	№ 11(274)
Манасев А. Русский язык и законодательство стран Балтии.	№ 9(272)
Медушевский А. Была ли неизбежна русская революция 1917 года?	№ 11(274)
Михайленко А. Теневая сторона российско-китайских связей.	№ 1(264)
Михайленко А. Лидерство в современных международных отноше- ниях.	№ 5(268)
Михайленко А. Разведывательная деятельность современном мире	№ 12 (275)
Монин С. 1941 год: к югу от советских границ.	№ 1(264)
Некрасов В., Пляшкевич М. Философское осмысление принципа дисимметрии в вопросах о возникновении жизни.	№ 4(267)
Николаева Е. Концепция социальной ответственности бизнеса.	№ 2(265)

Николаева Е. Социальная ответственность российского бизнеса	№ 8(271)
Орлов А. Уроки истории и современность	№ 11(274)
Павленко В. Россия Китай: чужой проект или проектная альтернатива?	№ 5(268)
Павленко В. Византия и Россия: духовное и историческое наследие	№ 8(271)
Павленко В. Есть ли будущее у истории?	№ 11(274)
Петрова Т. И в Антарктике есть Мачу-Пикчу.	№ 8(271)
Поздняков Э. Смертная казнь: нужно ли ее вводить?	№ 6(269)
Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии.	№ 3(266)
Приходько О. Россия и Запад: «перезагрузка» и несбывшиеся ожидания.	№ 5(268)
Пузикова А. Лоббизм в России: трудная дорога к легализации	№ 11(274)
Расторгуев С. Губернаторские послания и бюджетная политика регионов.	№ 2(265)
Розанов А. Баскский терроризм: основы профилактики и опыт для России.	№ 7(270)
Романова Л. Европейский финансовый кризис.	№ 1(264)
Рудов Г. Россия – Узбекистан: сотрудничество в интересах мира и процветания.	№ 4(267)
Рыбаков С. Реформатор государственник.	№ 5(268)
Рыбаков С. Высшее образование и наука на Украине.	№ 9(272)
Рыбаков С. «На зависть Европы я смотрю спокойно»	№ 12(275)
Савина О. Миграционные настроения молодёжи – индикатор диаспоральной политики России.	№ 7(270)
Садыхова Э. Цивилизационные аспекты модернизации внешней политики.	№ 3(266)
Селезнев П. Европейский путь инновационной политики.	№ 6(269)
Сенявская Е. Красная Армия в Европе в 1945 году.	№ 2(265)
Сенявская Е. Красная Армия в Европе в 1945 году.	№ 3(266)
Соловов А. Героическая страница истории внутренних войск МВД России.	№ 6(269)
Строительев А. Источники права вооруженных конфликтов и их современная правовая характеристика	№ 6(269)
Строительев А. Принципы права вооруженных конфликтов и их использование	№ 7(270)
Строительев А. Государственное принуждение в политической практике и правомерность его применения.	№ 8(271)
Суржик Д. У истоков американской пропаганды.	№ 8(271)
Сыгин А. Существо демократии в западной политической мысли	

конца XX – начала XXI в.	№ 4(267)
Тарнопольский С. Диверсификация энергетики – основа устойчивого развития России.	№ 2(265)
Терновая Л. Проекция во времени: об источниках по истории международных отношений.	№ 9(272)
Тишков С. Реализация принципов международного права в миротворческих акциях.	№ 4(267)
Трухин Д. Феномен глобального управления в трактовке западных ученых.	№ 7(270)
Усова Ю. Политические процессы в России: современные реалии и перспективы	№ 6(269)
Фурсов А. Цивилизационные аспекты модернизации внешней политики	№ 3(266)
Фурсов А. Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего	№ 4(267)
Фурсов А. Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории.	№ 6(269)
Фурсов А. Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории.	№ 7(270)
Халидов Д. Глобализация и иммиграция. Уроки запада.	№ 2(265)
Холов И. Евразийское экономическое сообщество	№ 8(271)
Цветков А. 1942-й: трагедия и перелом.	№ 1(264)
Цветков А. Новогоднее (стихотворение)	№ 1(264)
Цветков А. Свет надежды (стихотворение)	№ 2(265)
Цветков А. Органы безопасности в Сталинградской битве	№ 3(266)
Цветков А. Наша победа (стихотворение)	№ 4(267)
Цветков А. Кого мы победили в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов?	№ 7(269)
Цветков А. История двух стихотворений	№ 8(271)
Цветков А. Новый октябрь (стихотворение)	№ 10(273)
Цветков А. Тринадцатый	№ 12(275)
Цыбаков Д. Влияние милитаризации на трансформацию современного миротворчества.	№ 3(266)
Чазов О. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых геополитических условиях.	№ 5(268)
Чертищев А. Можно ли остановить революцию?	№ 12(275)
Чиджиев Б. Малые государства и геополитика	№ 10(273)
Шарипов У. Битва за Сирию	№ 10(273)

Шарипов У. Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме	№ 8(271)
Шарипов У. НАТО и гибель режима Ливийской Джамахирии	№ 9(272)
Шатилов А. Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России	№ 12(275)
Шишкин И. Преступный Пакт без преступления	№ 7(270)
Шишмарева М. Миграционный процесс в Европейском союзе.	№ 2(265)
Штоль В. «Летопись» нового «смутного времени»	№ 10(273)
Штоль В. Приглашение к путешествию по геополитике	№ 11(274)
Штоль В. Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости	№ 12(275)

Подписка на 2013 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на полугодие
36789 — на год

ОБЗЕРВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Column of the editor	5
The thirteenth (poem)	7

A. Tsvetkov

Ideological support for official political course of the ruling elite in Russian Federation	8
--	---

A. Shatilov

The article deals with processes of ideological support for modernization projects of the national elites in the late Soviet and Post-Soviet periods. The author mentions several “ideological” phases, where each of them was determined by the leadership of a particular group. Despite some ideological contradictions Russian elite demonstrated a high level of consolidation and considered its activity as a mission towards state and society.

Key words: elite, modernization, ideology, liberalism, “sovereign democracy”, “global joint stock company”, stability.

About the author: SHATILOV Aleksander B. – a PhD in political science (the Financial University under the Government of the Russian Federation), deputy director of the Center for Current politics in Russia.

Legal regulation of indemnification resulting from the counter-terrorist operations	18
--	----

U. Grigorov

The article highlights the process of improvement of legal regulation in the sphere of compensatory payments to individuals and legal entities for the damage

caused as a result of terrorist acts and in the course of carrying out counter-terrorist operations.

Key words: indemnification, counter-terrorist operations, civil-law responsibility, special delict.

About the author: GRIGOROV Uriy Mihailovich – a PhD of law, professor, head of department.

Post-Soviet states: quest for identity and costs of independence

29

V. Shtol

The author considers the complex process of the self-identification of people in the countries of the former Soviet space; analyzes the ethno-national policy in the Baltic States, Central Asia and Moldova; reveals psycho-mobilizing and psycho-compensatory functions of nationalism that led to serious shortcomings in the internal policy of the newly independent states as well as to the appearance of armed and socio-political conflicts based on the above reasons.

Key words: NIS, self-identification, nationalism, ethnic and cultural dominant, Central Asia, Moldova, Baltic, Transnistria.

About the author: SHTOL Vladimir Vladimirovich – doctor of political sciences, professor.

The general cultural-civilization basis as the factor of reintegration of post-soviet regional community

42

V. Egorov, O. Savina

The article highlights the issue on preservation and development of the “Russian world” cultural-civilization identity, formed throughout centuries as a result of an active cultural exchange between people of the modern post-Soviet territory. Introduction of the new independent states to the socio-economical system and the western cultural values will mean for Russia loss of possibility to consolidate the Russian identity in region.

Key words: Cultural identity, multiculturalism, reintegration, the western system of values, the post-Soviet territory.

About the authors: EGOROV Vladimir Georgievich – doctor of historical sciences, professor managing chair of political science and the right of the Moscow state regional university (MSRU), first deputy of the director of Institute of the CIS countries;

SAVINA Olga Vyacheslavovna – research assistant of department of diaspora and migration of Institute of the CIS countries.

US Global Ballistic Missile Defense System in the context of strategic stability

52

A. Kubyshkin, V. Stepanov

The article is dedicated to the research of technology basis and possible deployment perspectives of the US global ballistic missile defense system (BMDS). The author point out a discrepancy between the progress, results of this work against the declared missile threats. Destabilizing role of prompt global strike conception is especially emphasized which implementation along with “phantomlike reliable” BMDS can lead to the catastrophic consequences.

Key words: Strategic stability, defense science and technology policy, global BMDS, network-centric warfare architecture, prompt global strike.

About the authors: KUBYSHKIN Alexandr Vladimirovich – doctor of technical science, professor, ISS Chief Scientist;

STEPANOV Vladimir Mikhailovich – doctor of technical science, professor, ISS Head of Department.

Intelligence activities in the modern world

61

A. Mikhailenko

The article deals with current status of the intelligence activities, their trends and role in the international affairs, as well as possibilities of raising effectiveness of Russian intelligence.

Key words: foreign policy, intelligence services, Central Intelligence Agency of the U.S.A., Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, intelligence means and methods.

About the author: MIKHAILENKO Alexander N. – professor of foreign policy at the department of national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Inter-parliamentary institutions: criteria and classifications

75

A. Vinogradova

By analogy with the well-known concept of the democratization waves the author describes a chronological scheme of “parliamentarization waves” of the international relations in general and in particular of the international organizations. Analysis of the key stages in the development of the IPIs proves that the last quarter of the XXth century turned out to become a kind of bifurcation point in evolution of parliamentary assemblies.

Author presents evolutionary analysis of two key IPI genotypes – international parliamentary organizations and parliamentary bodies of international organizations on basis of quantitative and qualitative criteria, which explains the reasons of differences in their upgrowth and epigenetics.

Key words: inter-parliamentary institution (IPI), parliamentary assembly, international organization, waves of parliamentarization, parliamentarization.

About the author: VINOGRADOVA Anastasia Aleksandrovna – Ph.D. of political science.

Events and People

Is it possible to stop Revolution?

93

A. Chertishchev

The present article deals with the problem of necessity and probability of stopping the process of the Great Russian revolution’s expansion, when the destructive forces of it became absolutely dominant. The realization of this possibility is connected with the success of the revolutionary process.

Key words: power, state, society, revolution, counterrevolution, reforms, disorganization, masses, consciousness, ideal, riot.

About the author: CHERTISHCHEV Andrey V. – Doctor of History, Professor of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.

**“The Europe’s envy does not bother me much”.
Catherine the Great’s 250 anniversary of the reign beginning** 106

S. Rybakov

2012 – a year of significant dates in the history of Russia. Among them there is a date, a subtle but important: 250 years ago Catherine II was proclaimed the Empress of Russia. She was called the Great. Among the advantages of Catherine were big successes in the field of foreign policy. The issues of the external policy of Russia in the period of her reign had been resolved. Catherine’s era might be called as a time of take-off of the Russian Empire’s international importance.

Key words: diplomacy, Empress Catherine II, Rummyantsev, Potemkin, Suvorov, the Russian-Turkish wars, the Crimea, the black sea fleet, Russian-Swedish war, sections of Poland.

About the author: RYBAKOV Sergey Vladimirovich – doctor of historical science, professor of the Ural federal university (Yekaterinburg).

Content of magazines for 2012 122

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 26.11.2012. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 211.